

РОССИЙСКОЕ
ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ,
ПРАКТИКА,
НАУКА

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в июле 2004 года
Выходит 6 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет
имени В. Ф. Яковлева»
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 21

РЕДАКЦИЯ

В. В. ДОЛГАНИЧЕВ, главный редактор
К. С. ПУТУШКИНА, редактор
И. В. ЛЕДНЕВ, ответственный
секретарь

АДРЕС РЕДАКЦИИ

620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 23, каб. 209.
Адрес для корреспонденции:
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 21.
тел./факс (343) 375-58-47,
<https://rospravojournal.usla.ru>
e-mail: rp@usla.ru

Издание зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере связи, информа-
ционных технологий и массовых коммуника-
ций, свидетельство ПИ № ФС 77-55438 от
17 сентября 2013 г.

Использование материалов возможно то-
лько с письменного согласия редакции

Фотографии, использованные в номере, пре-
доставлены авторами статей, героями
интервью и организаторами мероприятий

Журнал распространяется по подписке;
придерживается независимой политики.
Мнения авторов могут не совпадать
с мнением редакции

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

- Харламов В. С., Медведев А. Д.**
Ретроспективный взгляд на противодействие
«антикварной» преступности 4
- Кецко К. В.**
Отдельные криминологические
особенности преступлений, совершаемых
в теневом секторе электронной коммерции
(незаконная игорная деятельность) 12

КРИМИНАЛИСТИКА

- Карепанов Н. В.**
Сущность и характерные особенности
обнаружения следов преступлений 20
- Поляков В. В.**
Структура и содержание способа
совершения высокотехнологичных
преступлений 27
- Шишкина Е. В.**
Тактические комплексы в системе
криминалистических средств расследования
преступлений 40

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Евсеев С. С.**
Идея гуманизма в международном
гуманитарном праве: от древнего мира
до принятия первых международных
договоров 51

ГРАЖДАНСКИЙ
И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

- Кукса Г. И.**
Некоторые аспекты проявления
законной силы судебных актов
в деле о банкротстве 62

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю. С. Безбородов, Л. Н. Берг, В. С. Белых, А. В. Брызгалин, В. А. Бублик, А. В. Винницкий, Д. В. Винницкий, Б. М. Гонгало, В. В. Гошуляк, Е. Ю. Грачева, Д. А. Гришин, И. Г. Дудко, Т. Д. Зражевская, В. Б. Исаков, А. Я. Капустин, И. Я. Козаченко, Ю. В. Козубенко, Г. А. Кокурин, Г. Н. Комкова, А. Н. Костюков, В. В. Круглов, В. И. Крусс, А. М. Куренной, А. А. Ливеровский, Н. А. Мехренцева, А. Н. Митин, А. Н. Мочалов, Е. И. Носырева, В. В. Полянский, А. Д. Прошляков, И. В. Решетникова, В. Н. Руденко, М. С. Саликов (председатель), Н. М. Саликова, А. С. Смыкалин, С. Д. Хазанов, А. М. Хлус, С. Н. Чернов, В. В. Ярков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. А. Авакьян, С. Н. Бабурин, В. В. Блажиев, А. К. Голиченков, В. В. Ершов, В. В. Игнатенко, Г. С. Казинян, Л. О. Красавчикова, П. В. Крашенинников, В. А. Малиновский, С. П. Степкин, Т. Я. Хабриева, Ю. Я. Чайка, Г. Н. Чеботарев, М. Ф. Чудаков, Ю. С. Шемшученко, Б. С. Эбзеев, Э. С. Юсубов

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО**Гаврин Д. А.**

Цифровые финансовые активы и валюта
в делах о несостоятельности (банкротстве) 75

МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО**Мани М. Л.**

Проблемы закрепления в действующем
законодательстве понятия врачебной
ошибки 83

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ**Слабоспицкий А. С.**

Особенности судостроительства
и судопроизводства в Финляндии:
компаративистское исследование 91

CONTENTS

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

- Kharlamov V. S., Medvedev A. D.**
A Retrospective Look at «Antiquarian» Crime Counteraction 4
- Ketsko K. V.**
Certain Criminological Features of Crimes Committed
in the Shadow Sector of E-Commerce (Illegal Gambling) 12

FORENSIC SCIENCE

- Karepanov N. V.**
The Essence and Characteristic Features of the Detection
of Traces of a Crime 20
- Polyakov V. V.**
Structure and Content of the High-Tech Crime Method 27
- Shishkina E. V.**
Tactical Complexes in the System of Forensic Means
of Crime Investigation 40

INTERNATIONAL LAW

- Evsev'ev S. S.**
The Idea of Humanism in International Humanitarian Law:
from the Ancient World to the Adoption of the First
International Treaties 51

CIVIL AND COMMERCIAL PROCEDURE

- Kuksa G. I.**
Some Aspects of the Validity of Judicial Acts in
a Bankruptcy Case 62

BUSINESS LAW

- Gavrin D. A.**
Digital Financial Assets and Currency in Insolvency (Bankruptcy) Cases 75

MEDICAL LAW

- Mann M. L.**
Problems of Enshrining the Concept of Medical Error
in the Current Legislation 83

COMPARATIVE LAW

- Slabospitsky A. S.**
Features of the Judicial System and Judicial Proceedings in Finland:
A Comparative Research 91

В. С. Харламов, А. Д. Медведев
Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург)

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ «АНТИКВАРНОЙ» ПРЕСТУПНОСТИ

Авторы рассматривают законодательство и практику борьбы с хищениями, повреждениями, уничтожением сокровищ национальной культуры в Российской империи, советской и постсоветской России.

Приведены примеры криминальных посягательств на культурные ценности и результаты официальной уголовной статистики по выявлению подобных посягательств. Проанализирована динамика преступных посягательств на культурное наследие России в сравнении с общеуголовной преступностью с 1960-х гг. и заканчивая началом XXI в. Исследованы особенности совершения указанных деяний в зависимости от структуры, предмета преступления и места совершения преступления. Охарактеризована география хищений культурных ценностей в конце прошлого века. Дана оценка латентной преступности в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: ценность, культура, антиквариат, преступление, хищение, сокровище, посягательство

Для цитирования

Харламов В. С., Медведев А. Д. Ретроспективный взгляд на противодействие «антикварной» преступности // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. С. 4–11. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_4.

УДК 343

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_4

Россия является государством, имеющим многовековую историю и великую культуру, в которой находит отражение нравственный и духовный опыт наших предков, передающийся из поколения в поколение, позволяющий обеспечить единство многонационального народа нашей страны и определяющий ее влияние на мировом пространстве. Проблема сохранения и защиты предметов исторического, культурного и художественного наследия народов России от повреждений, уничтожения, хищения, нелегального оборота и контрабанды, а также иных противоправных посягательств не утрачивает актуальности.

Культура – отражение души народа, в сокровищах культуры воплощена его духовная сила. Н. К. Рерих пронизательно отмечал, что «культура защищает историческое достоинство народа» [Рерих 1999]. Наиболее значимы и уникальны для истории, науки, культуры любой страны предметы, имеющие особую

ценность. Признанные мировым сообществом, указанные предметы являются национальным достоянием и формируют нравственные и духовные ориентиры общества. Для обеспечения их сохранности и учета составлены специальные каталоги и списки. Утрата культурных сокровищ влечет утрату чувства народной самобытности, духовной преемственности, самоуважения. Мир глобализируется. Ситуация, когда лишенный национально-культурных ориентиров человек не способен отличить высокое от низкого, запутываясь в потоке возросших объемов информации, чревата губительными последствиями для общества и государства (см., например: Доклад Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2010 г.).

Одной из приоритетных правоохранительных функций государства является охрана предметов и объектов исторического

и культурного наследия от противоправных деяний. Сотрудники органов правопорядка находятся на передних рубежах борьбы с хищениями культурных ценностей. Отметим, что розыск предметов исторического, культурного, художественного и научного наследия, являющихся предметом преступных посягательств, необходимость ориентироваться в общей массе похищенных антикварных вещей, поставленных на специальный учет, требуют от сотрудников правопорядка определенной квалификации, специальных знаний, навыков, умений. Для борьбы с криминальными проявлениями в рассматриваемой сфере особо значим исторический опыт, на основе которого может быть выработан алгоритм первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, необходимых для успешного выявления и раскрытия преступлений данной категории.

С древнейших времен обществу известно о преступлениях, посягающих на предметы исторического и культурного наследия. Первым и наиболее примечательным случаем стал скандальный процесс по делу о расхищениях ценностей и богатств религиозного культа; были оглашены факты разграбления египетских гробниц на шестидесятый год правления фараона Рамзеса IX (приблизительно 1127–1109 гг. до н. э.). В Британском музее хранятся древнеегипетские документы (папирус Эббота и Амхерста Лепольда II), в которых содержатся сведения о проведении официального расследования по фактам расхищения гробниц, находящихся в Фиванском некрополе, и изобличении преступников. Летописцы из Дейр-эль-Медины (по-арабски означает «Город-монастырь»), расположенного в Луксоре на берегу реки Нил, свидетельствовали о хищениях сокровищ из некрополей и гробниц, о чиновниках-мздоимцах и укрывателях. В течение пятнадцати лет после смерти фараона Древнего Египта Тутанхамона его гробница была разграблена.

Расхитителей, которые желали завладеть сокровищами и богатствами, находящимися в некрополях и гробницах, не останавливали тайны местонахождения захоронений, их охрана, наличие ложных и скрытых ходов, ловушек и тупиков. Зачастую расхитителями являлись те люди, которые были обязаны охранять покой фараонов. Данный вид дея-

тельности являлся настолько прибыльным, что по истечении времени образовывались целые династии, специализирующиеся на поиске сокровищ и расхищении гробниц [Элбрахт 1984; Лауэр 1986; Попов 2009].

В средние века к одному из наиболее известных примеров хищений предметов культурного наследия можно отнести совершенную в 1473 г. кражу картины (триптиха) «Страшный суд», выполненной Гансом Мемлингом для украшения монастырской церкви рода Медичи во Флоренции. Картину перевозили заказчику на галере «Маттео», однако по пути следования корабль был атакован и захвачен пиратами. Дальнейшая судьба картины удивительна: один из похитителей презентовал ее Гданьскому кафедральному собору, затем в ходе наполеоновских войн произведение искусства было перевезено в Музей Наполеона (в настоящее время Музей Лувра) в Париже. После падения Наполеона в 1815 г. триптих «Страшный суд» был перевезен в Берлинскую Академию искусств и в скором времени возвращен в Гданьск. В период Второй мировой войны, в 1945 г., при отступлении немецких войск произведение искусства было вывезено в Ленинград, где до 1956 г. хранилось в Эрмитаже. По просьбе польской стороны оно возвращено в Гданьск, где теперь хранится в Поморском музее, расположенном в средневековом монастыре Святой Троицы [Дзери 2004].

В царской России ответственность за кражу, порчу и уничтожение предметов культурного наследия регламентировал принятый Земским собором в 1649 г. свод законов – Соборное уложение. В период правления Петра I после 1718 г. было издано несколько царских указов об охране памятников культуры. В декабре 1826 г. министр внутренних дел Российской империи В. С. Ланской разослал во все губернии циркуляр о строжайшем запрещении разрушения памятников старины и об обеспечении сохранности имеющихся предметов старины и культуры [МВД России 2002].

В 1859 г. по указу Александра II образовано первое в Российской империи государственное учреждение по руководству археологическими изысканиями – Археологическая комиссия, подведомственная Министерству императорского двора, возглавляемому графом С. Г. Строгановым. Основными направ-

лениями деятельности Комиссии являлись розыск предметов древности, систематизация и обобщение сведений о культурных ценностях, памятниках и объектах архитектуры, проведение их оценки. Обязанность по обеспечению сохранности памятников на казенных и общественных землях была возложена и на Министерство внутренних дел. В ноябре 1869 г. министр внутренних дел Российской империи А. Е. Тимашев направил по всем губерниям очередное циркулярное письмо, предписывавшее отослать в столицу описания и чертежи всех древних зданий, в том числе исторических памятников. В марте 1889 г. право охраны памятников и объектов архитектуры, контроля за их реставрацией по указу Александра III впервые в истории страны передано только государственным ведомствам. В 1901 г. Министерство внутренних дел разослало по губерниям, областям и отдельным городам Российской империи циркуляр, согласно которому нужно было осуществлять учет исторических памятников и объектов архитектуры, их подлинной ценности, состояния и научной значимости [Там же].

В течение последнего десятилетия хищения предметов, имеющих особую ценность, представляют для правоохранительных органов значительную оперативно-следственную проблему

Октябрьская революция не обеспечила должной сохранности культурных сокровищ. Однако в 1917 г. первый нарком просвещения А. В. Луначарский приказом по вверенному ему наркомату потребовал продолжить организацию мероприятий в сфере охраны памятников истории и культуры [Дзери 2004].

Возросшая после распада Советского Союза активность преступлений, посягающих на предметы культурного наследия, показала необходимость в разработке дополнительных нормативных правовых актов и в перегруппировке сил и средств правоохранительных органов страны. Сегодня действует ряд правил, направленных на сохранение и защиту исторического, культурного, художественного и научного наследия, они устанавливаются, в том числе, действующим гражданским и таможенным законодательством о библи-

отечном деле, музейном и архивном фондах, порядке вывоза и ввоза предметов исторического, культурного, художественного и научного наследия. Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает ответственность за хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164), за контрабанду культурных ценностей (ст. 188), за невозвращение культурных ценностей на территорию России (ст. 190), а также за уничтожение и повреждение памятников истории и культуры (ст. 243).

В целях противодействия возросшей активности преступных посягательств на предметы культурного наследия в апреле 1992 г. в подразделении уголовного розыска, входящем в структуру МВД России, сформирован специальный отдел по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений в указанной сфере. В весьма короткие сроки новый отдел смог разобраться в проблемах и трудностях, возникающих в процессе раскрытия преступлений данной категории, и доказал свою эффективность; его деятельность в значительной мере способствовала стабилизации оперативной обстановки.

Примером может послужить событие, которое средства массовой информации и общественность провозгласили «кражей века». В 1994 г. из Российской национальной библиотеки были похищены 92 предмета исторического и культурного наследия, включающие древние уникальные рукописи и ритуальные экспонаты, общей стоимостью свыше 140 млн долл. США. По результатам расследования было установлено, что преступление совершено международной организованной группой, которая состояла из граждан иностранного государства и в которую входил бывший сотрудник библиотеки, занимавший должность главного хранителя отдела рукописей. Он рассказал о расположении помещений библиотеки, местах хранения ценных книг и предметов, системе сигнализации и способах проникновения. В результате своевременно налаженной работы государственным музеям, частным коллекциям и религиозным организациям возвращены уникальные богатства национальной культуры.

В течение последнего десятилетия хищения предметов, имеющих особую ценность, представляют для правоохранительных органов значительную оперативно-следственную

проблему. Количество выявленных преступников рассматриваемой категории (ст. 164 УК РФ) остается незначительным. В частности, согласно представленным Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации в 2010–2021 гг. отчетам о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам, в России ежегодно осуждалось за хищение культурных ценностей по ст. 164 УК РФ от трех (в 2018 г.) до 24 (в 2016 г.) человек. Ущерб от хищения сокровищ велик, а деятельность органов правопорядка в указанном направлении недостаточно эффективна.

Так, по результатам плановой ревизии, проводимой в 2006 г. в Государственном Эрмитаже, выявлено отсутствие значительного количества произведений искусства из коллекции Фонда драгоценных металлов и камней Отдела истории русской культуры. Установлено, что всего украден 221 предмет (единица хранения), в числе которых значились коллекции русских икон, потиров и ювелирных изделий середины XIX в. – начала XX в. В результате расследования уголовного дела установлено, что к хищениям причастны хранитель отдела музея и ее супруг, сумма причиненного материального ущерба составила порядка 143 722 000 руб. (см., например: обвинительный приговор Дзержинского суда г. Санкт-Петербурга от 15 марта 2007 г. по делу № 201).

Еще одним примечательным примером является хищение подлинника картины Ивана Айвазовского «Восход» (1856 г.) из Астраханской государственной картинной галереи им. Б. Кустодиева. Сотрудники правоохранительных органов в ходе расследования уголовного дела установили, что к хищению причастен реставратор, которому указанное произведение искусства было передано на восстановление в 1999 г. Проведенная в Русском музее Санкт-Петербурга экспертиза подтвердила факт фальсификации картины. Кроме того, к уголовной ответственности за ненадлежащее исполнение своих обязанностей привлечены директор и хранитель картинной галереи, которые передали реставратору художественный объект в нарушение установленных правил. На момент хищения стоимость картины оценивалась в 2,9 млн руб., однако, по

мнению некоторых экспертов, рыночная стоимость картины выше в несколько раз. По окончании расследования уголовного дела установить местонахождение похищенного сотрудникам правоохранительных органов так и не удалось.

Анализ динамики совершения преступных деяний, посягающих на культурное наследие России, за последние полвека свидетельствует об идентичности тенденций общей зарегистрированной преступности и «антикварной» преступности в стране.

В рассматриваемый период с 1960-х гг. и до первой половины 1980-х гг. в целом можно заметить медленный, но стабильный рост преступности: общее количество зарегистрированных преступлений в СССР увеличилось почти в 2,5 раза. Например, в 1966 г. было зарегистрировано 582 965 преступлений, а к 1985 г. это количество достигло 1 416 935 [Судебная статистика 1998]. На фоне обстоятельств, способствующих общему росту преступности в стране, в указанный период также значительно возросло количество преступлений, посягающих на предметы культурного наследия. Изначально хищения из учреждений культуры, музеев являлись единичными случаями и в значительной степени были связаны с желанием отдельных подростков завладеть экспонатами времен Великой Отечественной войны, в том числе огнестрельным оружием, орденами, медалями, монетами и т. п.

Анализ статистики показывает, что в 1970-х гг. зарегистрировано всего шесть случаев хищений из учреждений культуры и музеев. Предметами указанных преступлений очень часто выступали работы мастеров иконописи Древней Руси, картины известных авторов XVII в. Два преступления остались нераскрытыми, а по двум другим установить местонахождение значительной части похищенного так и не удалось, поскольку к моменту задержания преступников им удалось ее сбыть. В указанный период более четко сформировался новый канал сбыта за рубеж старинных предметов, имеющих историческое и культурное значение. Как правило, преступная схема разрабатывалась организованной группой, участниками выступали граждане нашей страны, переселившиеся за рубеж, а также должностные лица дипломатических консульств и представительств. Та-

ким образом, наметилась тенденция к сбыту похищенных исторических и культурных ценностей за рубеж [Сабитов 2002: 18].

Помимо сведений о хищениях исторических и культурных предметов из учреждений культуры, музеев, художественных галерей и выставок, в правоохранительные органы все чаще стала поступать информация о совершении краж, грабежей и разбоев в отношении граждан, в том числе с проникновением в квартиры, а также в отношении различных религиозных учреждений. Результаты исследования, проведенного Главным управлением уголовного розыска и Всероссийским научно-исследовательским институтом МВД СССР, показали, что в 1980 г. было зарегистрировано 587 309 краж, грабежей и разбоев, из которых посягательства на личное имущество граждан составили 81,5 %, а на государственное и общественное имущество – 16,3 % [Горбачев 1988: 8]. Ежегодно раскрываемость преступлений указанной категории составляла в среднем 75–77 %. Анализ официальных данных свидетельствует о том, что хищения предметов, имеющих историческое и культурное значение, в основном совершались из квартир граждан (77,4 %), реже из церквей, соборов, синагог и т. п. (20,1 %), музеев (1,1 %) и картинных галерей (0,3 %).

Преступления, посягающие на культурные ценности, в основном охватывали всю европейскую часть РСФСР, республики Прибалтики, Украину, Белоруссию и Молдавию. Позже наметилась тенденция к их «продвижению» на территорию Сибири и Дальнего Востока. С 1975 по 1979 г. число зарегистрированных краж предметов, представляющих культурную ценность, в Московской, Рязанской, Вологодской, Владимирской, Калининской областях и Молдавской ССР составило: в 1975 г. – 24 кражи, в 1976 г. – 43, в 1977 г. – 61, в 1978 г. – 130, в 1979 г. – 207. То есть за эти пять лет было зарегистрировано 465 преступлений, посягающих на антикварные предметы. В течение 1981 г. количество преступлений указанной категории увеличилось до 407 случаев.

В 1986–1988 г. количество зарегистрированных преступных посягательств значительно уменьшилось, чему способствовали проводимые в стране мероприятия, направленные на борьбу с пьянством. В указанный период также уменьшилось количество преступных

посягательств на предметы, имеющие историческое, культурное, художественное значение. В 1987 г., по официальным данным, было совершено всего 146 краж предметов указанной категории, а в 1988 г. – 158.

В 1989–1993 гг. в России произошел резкий рост преступности, который обусловлен скоротечным переходом к рыночной экономике и образованием новых форм общественных отношений. Так, в 1989 г. зарегистрировано 1 619 181 преступление, а в 1993 г. – 2 799 614, т. е. за пять лет число преступлений общеуголовной направленности возросло в 1,73 раза [Судебная статистика 1988]. В течение указанного периода в стране произошел колоссальный рост количества преступлений, посягающих на предметы, имеющие историческую, культурную и художественную ценность. Если в 1989 г. было совершено 375 преступлений, то в 1990 г. – уже 1124, в 1991 г. – 2545, в 1992 г. – 4189, в 1993 г. – 4796, т. е. за пять лет количество преступлений данной категории увеличилось более чем в 12 раз [Преступность – угроза России 1993]. При этом можно отметить, что на 1993 г. пришелся пик общего роста преступности, в том числе посягательств на предметы культурного наследия.

В последующий период, с 1994 по 1998 г., в государстве наблюдался устойчивый уровень преступности. Согласно статистическим данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 1998 г. было зарегистрировано 2 581 940 преступлений, в числе которых 2492 противоправных деяния, посягающих на предметы исторического и культурного наследия. География совершения «антикварных» преступлений в большинстве случаев (более 50 %) охватывает Московскую, Ленинградскую, Нижегородскую, Ивановскую и Ярославскую области. В рассматриваемый период из различных религиозных учреждений, находившихся под охраной органов правопорядка, совершено 233 хищения икон, книг и иных религиозных предметов. Анализ совершенных хищений ценностей и предметов исторического и культурного наследия показывает, что в 57 % случаев они совершились из квартир и частных домов, в 8 % – из различных религиозных учреждений, реже всего – из учреждений культуры, художественных галерей, библиотек, архивов и выставок (всего 2,6 %).

В 1999 г., по официальным данным органов внутренних дел, в стране зарегистрировано 3 001 748 преступлений, что свидетельствует о значительном росте общеуголовной преступности. В том числе за указанный период зафиксировано 2684 случая хищения предметов, представляющих историческую, культурную и художественную ценность [Преступность и правонарушения 2001], а в 2000 г. – 2431 случай [Преступные посягательства 2004]. Следует отметить, что в начале XXI в. в стране фактическая преступность в рассматриваемой сфере в три раза превышала регистрируемую преступность (коэффициент латентности составлял 3,05) [Латентная преступность 2007: 127].

Подводя итог, повторим, что культурное наследие является неотъемлемой частью исторического прошлого нации, консолидирует знания, опыт и достижения предшествующих поколений, имеет основополагающее значение для формирования духовных и нравственных ориентиров человека, общества и государства. При этом раскрытие и расследование посягательств на предметы, представляющие историческую, культурную и художественную ценность, вызывают многочисленные проблемы. Приведенные примеры показывают, что к хищению предметов культурного наследия, как правило, причастны должностные лица, ответственные за их хранение и обеспечивающие их безопасность. В связи с этим факты хищений могут быть сокрыты от правоохранительных органов на протяжении длительного времени, что в свою очередь может существенно затруднить их выявление и раскрытие. Как правило, преступления указанной категории носят организованный характер и совершаются несколькими лицами, в число которых могут входить граждане иностранных государств, оказывающие содействие в незаконном вывозе предметов исторического и культурного наследия за пределы Российской Федерации.

Зачастую похищенные предметы, имеющие историческую, культурную и художественную ценность, незаконно вывозятся за рубеж иностранным заказчиком, для этих целей вырабатываются все более сложные маршруты контрабанды, имеющие транснациональный характер. Проблемные вопросы, связанные с возвращением предметов культурного наследия в Российскую Федерацию, остаются в центре общественного внимания, а их разрешение является одним из приоритетных направлений деятельности государства.

В настоящее время в Российской Федерации реализуется комплекс мер, направленных на борьбу с преступлениями указанной категории. Государственная культурная политика предполагает совершенствование законодательной базы, которая регламентирует проблемные вопросы, связанные с обращением предметов культурного наследия, их оценкой, учетом, порядком вывоза и ввоза на территорию Российской Федерации. Изложенные обстоятельства обуславливают необходимость подготовки квалифицированных кадров органов внутренних дел, способных противостоять стремительному развитию механизмов совершения преступлений рассматриваемой категории.

В заключение необходимо констатировать следующее.

Во-первых, преступные деяния, посягающие на предметы культурного наследия, представляют высокую общественную опасность и наносят любой стране неопределимый и невосполнимый вред, как моральный, так и материальный.

Во-вторых, борьба с «антикварной» преступностью имеет многовековую историю.

В-третьих, посягательства на культурные ценности относятся к высоколатентным преступлениям.

В-четвертых, динамика общеуголовной преступности коррелирует с динамикой «антикварной» преступности.

Список литературы

Горбачев В. Г. Предупреждение и раскрытие краж культурных ценностей. М.: Акад. МВД СССР, 1988. 98 с.

Дзери Ф. Мемлинг. «Страшный суд». М.: Белый город, 2004. 48 с.

Латентная преступность в Российской Федерации: 2001–2006 / под ред. С. М. Иншакова. М.: Закон и право; ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 351 с.

Лауэр Ж.-Ф. Загадки египетских пирамид / отв. ред. И. С. Кацнельсон. М.: Наука, 1966. 224 с.

МВД России: энцикл. / под ред. В. Ф. Некрасова. М.: Объединенная редакция МВД России; ОЛМА-Пресс, 2002. 624 с.

Попов А. Тайны египетских пирамид. СПб.: АСТ, 2009. 251 с.

Преступность – угроза России: Обзоратель: информ.-аналит. еженедельник / под ред. В. В. Штоль. М.: РАУ-Университет, 1993. № 2. 79 с.

Преступность и правонарушения (1996–2000): Статистический сборник / сост. Е. А. Кобякова. М., 2001. 183 с.

Преступные посягательства на культурные ценности в России. Статистический сборник 1999–2003 гг. М.: ГИЦ МВД России; ГУУР МВД России, 2004. 185 с.

Рерих Н. К. Листы дневника. М.: Междунар. центр Рерихов, 1999. Т. 1. 672 с.

Сабитов Т. Р. Охрана культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2002. 196 с.

Судебная статистика: Преступность и судимость (современный анализ данных уголовной судебной статистики России 1923–1997 годов). М.: Рос. юрид. издат. дом, 1998. 64 с.

Элебрахт П. Трагедия пирамид: 5000 лет разграбления египетских усыпальниц. М.: Прогресс, 1984. 215 с.

Валентин Станиславович Харламов – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России. 198206, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1. E-mail: valentinx55@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-2009-197X

Александр Дмитриевич Медведев – адъюнкт адъюнктуры Санкт-Петербургского университета МВД России. 198206, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1. E-mail: ad-medvedev@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-6717-9063

A Retrospective Look at «Antiquarian» Crime Counteraction

The authors consider the legislation and practice of combating theft, damage and destruction of the treasures of national culture in the Russian Empire, Soviet and post-Soviet Russia. Examples of criminal encroachments on cultural property and official criminal statistics on the detection of these encroachments are given. The dynamics of criminal encroachments on the cultural heritage of Russia in comparison with general criminal offenses, from the 1960s and to the beginning of the 21st century, is analyzed. Peculiarities of committing these encroachments depending on the structure, subject of the crime and place of committing the crime were studied. The geography of thefts of cultural property at the end of the 20th century is considered. Latent crime in the area under consideration is assessed.

Keywords: value, culture, antiques, crime, theft, treasure, encroachment

Recommended citation

Kharlamov V. S., Medvedev A. D. Retrospektivnyi vzglyad na protivodeistvie «antikvarnoi» prestupnosti [A Retrospective Look at «Antiquarian» Crime Counteraction], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 1, pp. 4–11, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_4.

References

Dzeri F. *Memling*. «Strashnyi sud» [Memling. «The Last Judgement»], Moscow, Belyi gorod, 2004, 48 p.

Elebrakht P. *Tragediya piramid: 5000 let razgrableniya egipetskikh usypal'nits* [The Tragedy of the Pyramids: 5,000 Years of Looting of Egyptian Tombs], Moscow, Progress, 1984, 215 p.

Gorbachev V. G. *Preduprezhdenie i raskrytie krazh kul'turnykh tsennostei* [Prevention and Detection of Thefts of Cultural Property], Moscow, Akad. MVD SSSR, 1988, 98 p.

Inshakova S. M. (ed.) *Latentnaya prestupnost' v Rossiiskoi Federatsii: 2001–2006* [The Latent Crime in the Russian Federation: 2001–2006], Moscow, Zakon i pravo, YuNITI-DANA, 2007, 351 p.

Lauer Zh.-F. *Zagadki egipetskikh piramid* [Mysteries of the Egyptian Pyramids], Moscow, Nauka, 1966, 224 p.

Kobyakov E. A. (ed.) *Prestupnost' i pravonarusheniya (1996–2000). Statisticheskii sbornik* [Crime and Offenses (1996–2000). Statistical Compendium], Moscow, 2001, 183 p.

Nekrasov V. F. (ed.) *MVD Rossii* [Ministry of Internal Affairs of Russia], Moscow, Ob"edinennaya redaktsiya MVD Rossii, OLMA-Press, 2002, 624 p.

Popov A. *Tainy egipetskikh piramid* [Secrets of the Egyptian Pyramids], Saint Petersburg, AST, 2009, 251 p.

Prestupnye posyagatel'stva na kul'turnye tsennosti v Rossii. Statisticheskii sbornik 1999–2003 gg. [Criminal Encroachments on Cultural Values in Russia. Statistical Compendium 1999–2003], Moscow, 2004, GITs MVD Rossii, GUUR MVD Rossii, 185 p.

Rerikh N. K. *Listy dnevnika* [Diary Pages], Moscow, Mezhdunar. tsentr Rerikhov, 1999, vol. 1, 672 p.

Sabitov T. R. *Okhrana kul'turnykh tsennostei: ugovovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty* [Protection of Cultural Property: Criminal Law and Criminological Aspects]: cand. jur. sc. thesis, Chelyabinsk, 2002, 196 p.

Shtol' V. V. (eds.) *Prestupnost' – ugroza Rossii: Obozrevatel'* [Crime is a Threat to Russia: Scientific-Analytical Journal «Observer»], Moscow, RAU-Universitet, 1993, no. 2, 79 p.

Sudebnaya statistika: Prestupnost' i sudimost' (sovremennyi analiz dannykh ugovovnoi sudebnoi statistiki Rossii 1923–1997 godov) [Judicial Statistics: Crime and Conviction (Modern Analysis of Judicial Statistics of Russia for 1923–1997)], Moscow, Ros. yurid. izdat. dom, 1998, 64 p.

Valentin Kharlamov – doctor of juridical sciences, professor of the Department of criminal law, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 198206, Russian Federation, Saint Petersburg, Pilot Pilyutov str., 1. E-mail: valentinx55@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-2009-197X

Alexander Medvedev – postgraduate student, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 198206, Russian Federation, Saint Petersburg, Pilot Pilyutov str., 1. E-mail: ad-medvedev@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-6717-9063

Дата поступления в редакцию / Received: 26.01.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 20.03.2023

К. В. Кецко

Академия управления МВД России
(Москва)

ОТДЕЛЬНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ТЕНЕВОМ СЕКТОРЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ (НЕЗАКОННАЯ ИГОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ)

Абсолютные показатели преступности в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации с 2017 г. стремительно растут. Зачастую преступления в данной сфере совершаются организованными преступными группами и сообществами. Борьба с преступностью в теневом секторе электронной коммерции находит отражение в приоритетных задачах различных правоохранительных органов. Один из видов преступлений в указанном секторе – организация и проведение игорной деятельности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и сети Интернет.

Автор раскрывает криминологические особенности и основные признаки преступлений данного вида, показывает факторы, их порождающие. Ввиду сложности выявления и документирования исследуемых преступлений в статье выделяются основные причины высокого уровня их латентности. Автор рассматривает способ совершения преступлений и характеристики личности преступника, сравнивает их с особенностями, выделяемыми иными авторами в исследованиях, посвященных личности экономического преступника и преступника в компьютерной сфере. Определены криминологические меры предупреждения преступлений данного вида.

Ключевые слова: цифровизация, электронная коммерция, информационно-телекоммуникационные технологии, киберпреступления, латентность, незаконная игорная деятельность

Для цитирования

Кецко К. В. Отдельные криминологические особенности преступлений, совершаемых в теневом секторе электронной коммерции (незаконная игорная деятельность) // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. С. 12–19. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_12.

УДК 343.9

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_12

Процесс цифровизации на современном этапе развития мировой цивилизации затронул практически все сферы жизнедеятельности общества. Глобальные процессы и события, происходящие в мире, способствуют распространению информационно-телекоммуникационных технологий. Например, последствия пандемии COVID-19 оцениваются как фактор цифровизации экономики и развития электронной коммерции [Zenkina 2022]. Понятие «цифровое общество» становится обыденным для большинства государств мира. Информационные и телекоммуникационные технологии внедряются повсеместно и

на регулярной основе как в частном секторе экономики, так и в государственном. Стремительное развитие телекоммуникационных, информационных и иных технологий порождает возникновение новых процессов, систем и иных явлений в различных областях жизнедеятельности современного человека [Трунцевский, Ефремов 2018]. Ежегодно одним из основных направлений развития Российской Федерации признается системное развитие информатизации во всех сферах жизни общества, что также служит катализатором развития электронной коммерции [Кецко 2021].

Одним из примером активного развития цифровизации выступает сектор электронной коммерции, основным признаком которого является обязательное использование информационно-телекоммуникационных технологий. Учитывая экономические показатели сектора электронной коммерции и тенденцию их развития, можно сказать, что обеспечение безопасности функционирования данной сферы становится одним из значимых и актуальных направлений в создании эффективной экономической защиты государства.

Развитие преступности в указанном секторе зачастую опережает темпы развития обеспечения безопасности. Анализ абсолютных показателей в статистических данных Информационно-аналитического центра МВД России показывает, что совокупный объем зарегистрированных преступлений, совершаемых в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации, находится на стабильно высоком уровне.

Большинство киберпреступлений носят корыстный характер и совершаются в ходе (либо под видом) экономической деятельности [Трунцевский, Кецко 2020]. Из-за киберпреступности предприятия теряют активы, бизнес и репутацию. При этом, с одной стороны, необходимо согласиться с большинством авторов в том, что для обеспечения эффективной защиты от угроз в электронной среде потребуются стратегии управления рисками [Трунцевский, Карпович 2017], т. е. эффективные меры, которые должны предпринять субъекты электронной коммерции. С другой стороны, именно уголовно-правовая политика государства должна стать надежной защитой от преступных посягательств в сфере электронной коммерции.

Предупреждение преступлений в науке практически не исследовалось, соответственно является актуальным направлением для изучения и выработки мер для практического применения.

Одной из составляющих экономической безопасности страны являются эффективное раскрытие и выявление разнообразных преступлений. Соответственно, именно криминологический анализ особенностей и ситуаций вышеуказанных преступлений, в том числе и в сфере электронной коммерции, по-

зволит обеспечить эффективные методы их предупреждения и борьбы с ними.

Одним из вариантов классификации сектора электронной коммерции выступает деление его на легальный и теневой. Преступность в теневом секторе охватывает разные возрастные группы населения, наносит материальный ущерб и посягает на нравственные и иные устои современного общества. Преступления данного вида предусмотрены предусмотрены в разных главах Особенной части УК РФ, но основным объединяющим признаком этих преступлений является обязательное использование в преступной деятельности возможностей сети Интернет и информационно-телекоммуникационных технологий.

К преступлениям в теневом секторе электронной коммерции можно отнести следующие: изготовление и распространение порнографических материалов; изготовление и сбыт поддельных денежных знаков; торговля людьми; распространение наркотических средств; организация занятия проституцией; организация игорной деятельности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и иные.

Самостоятельное теоретическое исследование разнообразных преступлений, совершаемых в секторе электронной коммерции, в рамках науки криминологии и уголовного права практически не проводилось. Данные преступления рассматривались обособленно, без учета общих признаков и факторов, присущих электронной коммерции.

В работе будут рассмотрены отдельные криминологические особенности такого преступного деяния, как организация и проведение азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Криминализация общественных отношений указанного вида привела к тому, что получаемые от незаконного игорного бизнеса преступные доходы стали полноправными источниками системного формирования теневой экономики государства [Пивень 2018], и на современном этапе стали выделять новую криминализованную сферу развлекательных услуг [Абакумова 2012].

Согласно данным Информационно-аналитического центра МВД России, количество преступлений, предусмотренных ч. 1

ст. 172.2 УК РФ, за период с 2018 по 2022 г. (за первый квартал каждого отчетного года) примерно стабильно, за исключением резкого всплеска в 2019 г. Лидером по количеству преступлений выступает Центральный федеральный округ. Также если обратить внимание на регионы совершения преступлений, то можно увидеть равное распределение по всей территории РФ. Это обстоятельство еще раз подчеркивает основную особенность и опасность преступного посягательства данного вида, а именно использование информационно-телекоммуникационных сетей, что позволяет вовлекать в преступную деятельность участников с самых территориально отдаленных и труднодоступных регионов России.

При этом абсолютные статистические данные не отражают фактического состояния преступности, так как основным фактором, влияющим на данную ситуацию, является высокая латентность рассматриваемых преступлений.

Согласно проведенному нами анкетированию 86 сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов МВД России, 70 % респондентов назвали именно неустановленные преступления основным видом латентной преступности в данной сфере, кроме того, 80 % респондентов указали процент латентности преступности в этой сфере от 60 до 80 %. Среди причин такой латентности можно выделить следующие:

1) отсутствие потерпевшей стороны в большинстве выявленных преступлений. То есть фактически заявить о подобном преступлении в правоохранительные органы может ограниченное число лиц, например родственник человека, пользующегося услугами игорного бизнеса, либо человек, который проживает по соседству с помещениями, используемыми для незаконной деятельности;

2) виктимологические особенности данных преступлений. Личностные качества участников, вовлекающихся в такую деятельность, изучаются отдельно в психологии; множество участников являются несовершеннолетними; некоторые участники работают в крупных компаниях и на руководящих должностях, соответственно стараются сохранить анонимность своего пользования услугами игорной деятельности;

3) использование в преступной деятельности возможностей информационно-телекоммуникационных технологий, привлечение ИТ-специалистов, в числе прочего, для конспирации и невозможности документирования преступной деятельности.

4) совершение таких преступлений группой лиц либо организованной преступной группой (сообществом), что в свою очередь затрудняет процесс документирования и доказывания;

5) высокий уровень коррумпированности контролирующих правоохранительных органов. Так, в ходе изучения приговоров судов по взяточничеству, совершенному сотрудниками правоохранительных органов, установлено, что в 10 % случаев, в числе прочего, осужденное должностное лицо осуществляло покровительство незаконной преступной деятельности в игорной сфере.

Перечень причин латентности преступлений данного вида, конечно же, не ограничивается вышеуказанными.

Далее необходимо указать способы совершения исследуемых преступлений. В ходе изучения десяти приговоров по ст. 171.2 УК РФ установлено, что в 90 % случаев для совершения преступления организатором привлекались лица, обладающие специальными познаниями в области компьютерной информации и информационных технологий. Кроме того, в 75 % случаев преступление совершалось под видом легальной деятельности. Можно выделить следующие организации, которые ведут легальную деятельность и могут использоваться для осуществления незаконной игорной деятельности:

юридические лица, занимающиеся организацией и проведением лотерей;

тотализаторы и букмекерские конторы;

компьютерные клубы;

биржевые иди брокерские торговые площадки;

благотворительные фонды и ритуальные агентства [Страхова, Живодрова 2017].

В качестве примера можно рассмотреть распространенную схему совершения преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ, и на основе этого выделить еще некоторые криминологические особенности преступлений, совершаемых в теневом секторе электронной коммерции.

Фигурант из корыстных побуждений, с целью систематического получения прибыли от

деятельности, связанной с незаконной организацией и проведением азартных игр с использованием сети Интернет, координировал деятельность преступного сообщества в форме организованной группы, в состав которой входили функционально обособленные структурные части и которая была создана с целью совместного совершения преступного деяния – незаконной организации и проведения азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. В целях конспирации преступной деятельности и недопущения возможности проведения сотрудниками правоохранительных органов проверочных мероприятий в отношении участников преступного сообщества фигурант решил скрывать незаконную организацию и проведение азартных игр под видом разрешенной законодательством экономической деятельности на рынке ценных бумаг.

Для уменьшения финансовых рисков и во избежание потери незаконного дохода преступник не только организовывал проведение игорной деятельности в созданных участниками группы игорных учреждениях с использованием возможностей настольных компьютеров и компьютерных установок наподобие устаревших игровых автоматов, но и активно занимался проведением азартных игр с помощью возможностей сети Интернет на территории различных субъектов Российской Федерации путем создания, внедрения и продажи за незаконное денежное вознаграждение разнообразного программного обеспечения для незаконного осуществления игорной деятельности с помощью возможностей сети Интернет на стационарных компьютерах и компьютерных установках-аналогах игровых автоматов.

Фигурант разработал план, при котором для введения в действие и получения возможности использования программного обеспечения, позволяющего осуществлять незаконную игорную деятельность, руководитель незаконного игорного учреждения (собственник либо арендатор помещения), где планируется установка стационарных компьютеров, передает или перечисляет в адрес фигуранта часть незаконного дохода, затем после установки программного обеспечения и получения возможности пользования им в процессе незаконного проведения азартных игр, на по-

стоянной основе, регулярно перечисляет либо передает фигуранту определенную составляющую своего незаконного дохода. В схеме по замыслу фигуранта должны были участвовать различные подконтрольные ему юридические лица в целях создания фиктивного документооборота и придания видимости законной предпринимательской деятельности.

К участию в преступной деятельности привлекались лица, обладающие навыками и знаниями в области информационных технологий, компьютерной коммуникации, создании и обслуживании программного обеспечения, интернет-сайтов. Эти лица под непосредственным руководством фигуранта должны были разработать компьютерные программы, аналогичные по своим характеристикам игровым автоматам и позволяющие на стационарных компьютерах и игровых установках с использованием возможностей сети Интернет незаконно организовать и проводить азартные игры; разработать сайты в сети Интернет для рекламы указанной продукции в целях привлечения лиц, желавших использовать компьютерные программы фигуранта; производить модернизацию игорных программ, осуществлять техническое сопровождение работы программного обеспечения.

Кроме того, в целях легендирования для сокрытия преступной деятельности программное обеспечение, созданное для незаконной организации и проведения азартных игр, должно было создавать видимость организации деятельности на рынке по обороту эмиссионных и иных ценных бумаг.

В связи с этим в преступное сообщество были вовлечены лица, которые обладали знаниями и навыками в области правового регулирования различных сфер деятельности, так или иначе касающихся осуществления игорной деятельности (занимались правовым сопровождением преступной деятельности), в сфере рынка ценных бумаг (для конспирации от контролирующих органов), финансового учета (для имитации легальной деятельности; контроля и распределения незаконных доходов среди участников группы; анализа финансовых потоков с целью дальнейшего расширения деятельности).

Для регулярного контроля и анализа деятельности преступного сообщества, увеличения участников и дохода, распространения деятельности по новым регионам, продвиже-

ния игорных программ, а также дискредитации конкурентов в преступном сообществе под руководством фигуранта активное участие принимали клиент-менеджеры и администраторы.

В данном примере ярко отражены как основные способы совершения преступлений, так и особенности участников преступной деятельности, способы конспирации. Кроме того, можно сделать некоторые выводы о личностных характеристиках самого преступника. В основном они схожи с характеристиками преступника в сфере экономики или информационных технологий. Это, например, довольно высокий средний возраст по сравнению с возрастом преступников по общеуголовной статистике [Марданов 2009]; совершение преступлений корыстного ха-

Основным отличием преступника в сфере компьютерной информации от экономического преступника является наличие специальных познаний в области информационных технологий

рактера; завышенные потребности личности, которые формируют мотивацию, доминирующую над сдерживающими факторами [Абакумова 2012], и иные. Преступники в сфере компьютерной информации чаще всего мужского пола (доля мужчин – от 86 % до 92 %, доля женщин колеблется от 4,8 до 12,2 %) [Дьяков 2008].

В то же время личностные характеристики преступника в теневом секторе электронной коммерции имеют отличительные черты. Так, 65 % сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции в анкетах, указали, что исходя из их практического опыта организатор преступной деятельности в игровой сфере обладал высшим образованием; 88 % отметили, что организатор обладал высокими коммуникативными особенностями, имел обширные связи в различных государственных органах и коммерческих структурах.

Вместе с тем, например, преступник в сфере компьютерной информации зачастую скрытен и замкнут, ведет обособленный образ жизни.

Основным его отличием от экономического преступника все же остается наличие специальных познаний в области компьютерной информации и информационных технологий.

С учетом проведенного криминологического исследования можно сделать следующие выводы:

1) одним из признаков преступности данного вида является высокий уровень латентности, в том числе благодаря наличию специфических причин;

2) незаконная игорная деятельность в теневом секторе электронной коммерции чаще всего осуществляется под видом легальной деятельности;

3) преступник представляет собой мужчину среднего возраста, чаще всего с высшим образованием, со специальными познаниями в области компьютерной информации и информационных технологий и с высоким уровнем коммуникативных способностей.

Учитывая рассмотренные криминологические особенности данного вида преступлений, эффективными мерами их предупреждения можно считать, в частности, именно специальные криминологические меры.

Во-первых, с учетом того что основным государственным органом, на который возложены функции по предупреждению преступности, выступает Министерство внутренних дел, в качестве соответствующей меры можно определить совершенствование работы подразделений полиции, занимающихся именно предупреждением преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе в сфере электронной коммерции. Так, согласно проведенному анкетированию сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, уголовного розыска территориальных органов МВД России 38 % респондентов одной из причин неэффективной работы в части предупреждения преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий назвали отсутствие у сотрудников необходимого уровня знаний и навыков в области информационных технологий, 42 % указали на отсутствие служебной мотивации в предупреждении преступлений такого вида, 12 % – на сложности в документировании, выявлении, пресечении указанных преступлений, связанные именно с использованием в ходе преступной деятельности

информационно-телекоммуникационных технологий.

С учетом изложенного в качестве мер предупреждения можно назвать следующие: привлечение на службу в подразделения полиции, занимающиеся именно предупреждением преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе в сфере электронной коммерции, специалистов с гражданскими специальностями «Информационная безопасность», «Инфокоммуникационные технологии и системы связи», «Информатика и вычислительная техника» и др.; организация профессиональной переподготовки по указанным специальностям действующих сотрудников; внесение изменений в ведомственные нормативные акты, регламентирующие оценку деятельности вышеуказанных подразделений, с целью создания у сотрудников служебной мотивации, направленной на предупреждение преступлений.

Во-вторых, можно разработать эффективный порядок взаимодействия между оперативными подразделениями полиции и подразделениями Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, в целях своевременного и полного информирования сотрудников оперативных подразделений полиции о выявленных фактах в сети Интернет и различных информационных ресурсах, с помощью которых осуществляется незаконная игорная деятельность с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

В-третьих, стоит разработать и внедрить эффективную систему мер социальных гарантий, в том числе достойного уровня заработной платы и комфортных условий труда для специалистов в области информационно-телекоммуникационных технологий.

Список литературы

- Zenkina E. V. About Current Trends in Global E-Commerce // *Beneficium*. 2022. № 1. P. 68–73. DOI: 0.34680/BENEFICIUM.2022.1(42).68-73.
- Абакумова О. А. Сравнительный анализ криминологических характеристик личностей налогового и экономического преступников // *Академический вестник*. 2012. № 1. С. 125–131.
- Дьяков В. В. О личности преступника как компонента в системе криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации // *Бизнес в законе*. 2008. № 2. С. 129–131.
- Кецко К. В. Киберпреступность в сфере электронной коммерции // *Евразийский юридический журнал*. 2021. № 10. С. 283–287.
- Марданов А. Б. Сравнительный анализ личности экономического преступника с личностями различных категорий преступников // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2009. № 8. С. 169–180.
- Пивень А. Н. Вопросы совершенствования уголовного законодательства по противодействию незаконной игорной деятельности в сети Интернет // *Бизнес. Образование. Право*. 2018. № 4. С. 360–366. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.403.
- Страхова М. А., Живодрова Н. А. Проблема выявления преступлений, связанных с организацией и проведением незаконной игорной деятельности // *Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: сб. материалов межвуз. науч.-практ. конф. / гл. ред. П. А. Капустюк, отв. ред. Р. А. Забавко*. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2017. С. 92–96.
- Трунцевский Ю. В., Ефремов А. А. Цифровая интеграция – путь в будущее // *Международное публичное и частное право*. 2018. № 1. С. 6–12.
- Трунцевский Ю. В., Карпович О. Г. Оценка коррупционных рисков компании. М.: Инфра-М, 2017. 272 с.
- Трунцевский Ю. В., Кецко К. В. Криминальные угрозы экономической коммерции: международные и национальные аспекты // *Международное публичное и частное право*. 2020. № 6. С. 18–22. DOI: 10.18572/1812-3910-2020-6-18-22.

Константин Вадимович Кецо – адъюнкт кафедры уголовной политики Академии управления МВД России. 125993, Российская Федерация, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8. E-mail: 61kot@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-4934-6806

Certain Criminological Features of Crimes Committed in the Shadow Sector of E-Commerce (Illegal Gambling)

Since 2017, absolute crime rates have been rising rapidly. The crimes in the field of telecommunications and computer information are often committed by organized criminal groups and communities. The fight against crime in the shadow sector of e-commerce is reflected in the priority tasks of various law enforcement agencies. One of the crimes in this sector is the organization and conduct of gambling activities using information and telecommunication technologies and the Internet.

The author considers the criminological features and the main characteristics of the named crimes, shows the factors that give rise to them. Due to the complexity of identifying and documenting these crimes, the paper highlights the main reasons for the high level of their latency. The author considers the method of committing the crime and characterizes the personality of the offender. A comparison is made with the features identified by other authors in the studies on the personality of an economic criminal and a criminal in the computer field. Criminological measures of prevention of this type of crimes are defined.

Keywords: digitalization, e-commerce, information and telecommunication technologies, cyber-crime, latency, illegal gambling

Recommended citation

Ketsko K. V. Otdel'nye kriminologicheskie osobennosti prestuplenii, sovershaemykh v tenevom sektore elektronnoi kommertsii (nezakonnaya igornaya deyatel'nost') [Certain Criminological Features of Crimes Committed in the Shadow Sector of E-Commerce (Illegal Gambling)], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 1, pp. 12–19, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_12.

References

Abakumova O. A. Sravnitel'nyi analiz kriminologicheskikh kharakteristik lichnostei nalogovogo i ekonomicheskogo prestupnikov [Comparative Analysis of the Criminological Characteristics of Tax and Economic Criminals], *Akademicheskii vestnik*, 2012, no. 1, pp. 125–131.

D'yakov V. V. O lichnosti prestupnika kak komponenta v sisteme kriminalisticheskoi kharakteristiki prestuplenii v sfere komp'yuterno informatsii [On the Identity of the Offender as a Component in the System of Forensic Characteristics of Computer-Related Crime], *Biznes v zakone*, 2008, no. 2, pp. 129–131.

Ketsko K. V. Kiberprestupnost' v sfere elektronnoi kommertsii [Cybercrime in E-Commerce], *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, 2021, no. 10, pp. 283–287.

Mardanov A. B. Sravnitel'nyi analiz lichnosti ekonomicheskogo prestupnika s lichnostyami razlichnykh kategorii prestupnikov [A Comparative Analysis of the Personality of an Economic Offender with the Personalities of Different Categories of Criminals], *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2009, no. 8, pp. 169–180.

Piven' A. N. Voprosy sovershenstvovaniya ugolovno zakonodatel'stva po protivodeistviyu nezakonnoi igornoj deyatel'nosti v seti Internet [Issues of Improvement in Criminal Legislation to Combat Illegal Gambling Activities on the Internet], *Biznes. Obrazovanie. Pravo*, 2018, no. 4, pp. 360–366, DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.403.

Strakhova M. A., Zhivodrova N. A. Problema vyyavleniya prestuplenii, svyazannykh s organizatsiei i provedeniem nezakonnoi igornoj deyatel'nosti [The Problem of Detecting Crimes Related to the Organisation and Conduct of Illegal Gambling Activities], Kapustyuk P. A., Zabavko R. A. (eds.) *Ugolovnyi zakon Rossiiskoi Federatsii: problemy pravoprimeneniya i perspektivy sovershen-*

stvovaniya [Criminal Law of the Russian Federation: Problems of Enforcement and Prospects for Improvement]: conference papers, Irkutsk, FGKOU VO VSI MVD Rossii, 2017, pp. 92–96.

Truntsevskii Yu. V., Efremov A. A. Tsifrovaya integratsiya – put' v budushchee [Digital Integration – the Way of the Future], *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 2018, no. 1, pp. 6–12.

Truntsevskii Yu. V., Karpovich O. G. *Otsenka korrupsionnykh riskov kompanii* [Assessing a Company's Corruption Risks], Moscow, Infra-M, 2017, 272 p.

Truntsevskii Yu. V., Ketsko K. V. Kriminal'nye ugrozy ekonomicheskoi kommertsii: mezhdunarodnye i natsional'nye aspekty [Criminal Threats to Economic Commerce: International and National Aspects], *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 2020, no. 6, pp. 18–22, DOI: 10.18572/1812-3910-2020-6-18-22.

Zenkina E. V. About Current Trends in Global E-Commerce, *Beneficium*, 2022, no. 1, pp. 68–73, DOI: 0.34680/BENEFICIUM.2022.1(42).68-73.

Konstantin Ketsko – adjunct of the Department of criminal policy, Management Academy of the Ministry of the Interior Affairs of Russia. 125993, Russian Federation, Moscow, Zoi i Aleksandra Kosmodem'yanskikh str., 8. E-mail: 61kot@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-4934-6806

Дата поступления в редакцию / Received: 18.07.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.09.2022

Н. В. Карепанов

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

СУЩНОСТЬ И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБНАРУЖЕНИЯ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье анализируется процесс обнаружения, накопления и использования возникшей при определенных условиях информации, хранилищем которой являются следы. Под обнаружением следов понимаются их поиск, отыскание, выявление. При этом обращается внимание на те или иные объекты материи, имеющие значение для мысленно восстанавливаемого события. В основном такая работа осуществляется в процессе предварительного расследования посредством производства следственных действий. Иногда это возможно и в судебном заседании.

Обнаружение, исследование и даже использование следов могут быть произведены при помощи как процессуальных, так и непроцессуальных средств. В статье также подчеркивается, что скрытые непосредственно воспринимаемые следы событий и явлений, связанные с преступлениями, имеют особые характеристики. Их знание обеспечивает использование адекватной современной техники, эффективное применение физических и химических методов исследования.

Ключевые слова: следы, обнаружение, отражение события, особые характеристики, информация, стадия мысленного восстановления событий

Для цитирования

Карепанов Н. В. Сущность и характерные особенности обнаружения следов преступлений // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. С. 20–26. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_20.

УДК 343.98

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_20

Криминалистическая теория следов как область научных знаний представляет собой изыскание определенных сущностей и особенностей, составляющих специфическое содержание ее предмета. Чтобы по следам прошедших событий составить абстрактную модель совершенного преступления, необходимо их отыскать, изъять и сохранить. Только после того как субъекты расследования смогут распоряжаться этими носителями информации, становятся возможными их исследование и оценка, в том числе выделение криминалистически значимых сведений из всего потока информации, содержащейся в них. Таким образом, обнаружение следов предполагает некоторую совокупность обязательных поисковых (розыскных) действий, включая фиксацию, изъятие и сохранение

выявленных объектов [Белкин 2000: 71–79; Белкин 1966: 28–43; Белкин 2008: 206–220].

Поиск следов, их отыскание, выявление, обращение внимания на те или иные объекты материи, имеющие значение для восстанавливаемого события преступления, – это необходимая начальная стадия исследования и построения абстрактного мысленного образа преступления. Исследование предполагает фактическое наличие объекта у лица, намеренного совершать с ним определенные операции. Кроме того, обнаружение следов неминуемо порождает требование их оценки.

Каждый из элементов процесса обнаружения следов преступления имеет свои особенности.

Фиксация следов представляет собой их запечатление, укрепление их материальной сущности [Гусева, Ильин, Киселев и др. 2018:

21–35]. Именно на этой стадии действия уполномоченных лиц трансформируют следы в доказательства. Впрочем, зафиксированные в соответствии с процессуальным законом объекты, естественно, остаются носителями необходимой информации и соответственно – следами преступления. Фиксация следов позволяет сохранить их содержание, криминалистически значимые признаки до времени их исследования и использования [Заровнева, Киселева 2016: 84–89].

Изъятие же обнаруженных и подвергшихся фиксации следов преступления позволяет обеспечить возможность их исследования (следователем, экспертом или судом) в более благоприятных для этого условиях. В некоторых случаях обнаруженные следы событий или явлений изъять в натуре не представляется возможным. Тогда средствами изъятия фактически выступают результаты средств фиксации: видеосъемка, фотографирование, моделирование, копирование, зарисовки и пр. С теоретической точки зрения след, оставаясь на месте обнаружения, «передает» нужную для расследования преступления информацию другому носителю (видеоизображению, фотографии, трехмерной модели следа, изображению в виде копии или рисунка). Такой носитель переданной информации становится дублером следа преступления или его производным.

Заключительная стадия обнаружения следов – их сохранение, которое заключается в принятии мер по обеспечению сохранности следов либо сбережению их перенесенных признаков и свойств. На этой стадии также обеспечивается возможность использования нужной информации субъектами судопроизводства в любое удобное для них время. Деятельность, направленная на сохранение криминалистически значимых сведений (в том числе обеспечение неизменности их физических свойств и химического состава), регулируется уголовно-процессуальным законом и техническими правилами содержания их носителей [Заровнева, Киселева 2016: 84–89].

Кроме обозначенных сущностных элементов процесса обнаружения следов преступления, неотъемлемой его частью является производство всех соответствующих действий по определенным техническим и тактическим правилам [Гусева, Ильин, Киселев и др. 2018: 21–35]. Следует отметить необходимость

в исследовании представленного материала в наиболее полном объеме. Причем в этих условиях тщательность проверки объектов должна быть очень высокой. Немаловажен выбор времени для такой операции. Либо действия производятся немедленно (при их неотложности), либо время их проведения определяется тактическими соображениями. На это обратил особое внимание А. Р. Белкин, предупреждая, что неосторожность или пренебрежение в тактических вопросах могут повлиять на безопасность источников сведений (легальных или нелегальных) [Белкин 2000: 71–79]. Большое значение имеют достоверность получаемых сведений, выбор надлежащих источников, применение эффективных тактических приемов и технических средств. Кроме того, нужно соблюдать требования закона, т. е. уполномоченные на то законом лица должны использовать законные способы выявления следов и в том порядке, который предусмотрен законом.

При этом нужно иметь в виду, что следы преступления, как и любых событий, представляют собой более широкую категорию, чем источники доказательств (с учетом необходимости выполнения ряда процедур, установленных законом). Кроме того, по своей сущности выявляемые следы могут быть представлены в виде вещественных образований или показаний осведомленных лиц (следы памяти человека). Сведения, содержащиеся в них, впоследствии могут быть преобразованы в доказательства, а сами следы станут источниками доказательственной информации.

Также информация, содержащаяся в следах, по своему объему больше, чем сведения, нужные для расследования. Выделить из носителя сведений криминалистически значимые, отделить их от сторонних – это конечная задача стадии обнаружения следов преступления. Сложность этого процесса состоит в том, что каждый выявленный след как носитель информационного потока имеет свои физические свойства и свой химический состав. Из обоих состояний следует выделить признаки, отражающие сведения об источнике следа. Получить сведения можно только путем исследования следов.

Кроме того, обнаружение следов преступных посягательств представляет собой сложное сочетание поисковой деятельности

уполномоченных на то органов с выявлением признаков расследуемых событий. Такие рассуждения основаны на познании закономерностей, которым подчинен процесс обнаружения образовавшейся при определенных событиях информации, носителем которой являются следы. При этом без знаний сущности и характерных особенностей процесса выявления следов невозможно установить произошедшие события. Эти знания позволяют разрабатывать методы исследования и использования обнаруженных следов преступлений. Тогда такие методы приобретают не эмпирический, случайный, а подлинно научно обоснованный характер. Основанные на указанных знаниях научные обобщения гарантируют достижение результата. Более того, познание закономерностей возникновения и выявления следов открывает новые перспективы для разработки других приемов и средств исследования и использования следов, следовой информации, доказательств.

Познание закономерностей возникновения и выявления следов открывает новые перспективы для разработки других приемов и средств исследования и использования следов, следовой информации, доказательств

Обнаружение (выявление) следов осуществляется в основном на стадии предварительного расследования следователями и дознавателями посредством производства следственных действий. Иногда такая возможность предоставляется в результате оперативно-розыскной деятельности и в судебном заседании. Вместе с тем оперативно-розыскные мероприятия для этих целей используются редко, хотя они и могут быть полезны при поисках самых разных следов. Ценность таких в основном не процессуальных действий заключается в том, что они направлены на обнаружение не только совершенных преступлений, но и еще готовящихся. В результате можно получить ценные сведения о субъектах посягательств и их местопребывании [Челобитчиков 2013: 67–79]. При этом устанавливаются и сохраняются объекты разного вида, носители соответствующей информации (следы).

Если оперативно-розыскные мероприятия проводятся (по инициативе сыщиков) до воз-

буждения уголовного дела, то их целью выступает выявление еще неизвестных следов. После же возбуждения дела такие действия (по указанию следователя, дознавателя, суда) чаще всего способствуют выявлению следов в процессе производства следственных действий. В этом случае оперативные работники органов внутренних дел осуществляют розыск, организуют засады и преследование подозреваемых в преступлении лиц, а также осуществляют сбор информации доступными им средствами.

По результатам оперативно-розыскной деятельности следователь получает дополнительные возможности обнаружить ранее неизвестные ему объекты. Кроме того, поступают сведения о характере и месте нахождения таких следов преступления, о способе их использования и даже о средствах их маскировки и реакции подозреваемых на действия следствия. Может стать достоянием следователя и информация об обстоятельствах дальнейшего исследования и использования выявленной следовой информации, последующих операций со следами, правильной оценки содержащихся в них сведений [Лупинская 2005: 10].

Конечно, наиболее часто для обнаружения следов преступления применяются следственные действия. Поисковый характер процессуальных следственных действий на стадии предварительного расследования обуславливается прежде всего сущностью и характерными особенностями процесса выявления (обнаружения) следов. Так, обнаружение следов осуществляется как путем непосредственного восприятия последних, так и опосредованно. Скрытые непосредственно воспринимаемые органами чувств человека следы событий и явлений, связанные с преступлениями, имеют особые характеристики. Их обнаружение обеспечивает использование адекватных методов и средств современной техники для эффективного поиска носителей криминалистически значимой информации. Следователь обнаруживает следы преступлений (самостоятельно или с участием специалистов) при производстве следственных действий с применением основных методов поиска: физических и (или) химических.

К физическим методам, в частности, криминалистическая теория относит воздействие на объекты поиска различными спектра-

ми солнечного излучения (чаще светового). Хотя свет одновременно является электромагнитной волной и потоком фотонных частиц, важным становится второе. В поисковой деятельности для выявления мельчайших следов необходима не столько оптическая (увеличительная) техника, сколько увеличение количества частиц направленных фотонов. Другими словами, яркий свет (усиленный потоком фотонов) позволяет обнаружить практически невидимые следы.

Криминалистическая теория и следственная практика сегодня успешно разрабатывают и совершенствуют методы использования солнечного излучения с другими параметрами длины волны (радиоволны, инфракрасный и ультрафиолетовый свет, рентгеновские лучи и гамма-излучение).

Несколько иной характер носят методы химического воздействия. В разделе криминалистической техники давно и успешно изучаются вопросы выявления невидимых отпечатков пальцев рук. Особенно эффективно химическое воздействие на старые следы на впитывающих поверхностях [Выборнова 1995: 3–6]. Чаще всего некоторые химические вещества (растворы нингидрина, аллоксана, азотнокислого серебра, цианакрилата и др.), вступая в реакцию с потожировым веществом с фаланг пальцев рук (вернее, с его аминокислотами), окрашивают его в яркий цвет.

При выявлении следов пальцев рук на сильно запачканных поверхностях применяется нейтронно-активационный метод. Для этого поверхность обрабатывается радиоактивным бромом (или иным потоком нейтронов). Потожировое вещество (натрий, фосфор, калий) становясь радиоактивным, при контакте с фотоматериалами проявляется как четкое изображение папиллярных узоров пальцев рук [Криминалистика 2014: 281–282; Карепанов 2019a; Карепанов 2019b: 162–171].

Для исследования звуковых сигналов используется метод акустического анализа. При проведении акустического анализа исследуется речь человека, осуществляется параметрическое описание речевых сигналов лиц со спорной и образцовой фонограмм с последующим автоматическим расчетом степени схожести речи сравниваемых лиц. Речь лиц сравнивается с использованием аппарата математической статистики на основе анализа порога изменчивости и идентификационной

значимости каждого речевого признака [Криминалистика 2014: 241–242].

Для обнаружения следов крови (даже в очень малых количествах) применяется спектральный анализ. Он основан на особенностях взаимодействия любой материи с излучением. При этом объект меняет свой состав количественно и качественно, что влияет на параметры спектров. Изучение спектров электромагнитного излучения, акустических волн и распределения элементарных частиц (по энергиям и массам) составляет сущность спектрального анализа. С помощью этого метода можно достоверно определить молекулярный и элементный состав любого вещества в зависимости от целей анализа и вида спектров. Причем атомы любого химического элемента имеют свои частоты резонанса, на которых они излучают или поглощают свет [Большов, Зубков 2013; Яхья 2015: 98–112]. Анализ относительно прост в осуществлении. Спектры излучения или поглощения возникают за счет нагревания минимальной пробы вещества до парообразного состояния (1000–10000 °С). Для анализа растворов применяется пламя или плазма некоторых газов. Сегодня возбуждение атомов и их ионизация происходят в аргоновой плазме индукционных разрядов (иногда в лазерной искре).

В судебной токсикологии химические исследования широко используются для выявления следов ядов (в трупах людей, животных, продуктах питания, напитках). Методы их обнаружения во многом зависят от вида отравляющих веществ.

Химическими методами выявляются различные следы выстрела. В том числе определяется химический состав боеприпасов; по остаткам продуктов сгорания пороха на руках и иных предметах устанавливается факт выстрела; восстанавливаются спиленные номера оружия и др. [Карепанов 2019a].

Весьма эффективные химические исследования проводятся для выявления следов подделки документов. В частности, используются методы установления однородности бумаги или иных материалов, применяемых для изготовления фальсифицируемых объектов. Достаточно успешно выявляется и восстанавливается удаленный или закрашенный текст. С относительной легкостью читаются невидимые сообщения и обуглившиеся документы.

Перечень объектов исследования с применением методов химического анализа весьма обширен и является открытым. Можно обозначить только некоторые из них. Так, при расследовании абортот выявляются различные жидкости и порошки, используемые подозреваемым. Часто исследуются вещественные доказательства на предмет их однородности или различия (ткани, одежда, волокна, краска, масла и пр.). Незаменимы химические исследования для обнаружения следов пыли на одежде и обуви, грязи из-под ногтей и др. При расследовании преступлений экономической направленности, особенно хищений, выявляются неоднородности в остатках похищенного товара и их образцов; обнаруживаются на теле, одежде и обуви следы сыпучих или горючих материальных ценностей, хранившихся на складах предприятий [Лупинская 2005: 10].

Таким образом, эффективность поисковых действий следователя по обнаружению следов преступления обусловлена применением комплекса, стандарта методов и приемов. Вместе с тем их успешное применение при производстве следственных действий невозможно без использования версионного процесса. Такой подход позволяет разнообразить действия следователя. При выявлении сведений, имеющих в памяти человека, можно использовать, как указывал Л. Я. Драпкин, метод рефлексивных рассуждений в конфликтных ситуациях, метод внезапности, метод формирования у объекта представления о большей осведомленности или более значительном объеме доказательств и др. [Драпкин 1976]. Согласимся и с его мнением о том, что для поиска следов нужно уже на первоначальном этапе расследования проводить различные тактические операции [Драпкин 2017: 40].

Список литературы

- Белкин А. Р. Теория доказывания: Криминалистический и оперативно-розыскной аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2000. 416 с.
- Белкин Р. С. Избранные труды. М.: Норма, 2008. 767 с.
- Белкин Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М.: Изд-во Высш. шк. МВД СССР, 1966. 295 с.
- Большов Д. С., Зубков Б. В. Анализ сцинтилляционного метода и его применение к диагностике авиационных двигателей // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2013. № 192. С. 76–80.
- Выборнова А. А. Судебно-химические исследования вещественных доказательств: метод. пособие. М.: Госюриздат, 1955. 92 с.
- Гусева И. И., Ильин А. В., Киселев А. В. и др. Уголовно-процессуальная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы: учеб. пособие. Владимир: Изд-во ВЮИ ФСИН России, 2018. 115 с.
- Драпкин Л. Я. Избранные труды. Екатеринбург: Издат. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2017. 325 с.
- Драпкин Л. Я. Особенности информационного поиска в процессе расследования и тактика следствия // Проблемы повышения эффективности предварительного следствия: тезисы науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Любавин. Л., 1976. С. 52–55.
- Заровнева Г. С., Киселева С. Е. Криминалистические аспекты розыскной и поисковой деятельности следователя: моногр. М.: Проспект, 2016. 112 с.
- Карепанов Н. В. Криминалистическая классификация следов в зависимости от метода их выявления // Российский юридический журнал. 2019а. № 4. С. 78–83.
- Карепанов Н. В. Становление, развитие и состояние знаний о следах, образованных в результате химических процессов // Закон и право. 2019б. № 7. С. 162–171.
- Криминалистика: учеб. / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М.: Экзамен, 2014. Т. I. 511 с.
- Лупинская П. А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 5–8.
- Челобитчиков М. Е. Выявление и первоначальный этап расследования заранее не обещанных укрывательств убийств: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 201 с.

Яхья М. Стекломатериалы на основе кварцевого песка Республики Йемен: дис. ... канд. техн. наук. Белгород, 2015. 204 с.

Николай Васильевич Карепанов – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: karepanovvv@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-6234-8614

The Essence and Characteristic Features of the Detection of Traces of a Crime

The author analyzes the process of detection, accumulation and use of information emerged under certain conditions and contained in the traces. The concept of detecting traces is understood as their search, finding, identifying them. At the same time, attention is paid to certain objects of matter that are important for the mentally restored event. Basically, such work is carried out as part of preliminary investigation through the implementation of investigative actions. Sometimes this is possible in a court hearing.

Traces can be detected, investigated and even used with the help of both procedural and non-procedural means. The author also emphasizes that the covered directly perceived traces of events and phenomena related to crimes have their own special characteristics. Their knowledge ensures the use of adequate modern technology, the effective application of physical and chemical research methods.

Keywords: traces, detection, reflection of events, special characteristics, information, stage of mental recovery of events

Recommended citation

Karepanov N. V. Sushchnost' i kharakternye osobennosti obnaruzheniya sledov prestuplenii [The Essence and Characteristic Features of the Detection of Traces of a Crime], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 1, pp. 20–26, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_20.

References

- Bastrykin A. I. (ed.) *Kriminalistika* [Criminalistics], Moscow, Ekzamen, 2014, vol. I, 511 p.
- Belkin A. R. *Teoriya dokazyvaniya: Kriminalisticheskii i operativno-rozysknoi aspekty* [Theory of Proof: Criminalistics and Operational-Investigative Aspects]: doct. jur. sc. thesis, Voronezh, 2000, 416 p.
- Belkin R. S. *Izbrannye trudy* [Selected Works], Moscow, Norma, 2008, 767 p.
- Belkin R. S. *Sobiranie, issledovanie i otsenka dokazatel'stv. Sushchnost' i metody* [Collection, Research and Evaluation of Evidence. Essence and Methods], Moscow, Izd-vo Vyssh. shk. MVD SSSR, 1966, 295 p.
- Bol'shov D. S., Zubkov B. V. Analiz stsintillyatsionnogo metoda i ego primeneniye k diagnostike aviatsionnykh dvigatelei [Analysis of the Scintillation Method and its Application to the Diagnosis of Aircraft Engines], *Nauchnyi vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoi aviatsii*, 2013, no. 192, pp. 76–80.
- Chelobitchikov M. E. *Vyyavlenie i pervonachal'nyi etap rassledovaniya zaranee ne obeshchannykh ukryvatel'stv ubiistv* [Identification and the Initial Stage of the Investigation of Previously not Promised Concealments of Murders]: cand. jur. sc. thesis, Krasnodar, 2013, 201 p.
- Drapkin L. Ya. *Izbrannye trudy* [Selected Works], Ekaterinburg, Izdat. dom Ural. gos. yurid. un-ta, 2017, 325 p.
- Drapkin L. Ya. *Osobennosti informatsionnogo poiska v protsesse rassledovaniya i taktika sledstviya* [Features of Information Search in the Process of Investigation and Tactics of Investigation], Lyubavin A. A. (ed.) *Problemy povysheniya effektivnosti predvaritel'nogo sledstviya*

[Problems of Increasing the Effectiveness of the Preliminary Investigation], Leningrad, 1976, pp. 52–55.

Guseva I. I., Il'in A. V., Kiselev A. V. et al. *Ugolovno-protsessual'naya deyatel'nost' sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy* [Criminal Procedural Activity of Employees of the Penal Enforcement System], Vladimir, Izd-vo VYuI FSIN Rossii, 2018, 115 p.

Karepanov N. V. *Kriminalisticheskaya klassifikatsiya sledov v zavisimosti ot metoda ikh vyyavleniya* [Criminalistic Classification of Traces Depending on the Method of their Detection], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2019a, no. 4, pp. 78–83.

Karepanov N. V. *Stanovlenie, razvitie i sostoyanie znaniy o sledakh, obrazovannykh v rezul'tate khimicheskikh protsessov* [Formation, Development and State of Knowledge about Traces Formed as a Result of Chemical Processes], *Zakon i pravo*, 2019b, no. 7, pp. 162–171.

Lupinskaya P. A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie v novom ugolovnom protsesse* [Proofs and Proving in a New Criminal Trial], *Rossiiskaya yustitsiya*, 2002, no. 7, pp. 5–8.

Vybornova A. A. *Sudebno-khimicheskie issledovaniya veshchestvennykh dokazatel'stv* [Forensic Chemical Studies of Physical Evidence], Moscow, Gosyurizdat, 1955, 92 p.

Yakh'ya M. *Steklomaterialy na osnove kvartsevoogo peska Respubliki Iemen* [Glass Materials Based on Quartz Sand of the Republic of Yemen]: cand. tech. sc. thesis, Belgorod, 2015, 204 p.

Zarovneva G. S. Kiseleva S. E. *Kriminalisticheskie aspekty rozysknoi i poiskovoi deyatel'nosti sledovatelya* [Criminalistic Aspects of Investigative and Search Activity of an Investigator], Moscow, Prospekt, 2016, 112 p.

Nikolai Karepanov – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of criminalistics, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: karepanovvv@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-6234-8614

Дата поступления в редакцию / Received: 12.03.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 04.04.2023

В. В. Поляков

Алтайский государственный университет
(Барнаул)

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассмотрена криминалистическая группа высокотехнологичных преступлений, выделяемая на основе криминалистических критериев. Обосновывается, что важнейшим идентифицирующим признаком преступных деяний этой группы выступает способ их совершения. Он всегда является полноструктурным, при этом его элементы (подготовка к преступлению, непосредственное совершение и сокрытие следов) взаимообусловлены и не всегда могут быть разделены хронологически. Проведен анализ основных признаков и особенностей, характеризующих содержание отдельных элементов способа совершения преступления. Выявлены основные задачи, решаемые при подготовке к высокотехнологичным преступлениям. Отмечено, что такая подготовка может включать в себя действия, которые в уголовно-правовом смысле представляют собой совершение отдельного преступления, при этом в криминалистическом понимании они выступают первым элементом способа совершения преступления.

Описаны важнейшие черты элемента непосредственного совершения преступления. Классифицированы способы сокрытия рассматриваемых преступлений на основе критериев, включающих в себя содержание действий при сокрытии, период их осуществления и объект воздействия. Рассмотрены приемы и средства, используемые преступниками для воспрепятствования расследованию, в том числе при инсценировке преступления. Отмечена высокая динамика совершенствования приемов, входящих в способ совершения высокотехнологичных преступлений.

Ключевые слова: способ совершения преступлений, средства совершения преступлений, подготовка преступлений, сокрытие преступлений, компьютерные преступления, высокотехнологичные преступления

Для цитирования

Поляков В. В. Структура и содержание способа совершения высокотехнологичных преступлений // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. С. 27–39. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_27.

УДК 343.98

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_27

Введение

В информационной сфере за последние десятилетия произошли и продолжают происходить важные изменения, прежде всего за счет компьютеризации и цифровизации различных областей человеческой деятельности. Преступность также стала меняться за счет активного внедрения в криминальную деятельность компьютерных технологий [Шурухнов 2013: 134], в особенности в финансовой сфере [см., например: Карагодин 1998; Сомик, Хабибулин 2020].

Одним из наиболее ярких негативных последствий этих изменений стало формирование особой группы преступлений, связанных с организацией преступных групп, применяющих передовые информационные технологии, т. е. появление высокотехнологичных преступлений. Появление таких преступлений Л. В. Бертовский и Б. Р. Сембекова справедливо связывали именно с «технологической эволюцией преступности» [Бертовский, Сембекова 2020: 129]. Среди причин роста криминального использования высоких ин-

формационных технологий Ю. А. Воронин, И. М. Беляева и Т. В. Кухтина на первое место обоснованно выдвигают расширение возможностей организованных преступных сообществ [Воронин, Беляева, Кухтина 2021: 8].

Понятия «высокотехнологичные преступления» и «высокотехнологичная преступность» характеризуют сложное и многоплановое явление, которое может рассматриваться с различных правовых позиций. В основе исследований, проводимых с криминалистических позиций, лежит криминалистическая классификация, отражающая изучаемое явление на основе представлений науки криминалистики и позволяющая выделить криминалистическую группу высокотехнологичных преступлений по достаточно четким формальным основаниям [Образцов 1982].

Полагаем, что при любом выборе таких оснований остается справедливой глубокая мысль Р. С. Белкина: «Во всех случаях – без всяких исключений – сохраняет свое значение классификация по способу совершения преступления. Это основная криминалистическая классификация преступлений и, в сущности, определяющая среди всех других подобных классификаций» [Белкин 1997: 327]. Близкой позиции по доминирующей роли способа совершения преступления придерживались А. Н. Колесниченко [Колесниченко 1976: 8], В. К. Гавло [Гавло 1980: 121] и другие отечественные криминалисты. В. А. Мещеряков вывел способ совершения преступления на первый план среди оснований криминалистической классификации компьютерных преступлений [Мещеряков 2001: 27]. Роль способа совершения для компьютерных преступлений, рассматривавшихся в криминалистическом аспекте как специфическая криминалистическая группа преступных деяний, подчеркивалась в работах Е. Р. Россинской [Россинская 2016].

В настоящей работе высокотехнологичные преступления исследуются с криминалистических позиций. Это означает, что исходные понятия должны основываться на характерных криминалистических признаках и особенностях, отражающих изучаемое явление на основе представлений науки криминалистики. В соответствии с изложенным подходом к криминалистической классификации определим высокотехнологичные преступления как криминалистическую группу преступных

деяний, объединяемых высокотехнологичным способом совершения преступлений и рядом других общих криминалистически значимых признаков и идентифицирующих особенностей [Гавло, Поляков 2007; Поляков 2019; Поляков 2022: 87 и др.].

К таким признакам могут быть отнесены наличие преступной группы, выступающей как единый групповой субъект преступления [Быков 1992: 7]; использование новых или модифицированных в преступных целях средств преступления [Ищенко 2017: 68; Поляков, Лапин 2014: 162]; применение для дистанционного доступа к объекту преступного посягательства информационно-телекоммуникационных сетей [Гавло, Поляков 2007; Осипенко 2010]; наличие противодействия расследованию. К особенностям высокотехнологичных преступлений можно отнести повышенную криминалистическую сложность расследования, понимаемую как «характеристику процесса расследования, отражающую реально необходимые силы, средства для установления истины, способы, объем и интенсивность их применения» [Зеленский 2011: 39]; «исключительно высокую латентность» [Поляков, Лапин 2014: 162]; многообъектность [Карабанова 2017: 137], т. е. посягательство одновременно на несколько видов общественных отношений.

Таким образом, основным идентифицирующим и системообразующим признаком высокотехнологичных преступлений является способ их совершения, общий для всех преступлений данной группы и являющийся важнейшим компонентом их криминалистической характеристики [Гавло, Поляков 2007: 146; Поляков, Слободян 2007].

В данной работе рассматриваются структура и содержание элементов способа совершения высокотехнологичных преступлений.

Структура способа совершения высокотехнологичных преступлений

В криминалистической литературе до сих пор не сформировалось единого общепринятого мнения о понятии способа совершения преступления, его структуре и содержании [см., например: Дудников 2012]. В связи с этим для исследования особенностей способов совершения высокотехнологичных преступлений необходимо сформулировать исходную позицию по данному вопросу. Полагаем, что за основу целесообразно взять

апробированное в криминалистических исследованиях определение, предложенное Г. Г. Зуйковым. Он понимал под способом совершения преступления «систему объединенных единым замыслом действий преступника (преступников) по подготовке, совершению и сокрытию преступления» [Зуйков 1970: 10; Зуйков 1987: 50]. Из этого определения следует важный вывод о структуре способа, включающей в себя три элемента: действия по подготовке преступления, по его непосредственному совершению и по его сокрытию, выступавшие, как отмечали Л. Я. Драпкин и М. С. Уткин, в качестве подсистем единой системы – способа совершения преступления [Драпкин, Уткин 1978: 132].

Важной особенностью взаимосвязи между элементами способа совершения преступления, характерной для высокотехнологичных преступных деяний, на наш взгляд, является то, что действия, совершаемые преступниками при подготовке, совершении и сокрытии, не всегда могут быть хронологически разделены. Так, действия по сокрытию высокотехнологичного преступления, как правило, начинаются уже при подготовке и далее продолжают при непосредственном совершении преступного деяния. При анализе способов совершения компьютерных преступлений на это обратили внимание Е. Р. Россинская и И. А. Рядовский, отметившие, что «подготовка обычно предусматривает действия по сокрытию» [Россинская, Рядовский 2019: 96]. Другими словами, для высокотехнологичных преступлений четкие хронологические границы между действиями по подготовке, непосредственному совершению и сокрытию преступления имеют достаточно условный характер или могут оказаться в принципе не определимыми.

В криминалистической литературе при описании структурных составляющих способа совершения преступления используются разные термины, в том числе «стадия», «этап» и т. д. [см., например: Борин 2014]. Полагаем, что термины «стадия» и «этап» подразумевают хронологическую последовательность действий, каждое из которых имеет свои границы во времени. Однако наличие групп преступлений, в которых могут отсутствовать жесткие временные границы между этими действиями, ставит под сомнение корректность и точность в использовании данных терминов.

Для определения места, занимаемого высокотехнологичным способом среди различных способов совершения преступлений, воспользуемся классификацией, данной в работах М. С. Уткина [Драпкин, Уткин 1978: 133; Уткин 1975: 5]. Согласно этой классификации структура способа совершения преступлений может быть представлена четырьмя группами. В первую из них входят способы, содержащие один элемент и названные упрощенными. Способы второй и третьей групп содержат два элемента – подготовку и непосредственное совершение преступления или непосредственное совершение и сокрытие, эти способы названы усеченными. В четвертую группу входят способы, обладающие

Для высокотехнологичных преступлений четкие хронологические границы между действиями по подготовке, непосредственному совершению и сокрытию преступления имеют достаточно условный характер

наиболее сложной структурой, включающей в себя все три элемента, такие способы были названы полноструктурными.

Проведенный нами анализ судебно-следственной практики приводит к важному выводу, что для высокотехнологичного способа характерно наличие наряду с действиями по непосредственному совершению преступления действий по его подготовке и сокрытию следов преступления и преступников. «С криминалистических позиций высокотехнологичный способ совершения компьютерных преступлений является полноструктурным, поскольку он включает стадии подготовки к преступлению, самого его совершения и действий по сокрытию следов» [Поляков 2012: 123].

Отметим, что значимость полноструктурности способа для близкой криминалистической группы компьютерных преступлений подчеркивалась в работе Е. Р. Россинской и И. А. Рядовского [Россинская, Рядовский 2019: 90]. В то же время значительная часть преступлений, связанных с применением информационных технологий, совершается способами, которые не являются полноструктурными. Так, Ю. В. Гаврилин показал, что преступления, посягающие на информационную безопасность в экономической сфере, со-

вершались полноструктурным способом в 34 % случаев [Гаврилин 2009: 32].

Рассмотрим криминалистически значимые особенности действий, составляющих содержание отдельных элементов способа совершения высокотехнологичных преступлений.

Подготовка к преступлению

Анализ судебно-следственной практики позволил выявить закономерности действий, осуществляемых преступниками после зарождения у них умысла на совершение высокотехнологичного преступления и до перехода к его непосредственному совершению.

Основные подготовительные действия направлены на решение следующих задач:

поиск потенциальных объектов преступлений с помощью различных приемов и средств, например путем целенаправленных атак, объектом которых являются конфиденциальные данные организаций;

разработка плана совершения преступления;

формирование преступной группы, вербовка ключевых соучастников, в первую очередь исполнителей со специальными техническими знаниями, умениями и навыками или лиц, без помощи которых совершение преступления становится трудным, например пособников-инсайдеров [Трунцевский 2014: 20]. Отметим, что в изученных нами уголовных делах инсайдеры фигурировали достаточно часто. Так, типичным являлось участие в преступных группах, занимавшихся мошенничеством с использованием платежных карт (ч. 4 ст. 159.3 УК РФ), кредитного эксперта операционного офиса коммерческого банка¹, главного специалиста отдела обслуживания банка² и т. п.;

приобретение, разработка или модификация (обычно в части адаптационных свойств) специальных программных, программно-аппаратных или аппаратных средств совершения преступления с необходимым функционалом [Поляков 2019] и их испытание;

применение средств совершения преступления в подготовительных целях, например путем установки на объект посягательства эксплойтов – программ, предназначенных для использования уязвимостей в программном обеспечении с целью получения данных об

обстановке преступления [Поляков, Лапин 2014];

подготовка к сокрытию следов преступления и преступников, прежде всего путем использования разнообразных приемов анонимизации [Сергеев 2017].

Наибольшую опасность представляет собой тщательная подготовка высокотехнологичных преступлений организованными преступными группами, в том числе транснациональными. Для получения неправомерного дистанционного доступа к компьютерной информации ими создаются по сути дистанционные управляющие центры, разрабатываются комплексы средств преступления, объединяющих на основе новых технических решений в единое целое специализированные компьютерные устройства и вредоносные компьютерные программы [Поляков 2021: 83]. Характерным примером таких действий является тщательная подготовка так называемых АРТ-атак [Левцов, Демидов 2016], дистанционно осуществляемых преступными группами против компьютерных систем организаций.

Приведем достаточно типичные действия по подготовке высокотехнологичного преступления. Участниками организованной преступной группы, объединенной «целью совершения тяжких преступлений против собственности, а также преступлений в сфере компьютерной информации и в сфере экономической деятельности» (обвинение предъявлялось по ч. 4 ст. 158, ч. 3 ст. 272, ч. 3 ст. 183 УК РФ), для хищения денежных средств из банкоматов с помощью скимминговых устройств были произведены следующие подготовительные действия: приобретены техническое устройство «энкодер» и персональный компьютер со специализированным программным обеспечением, изготовлены микрокамеры для видеофиксации набираемых ПИН-кодов, приготовлены заготовки пластиковых карт, подысканы банкоматы, конструктивно подходящие для установки скиммеров, подобраны соучастники и между ними распределены обязанности и т. д.³

Непосредственное совершение преступления

Данный элемент структуры способа включает в себя действия по непосредственной реализации основного преступного умысла. Эти действия составляют объективную сторону

¹ Уголовное дело № 1-21/2015 // Архив Звениговского районного суда Республики Марий-Эл.

² Уголовное дело № 1-12/2016 // Архив Железнодорожного районного суда г. Хабаровска.

³ Уголовное дело № 1-329/2013 // Архив Центрального районного суда г. Барнаула.

преступления и соответствуют тем или иным составам преступления, предусмотренным Уголовным кодексом РФ. В зависимости от цели, средств и иных обстоятельств избираются конкретные приемы непосредственного совершения преступления.

Важной общей чертой рассматриваемого элемента является использование для совершения преступлений специальных средств [Поляков, Лапин 2014]. В отличие от средств, обычно применяемых в преступлениях в сфере компьютерной информации, при совершении высокотехнологичных преступлений требуются более сложные технологические решения. Обычно разрабатываются новые или модифицируются имеющиеся программные, программно-аппаратные и аппаратные средства. Данное обстоятельство, на наш взгляд, требует от правоохранительных органов большего внимания к контролю за созданием и модификацией средств, которые могут найти применение при совершении высокотехнологичных преступлений. Полагаем, что деятельность в этой области, например создание, модификация и использование программ, относящихся к роду «пентест» (тестирование на проникновение), может подлежать лицензированию, а сами объекты – отдельной регистрации и учету (в том числе криминалистическому).

Другой важной чертой непосредственного совершения высокотехнологичных преступлений является использование информационных сетей для получения дистанционного доступа к предмету преступного посягательства [Осипенко 2010]. Приемы получения дистанционного доступа становятся все более изощренными. Например, преступники могут на кратковременной основе арендовать компьютерную технику с сетевым интерфейсом, используемую как «виртуальная машина», позволяющая дистанционно выполнять преступные задачи, в то время как находящаяся в распоряжении преступников компьютерная техника предоставляет лишь посреднический доступ. В результате таких действий электронно-цифровые следы, как правило, существуют недолго и быстро удаляются, в частности затираясь новой компьютерной информацией. В связи с этим установление причинно-следственных связей событий преступления и их доказывание вызывают особые криминалистические сложности.

Необходимо подчеркнуть такую опасную особенность рассматриваемых элементов способа совершения высокотехнологичных преступлений, как высокая динамика в развитии и совершенствовании средств и приемов, используемых преступниками. Например, технологии, связанные с использованием организованными преступными группами «программ-вымогателей», осуществляющих шифрование данных на компьютерах потерпевших для последующего выкупа за возвращение информации, усовершенствовались и стали значительно более опасными буквально в течение одного года с внедрением тактики прерывистого шифрования [Milenkoski, Walter 2022]. Показавшие свою эффективность программные средства затем продаются их разработчиками в сети *Darknet* по бизнес-модели *RaaS* (англ. *Ransomware as a Service* – «программа-вымогатель» как услуга)¹, которая, на наш взгляд, может рассматриваться как новая реализация концепции «преступность как услуга» [см., например: Jirovský, Pastorek, Mühlhäuser et. al. 2020].

Соккрытие преступления

В структуре способа совершения преступлений этот элемент является заключительным. Согласно определению Р. С. Белкина, «сокрытие преступления – деятельность (элемент преступной деятельности), направленная на воспрепятствование расследованию путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления и преступника и их носителей» [Белкин 1997: 364]. При совершении высокотехнологичных преступлений всегда предпринимаются действия по сокрытию следов преступления, отдельных преступников и места их нахождения.

Приведем примеры наиболее распространенных приемов и средств, используемых при сокрытии и существенно затрудняющих расследование. Для повышения анонимности преступники используют технологию TOR, VPN-сервисы, особые прокси-серверы, *dedicated*-серверы, SSH-туннели; анонимные сети, «виртуальные машины» («гипервизоры») и иные анонимайзеры [Поляков, Лапин 2014; Сергеев 2017: 138]. При совершении преступлений широко применяются подменные сетевые IP-адреса, относящиеся к дру-

¹ Безмальный В. Что такое программа-вымогатель как услуга (RaaS)? 2021 // URL: <https://ib-bank.ru/bisjournal/news/15767> (дата обращения: 11.11.2022).

гим странам или регионам, или же преступники реально меняют место жительства, переезжая в страны, из которых их депортация маловероятна. Практически всегда используется такое широко распространенное и простое средство, как онлайн-мессенджеры, как правило, мессенджеры, обеспечивающие высокую анонимизацию пользователей (например, *Telegram*) практически не позволяющие правоохранительным органам получать информацию о передаваемых сообщениях [см., например: Смушкин 2022]. За счет использования системы анонимизации, меняющихся прокси-серверов, подменяющих IP-адреса устройств и иных аналогичных технологий в значительной степени нивелируется возможность получения правоохранительными органами криминалистически и оперативно значимой информации [Россинская, Рядовский 2019].

Руководители и организаторы преступных групп стремятся действовать максимально скрытно, используя специальные информационно-телекоммуникационные каналы связи, тщательно скрывая следы своих действий, чтобы затруднить получение доказательств их вины и соучастия в преступлении. Выявление и изобличение низовых звеньев группы не представляет особой угрозы для руководителей, поскольку рядовым соучастниками обычно неизвестны детали преступлений и руководящий состав группы.

Так, остался неустановленным организатор преступной группы, занимавшейся распространением вредоносного программного обеспечения. Он был известен рядовым соучастникам только под сетевым именем и, согласно материалам уголовного дела, использовал «программно-технические средства и прокси-серверы, расположенные на территории иностранных государств, скрывающих реальный IP-адрес его компьютера, по которому можно определить его точное местонахождение»¹.

В транснациональной преступной группе, специализировавшейся на мошенничестве в сфере компьютерной информации (обвинение по ч. 4 ст. 159.6, ч. 3 ст. 272, ч. 2 ст. 273 УК РФ), неустановленный организатор внедрил меры конспирации, в соответствии с которыми взаимодействие между участ-

никами осуществлялось только «с использованием сменяемых под каждое преступление мобильных телефонов с сим-картами, оформленными на посторонних лиц, программных средств обмена сообщениями... обеспечивающих анонимность и затрудняющих идентификацию пользователей»².

Во многих случаях остаются неустановленными организаторы преступных групп, занимающихся бесконтактным сбытом наркотических средств с использованием информационных сетей; эти лица поддерживают связь с установщиками «закладок» через аккаунты³.

Классификация действий при сокрытии высокотехнологичных преступлений

Проведенный анализ показывает, что сокрытие выступает важным элементом способа совершения высокотехнологичных преступлений, имеет сложную многокомпонентную структуру, образуемую совокупностью различных приемов. Для их описания должны привлекаться классификации, проводимые на основе выбора тех или иных признаков.

Классификация по содержанию действий

Наиболее распространенной в криминалистической теории является предложенная Р. С. Белкиным классификация, исходящая из содержания действий по сокрытию преступления и включающая в себя следующие четыре группы таких действий: утаивание, уничтожение, маскировку и фальсификацию криминалистически значимой информации или ее носителей [Белкин 1997: 366]. При сокрытии высокотехнологичных преступлений могут использоваться приемы, относящиеся ко всем указанным группам, из них наиболее часто привлекаются следующие:

маскировка совершения преступления путем шифрования данных, процессов, трафика на компьютерных средствах совершения преступления, предмете посягательства, посреднической компьютерной технике, участвующей в предоставлении дистанционного доступа;

уничтожение (удаление с материального носителя) компьютерной информации, содержащей электронно-цифровые следы преступления.

² Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 26 августа 2019 г. № 1-681/2019 по делу № 1-1462/2018.

³ См., например: Уголовное дело № 1-454-2017 // Архив Центрального районного суда г. Кемерово.

¹ Приговор Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга от 13 октября 2015 г. по делу № 1-435/2015.

Менее часто используется такой сложный в доказывании прием маскировки, как инсценировка [Косынкин 2011], в том числе в виде «подброса» невиновным лицам инсценированных следов преступления [Поляков 2019: 120]. В отдельных случаях встречается фальсификация электронных доказательств, которая всегда сопровождается фальсификацией данных в бумажных документах [Сафронов, Поляков 2019]. Полагаем также, что следует учитывать рост числа случаев создания «цифрового алиби» из инсценированных электронно-цифровых следов, когда представляются электронно-цифровые данные, указывающие на непричастность лица к инкриминируемому преступлению в связи с нахождением его в ином месте, выполнением несовместимых с преступлением действий или отсутствием технической или субъективной возможности совершения преступления. Разоблачение такого «цифрового алиби» является сложной и нетипичной задачей. Она может быть решена в рамках тактической операции, которая, на наш взгляд, может именоваться «разоблачением цифрового алиби».

По нашему мнению, представляют определенный теоретический и практический интерес также иные классификации, исходящие из других классифицирующих признаков. Полагаем, что могут быть предложены следующие классификации действий по сокрытию высокотехнологичных преступлений.

Классификация по объекту воздействия

При использовании указанного основания могут быть выделены следующие группы действий:

сокрытие «следов-последствий», указывающих на преступное деяние;

сокрытие следов преступников, которые их персонифицируют и доказывают соучастие в преступлении;

сокрытие самих преступников, прежде всего мест их нахождения.

Классификация по периоду времени

Действия по сокрытию высокотехнологичного преступления могут проводиться в разное время и охватывать следующие периоды:

период подготовки к преступлению;

период непосредственного совершения преступления;

период после совершения преступления.

Эта классификация позволяет выявить такую высокоэффективную форму сокрытия,

как ранняя подготовка к нему. При ранней подготовке преступники могут использовать технологии, обеспечивающие возможность сокрытия неправомерного удаленного доступа, осуществляемого на долговременной основе. Для этого создаются, модифицируются или приобретаются специализированные программные средства, позволяющие скрытно управлять автоматизированным рабочим местом объекта посягательства. Примером таких средств являются вредоносные программы, работающие на основе обеспечивающих удаленный доступ к компьютеру сетевых протоколов RDP (*Remote Desktop Protocol*) или VNC (*Virtual Network Computing*) и работающие в скрытом режиме.

Отметим, что в связи с быстрым развитием высокотехнологичной преступности приведенные классификации не являются исчерпывающими, они могут дополняться при расширении судебно-следственной практики.

Заключение

Способ совершения преступления выступает одним из важнейших компонентов криминалистической характеристики преступлений, входящих в определенную криминалистическую группу. В силу этого знание закономерностей, характеризующих способ совершения преступлений, имеет первостепенное значение для криминалистической теории.

Проведенное в настоящей работе исследование показало, что способ совершения высокотехнологичных преступлений всегда является полноструктурным, при этом все элементы его структуры взаимосвязаны вплоть до того, что фактически могут быть неотделимыми друг от друга. Реализация высокотехнологичного способа обычно занимает достаточно продолжительное время, начинаясь с приготовления к преступлению и заканчиваясь сокрытием следов и преступников. В связи с этим элементы способа совершения высокотехнологичных преступлений целесообразно выделять не по периодам их осуществления, а по содержанию решаемых преступниками задач, целям и специфике совершаемых действий, т. е. по содержанию элементов. Подготовка к высокотехнологичному преступлению часто включает в себя такие задачи, решение которых в уголовно-правовом смысле представляет собой совершение отдельного преступления, при этом в криминалистическом понимании эти действия составляют лишь первый элемент

способа совершения всего высокотехнологичного преступления.

Исследование названного способа и его элементов имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку индивидуализирует характерные средства и приемы преступной деятельности, позволяет обоснованно выдвигать версии о причинно-следственных и корреляционных связях

с другими элементами криминалистической характеристики данных преступлений. Полученные результаты позволяют более эффективно адаптировать к высокотехнологичным преступлениям комплекс узконаправленных криминалистических тактических приемов и рекомендаций, что в итоге способствует формированию методики расследования указанных преступлений.

Список литературы

Jirovský V., Pastorek A., Mühlhäuser M. et al. Cybercrime and Organized Crime // Proceedings of the 13th International Conference on Availability, Reliability and Security (ARES 2018). 2018. N. Y.: Association for Computing Machinery Publ., 2020. № 61. P. 1–5.

Milenkoski A., Walter J. Crimeware Trends. Ransomware Developers Turn to Intermittent Encryption to Evade Detection. 2022 // URL: <https://www.sentinelone.com/labs/crimeware-trends-ransomware-developers-turn-to-intermittent-encryption-to-evade-detection> (дата обращения: 11.11.2022).

Белкин Р. С. Курс криминалистики: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997. 480 с.

Бертовский Л. В., Сембекова Б. Р. Высокотехнологичные преступления как угроза национальной безопасности // Новеллы материального и процессуального права: материалы Всерос. (нац.) науч.-практ. конф. (май-октябрь 2020 г., г. Красноярск). Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2020. С. 127–130.

Борин Б. В. Способ совершения преступлений экономической направленности в теории оперативно-розыскной деятельности // Бизнес в законе. 2014. № 1. С. 162–164.

Быков В. М. Проблемы расследования групповых преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 29 с.

Воронин Ю. А., Беляева И. М., Кухтина Т. В. Современные тенденции преступности в цифровой среде // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. 2021. Т. 21. № 1. С. 7–12.

Гавло В. К. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1980. С. 118–123.

Гавло В. К., Поляков В. В. Следовая картина и ее значение для расследования преступлений, связанных с неправомерным удаленным доступом к компьютерной информации // Российский юридический журнал. 2007. № 5. С. 146–152.

Гаврилин Ю. В. Расследование преступлений, посягающих на информационную безопасность в экономической сфере: теоретические, организационно-тактические и методические основы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 57 с.

Драпкин Л. Я., Уткин М. С. Понятие и структура способа совершения преступления // Проблемы борьбы с преступностью: сб. науч. тр. Омск: Изд-во Омск. ВШМ МВД СССР, 1978. С. 129–134.

Дудников А. Л. Криминалистическое понятие «способ преступления» // Проблемы законности. 2012. № 120. С. 232–242.

Зеленский В. Д. Теоретические вопросы организации расследования преступлений: моногр. Краснодар: КубГАУ, 2011. 156 с.

Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970. 31 с.

Зуйков Г. Г. Основы криминалистического учения о способе совершения и сокрытия преступления // Криминалистика / под ред. Р. С. Белкина, В. П. Лаврова, И. М. Лузгина. М.: Акад. МВД СССР, 1987. Т. 1. С. 41–57.

Ищенко Е. П. Криминалистические аспекты расследования киберпреступлений // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. 27–29 апреля 2017 г. Симферополь-Алушта: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 62–64.

Карабанова Е. Н. Социально-правовая природа многообъектных преступлений // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 130–138.

Карагодин В. Н. Организованная преступность в банковской деятельности // Организованная преступная деятельность в финансовой, банковской и налоговой сферах экономической деятельности: круглый стол в УрГЮА 23 января 1998 г. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1998. С. 43–44.

Колесниченко А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений: текст лекций. Харьков: Харьков. юрид. ин-т, 1976. 29 с.

Косынкин А. А. Инсценировка как форма противодействия расследованию преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Челябинского государственного университета. «Право». 2011. № 29. С. 78–80.

Левцов В., Демидов Н. Анатомия таргетированной атаки. Часть 1. 2016 // URL: <http://sa-mag.ru/archive/article/3170> (дата обращения: 11.11.2022).

Мецераков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации: правовой и криминалистический анализ. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. 176 с.

Образцов В. А. Объекты криминалистической методики расследования преступлений // Алгоритмы и организация решений следственных задач: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. С. 9–25.

Осипенко А. Л. Особенности расследования сетевых компьютерных преступлений // Российский юридический журнал. 2010. № 2. С. 121–126.

Поляков В. В. Источники и принципы формирования частной методики расследования высокотехнологичных преступлений // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 6. С. 85–96.

Поляков В. В. О высокотехнологичных способах совершения преступлений в сфере компьютерной информации // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. Вып. XI–XII: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 123–126.

Поляков В. В. Основы формирования криминалистической методики расследования высокотехнологичных преступлений // Уголовное судопроизводство: правовое, криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение / под ред. С. И. Давыдова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 114–126.

Поляков В. В. Понятие средств совершения высокотехнологичных преступлений // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. Вып. XVII: сб. науч. ст. XIX Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. С. И. Давыдов, В. В. Поляков. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 76–86.

Поляков В. В., Лапин С. А. Средства совершения компьютерных преступлений // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2014. № 2. С. 162–166.

Поляков В. В., Слободян С. М. Анализ высокотехнологичных способов неправомерного удаленного доступа к компьютерной информации // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310. № 1. С. 212–216.

Россинская Е. Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016. № 3–2. С. 109–117.

Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Современные способы компьютерных преступлений и закономерности их реализации // Lex Russica. 2019. № 3. С. 87–99.

Сафронов А. Ю., Поляков В. В. Проблемы юридического и лингвистического определения фальсификации доказательств в уголовном судопроизводстве // Юрислингвистика. 2019. № 12. С. 13–17.

Сергеев С. М. Некоторые проблемы противодействия использованию в преступной деятельности средств обеспечения анонимизации пользователя в сети Интернет // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1. С. 137–140.

Смушкин А. Б. Криминалистические аспекты исследования даркнета в целях расследования преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 3. С. 102–111.

Сомик К. В., Хабибулин А. Г. Обнаружение и документирование цифровых следов высокотехнологичных финансовых преступлений: вопросы теории и практики // Теория государства и права. 2020. № 2. С. 212–218.

Трунцевский Ю. В. Киберпреступления в корпоративной среде: риски, оценка и меры предупреждения // Российский следователь. 2014. № 21. С. 19–21.

Уткин М. С. Особенности расследования и предупреждения хищений в потребительской кооперации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. 22 с.

Шурухнов Н. Г. Современная преступность (истoki, направленность, техническая оснащенность, способы совершения, сокрытия): содержание рекомендаций по раскрытию и расследованию // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4–2. С. 123–136.

Виталий Викторович Поляков – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета. 656049, Российская Федерация, Барнаул, пр. Ленина, д. 61. E-mail: agupolyakov@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-6774-8414

Structure and Content of the High-Tech Crime Method

The article considers the criminalistic group of high-tech crimes, which is distinguished on the basis of criminalistic criteria. It is proved that the most important identifying feature of these criminal acts is the method of crime. It is always fully structured, while its elements (preparation for a crime, its commission and concealment of traces) are mutually dependent and cannot always be separated chronologically. The analysis of the main features characterizing the content of individual elements of the method of crime is carried out. The main tasks solved in preparation for high-tech crimes are identified.

The most important features of the element of committing a crime are described. The classification of the concealment of the crimes under consideration was carried out on the basis of criteria that included the content of the concealment actions, the period of their implementation, and the object of influence. The techniques and means used by criminals to obstruct the investigation, including when staging a crime, are considered. The high dynamics of improving the techniques included in the method of high-tech crimes is noted.

Keywords: *method of crimes, means of crimes, preparation of crimes, concealment of crimes, computer crimes, high-tech crimes*

Recommended citation

Polyakov V. V. Struktura i sodержanie sposoba soversheniya vysokotekhnologichnykh prestuplenii [Structure and Content of the High-Tech Crime Method], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 1, pp. 27–39, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_27.

References

Belkin R. S. *Kurs kriminalistiki: Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendatsii* [Forensic Course: Forensic Tools, Techniques and Recommendations], Moscow, Yurist, 1997, vol. 3, 480 p.

Bertovskii L. V., Sembekova B. R. *Vysokotekhnologichnye prestupleniya kak ugroza natsional'noi bezopasnosti* [High-Tech Crimes as a Threat to National Security], *Novelly material'nogo i protsessual'nogo prava* [Novels of Substantive and Procedural Law]: conference papers, Krasnoyarsk, Krasnoyars. gos. agrar. un-t, 2020, pp. 127–130.

Borin B. V. *Sposob soversheniya prestuplenii ekonomicheskoi napravlenosti v teorii operativno-rozysknoi deyatelnosti* [The Method of Committing Economic Crimes in the Theory of Operational-Search Activity], *Biznes v zakone*, 2014, no. 1, pp. 162–164.

Bykov V. M. *Problemy rassledovaniya gruppyokh prestuplenii* [Problems of Investigation of Group Crimes]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 1992, 29 p.

Drapkin L. Ya., Utkin M. S. *Ponyatie i struktura sposoba soversheniya prestupleniya* [The Concept and Structure of the Method of Committing Crime], *Problemy bor'by s prestupnost'yu* [Problems in the Fight Against Crime], Omsk, Izd-vo Omsk. VShM MVD SSSR, 1978, pp. 129–134.

Dudnikov A. L. *Kriminalisticheskoe ponyatie «sposob prestupleniya»* [Forensic Concept «Method of Crime»], *Problemy zakonnosti*, 2012, no. 120, pp. 232–242.

Gavlo V. K. *K voprosu o kriminalisticheskoi kharakteristike prestuplenii* [To the Question of the Forensic Characterization of Crimes], *Voprosy povysheniya effektivnosti bor'by s prestupnost'yu* [Issues of Increasing the Effectiveness of the Fight Against Crime], Tomsk, Izd-vo Tomsk. un-ta, 1980, pp. 118–123.

Gavlo V. K., Polyakov V. V. *Sledovaya kartina i ee znachenie dlya rassledovaniya prestuplenii, svyazannykh s nepravomernym udalennym dostupom k komp'yuternoii informatsii* [The Trace Picture and Its Significance for the Investigation of Crimes Related to Illegal Remote Access to Computer Information], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2007, no. 57, pp. 146–152.

Gavrilin Yu. V. *Rassledovanie prestuplenii, posyagayushchikh na informatsionnyu bezopasnost' v ekonomicheskoi sfere: teoreticheskie, organizatsionno-takticheskie i metodicheskie osnovy* [Investigation of Crimes Encroaching on Information Security in the Economic Sphere: Theoretical, Organizational, Tactical and Methodological Foundations]: autoabstr. of doct. jur. sc. thesis, Moscow, 2009, 57 p.

Ishchenko E. P. *Kriminalisticheskie aspekty rassledovaniya kiberprestuplenii* [Forensic Aspects of Cybercrime Investigation], *Ugolovnoe proizvodstvo: protsessual'naya teoriya i kriminalisticheskaya praktika* [Criminal Proceedings: Procedural Theory and Forensic Practice]: conference papers, Simferopol', IT ARIAL, 2017, pp. 62–64.

Jirovský V., Pastorek A., Mühlhäuser M. et al. *Cybercrime and Organized Crime, Proceedings of the 13th International Conference on Availability, Reliability and Security (ARES 2018)*: conference papers, New York, Association for Computing Machinery Publ., 2018, no. 61, pp. 1–5.

Karabanova E. N. *Sotsial'no-pravovaya priroda mnogoob'ektnykh prestuplenii* [Socio-Legal Nature of Multi-Objective Crimes], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2017, no. 1, pp. 130–138.

Karagodin V. N. *Organizovannaya prestupnost' v bankovskoi deyatelnosti* [Organized Crime in Banking], *Organizovannaya prestupnaya deyatelnost' v finansovoi, bankovskoi i nalogovoi sferakh ekonomicheskoi deyatelnosti* [Organized Crime in Financial, Banking and Tax Significant Economic Activities], Ekaterinburg, Izd-vo UrGYuA, 1998, pp. 43–44.

Kolesnichenko A. N. *Obshchie polozheniya metodiki rassledovaniya otdel'nykh vidov prestuplenii* [General Provisions of the Methodology for Investigating Certain Types of Crimes], Khar'kov, Khar'kov. yurid. in-t, 1976, 29 p.

Kosynkin A. A. *Instsenirovka kak forma protivodeistviya rassledovaniyu prestuplenii v sfere komp'yuternoii informatsii* [Dramatization as a Form of Counteraction to the Investigation of Crimes in the Field of Computer Information], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 2011, no. 29, pp. 78–80.

Levtsov V., Demidov N. *Anatomiya targetirovannoi ataki. Chast' 1* [Anatomy of a Targeted Attack. Part 1], 2016, available at: <http://samag.ru/archive/article/3170> (accessed: 11.11.2022).

Meshcheryakov V. A. *Prestupleniya v sfere komp'yuternoii informatsii: pravovoi i kriminalisticheskii analiz* [Crimes in the Field of Computer Information: Legal and Forensic Analysis], Voronezh, Voronezh. gos. un-t, 2001, 176 p.

Milenkoski A., Walter J. *Crimeware Trends. Ransomware Developers Turn to Intermittent Encryption to Evade Detection*, 2022, available at: <https://www.sentinelone.com/labs/crimeware-trends-ransomware-developers-turn-to-intermittent-encryption-to-evade-detection> (accessed: 11.11.2022).

Obraztsov V. A. *Ob"ekty kriminalisticheskoi metodiki rassledovaniya prestuplenii* [Objects of Forensic Methodology for Investigating Crimes], *Algoritmy i organizatsiya reshenii sledstvennykh zadach* [Algorithms and Organization of Solutions to Investigative Tasks]: conference papers, Irkutsk, Izd-vo Irkut. un-ta, 1982, pp. 9–25.

Osipenko A. L. Osobennosti rassledovaniya setevykh komp'yuternykh prestuplenii [Features of the Investigation of Network Computer Crimes], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2010, no. 2, pp. 121–126.

Polyakov V. V. Istochniki i printsipy formirovaniya chastnoi metodiki rassledovaniya vysokotekhnologichnykh prestuplenii [Sources and Principles of Formation of a Private Methodology for Investigating High-Tech Crimes], *Lex Russica*, 2022, vol. 75, no. 6, pp. 85–96.

Polyakov V. V. O vysokotekhnologichnykh sposobakh soversheniya prestuplenii v sfere komp'yuternoi informatsii [On High-Tech Methods of Committing Crimes in the Field of Computer Information], *Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya na Altae. Vyp. XI–XII* [Criminal Procedure and Forensic Readings in Altai. Issue XI–XII]: conference papers, Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta, 2012, pp. 123–126.

Polyakov V. V. *Osnovy formirovaniya kriminalisticheskoi metodiki rassledovaniya vysokotekhnologichnykh prestuplenii* [Fundamentals of the Formation of a Forensic Methodology for Investigating the Most Serious Crimes], Davydov S. I. (ed.) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: pravovoe, kriminalisticheskoe i operativno-rozysknoe obespechenie* [Criminal Proceedings: Legal, Forensic and Operational-Search Support], Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta, 2019, pp. 114–126.

Polyakov V. V. Ponyatie sredstv soversheniya vysokotekhnologichnykh prestuplenii [The Concept of Means of Committing High-Tech Crimes], Davydov S. I., Polyakov V. V. (eds.) *Problemy bor'by s prestupnost'yu v usloviyakh tsifrovizatsii* [Problems of Combating Crime in the Context of Digitalization]: conference papers, Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta, 2021, pp. 76–86.

Polyakov V. V., Lapin S. A. Sredstva soversheniya komp'yuternykh prestuplenii [Means of Committing Computer Crimes], *Doklady Tomskogo gosudarstvennogo universiteta sistem upravleniya i radioelektroniki*, 2014, vol. 32, no. 2, pp. 162–166.

Polyakov V. V., Slobodyan S. M. Analiz vysokotekhnologichnykh sposobov nepravomernogo udalennogo dostupa k komp'yuternoi informatsii [Analysis of High-Tech Methods of Illegal Remote Access to Computer Information], *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, 2007, vol. 310, no. 1, pp. 212–216.

Rossinskaya E. R. K voprosu o chastnoi teorii informatsionno-komp'yuternogo obespecheniya kriminalisticheskoi deyatelnosti [To the Question of a Private Theory of Information and Computer Support for Criminalistic Activity], *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2016, no. 3–2, pp. 109–117.

Rossinskaya E. R., Ryadovskii I. A. Sovremennyye sposoby komp'yuternykh prestuplenii i zakonmernosti ikh realizatsii [Modern Methods of Computer Crimes and Patterns of Their Implementation], *Lex Russica*, 2019, no. 3, pp. 87–99.

Safronov A. Yu., Polyakov V. V. Problemy yuridicheskogo i lingvisticheskogo opredeleniya fal'sifikatsii dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve [Problems of Legal and Linguistic Definition of Falsification of Evidence in Criminal Proceedings], *Yurilingvistika*, 2019, no. 12, pp. 13–17.

Sergeev S. M. Nekotorye problemy protivodeistviya ispol'zovaniyu v prestupnoi deyatelnosti sredstv obespecheniya anonimizatsii pol'zovatelya v seti Internet [Some Problems of Countering the Use in Criminal Activities of Means to Ensure the Anonymization of the User on the Internet], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2017, vol. 73, no. 1, pp. 137–140.

Shurukhnov N. G. Sovremennaya prestupnost' (istoki, napravlennost', tekhnicheskaya osnashchennost', sposoby soversheniya, sokrytiya): sodержание rekomendatsii po raskrytiyu i rassledovaniyu [Modern Crime (Origins, Orientation, Technical Equipment, Methods of Commission, Concealment): Content of Recommendations for Disclosure and Investigation], *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2013, no. 4–2, pp. 123–136.

Smushkin A. B. Kriminalisticheskie aspekty issledovaniya darkneta v tselyakh rassledovaniya prestuplenii [Forensic Aspects of the Study of the Darknet in Order to Investigate Crimes], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2022, vol. 17, no. 3, pp. 102–111.

Somik K. V., Khabibulin A. G. Obnaruzhenie i dokumentirovanie tsifrovyykh sledov vysokotekhnologichnykh finansovykh prestuplenii: voprosy teorii i praktiki [Detection and Documentation of Digital Traces of High-Tech Financial Crimes: Issues of Theory and Practice], *Teoriya gosudarstva i prava*, 2020, no. 2, pp. 212–218.

Truntsevskii Yu. V. Kiberprestupleniya v korporativnoi srede: riski, otsenka i mery preduprezhdeniya [Cybercrime in the Corporate Environment: Risks, Assessment and Prevention Measures], *Rossiiskii sledovatel'*, 2014, no. 21, pp. 19–21.

Utkin M. S. *Osobennosti rassledovaniya i preduprezhdeniya khishchenii v potrebitel'skoi kooperatsii* [Features of the Investigation and Prevention of Theft in Consumer Cooperation]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Sverdlovsk, 1975, 22 p.

Voronin Yu. A., Belyaeva I. M., Kukhtina T. V. Sovremennye tendentsii prestupnosti v tsifrovoi srede [Modern Crime Trends in the Digital Environment], *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo*, 2021, vol. 21, no. 1, pp. 7–12.

Zelenskii V. D. *Teoreticheskie voprosy organizatsii rassledovaniya prestuplenii* [Theoretical Issues of Organizing the Investigation of Crimes], Krasnodar, KubGAU, 2011, 156 p.

Zuikov G. G. *Kriminalisticheskoe uchenie o sposobe soversheniya prestupleniya* [Forensic Doctrine About the Method of Committing Crime]: autoabstr. of doct. jur. sc. thesis, Moscow, 1970, 31 p.

Zuikov G. G. *Osnovy kriminalisticheskogo ucheniya o sposobe soversheniya i sokrytiya prestupleniya* [Fundamentals of Forensic Doctrine on the Method of Committing and Concealing a Crime], Belkin R. S., Lavrov V. P., Luzgin I. M. (eds.) *Kriminalistika* [Criminalistics], Moscow, Akad. MVD SSSR, 1987, vol. 1, pp. 41–57.

Vitaly Polyakov – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of criminal procedure and criminalistics, Altai State University. 656049, Russian Federation, Barnaul, Lenina ave., 61. E-mail: agupolyakov@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-6774-8414

Дата поступления в редакцию / Received: 03.12.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 23.01.2023

Е. В. Шишкина

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ТАКТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Понятие «тактический комплекс» в криминалистической науке трактуется по-разному, существует множество подходов к пониманию его структуры и сферы применения, некоторые из них проанализированы в статье. Понятие и содержание тактического комплекса рассмотрены в соотношении с двумя другими криминалистическими категориями – «тактическая комбинация» и «тактическая операция». Сформулирован вывод о необходимости их разграничения в зависимости от характера решаемых задач, субъектного состава участников и входящих в их структуру элементов. Предложено считать сферой применения тактических комбинаций конкретное следственное действие, в рамках которого применяются сочетания тактических приемов. Тактические операции имеют более широкую сферу применения, включают в себя разные по своей правовой природе действия, проводятся следователем во взаимодействии с другими участниками расследования, включая орган дознания.

Сформулировано определение тактического комплекса как совокупности следственных действий, реализуемой по единому тактическому замыслу для достижения локальных целей расследования. Отличительные особенности тактических комплексов кроются в том, что основным субъектом их применения выступает следователь и используются они в ситуациях, когда поставленная цель может быть достигнута следственным путем. Рассмотрены иные особенности тактических комплексов, их основные разновидности. Сформулирован вывод о необходимости включения в частные криминалистические методики рекомендаций о применении многовариантных тактических комплексов, при помощи которых можно решать разные задачи расследования.

Ключевые слова: тактическая комбинация, тактическая операция, тактический комплекс, тактический прием, следственное действие

Для цитирования

Шишкина Е. В. Тактические комплексы в системе криминалистических средств расследования преступлений // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. С. 40–50. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_40.

УДК 343.985

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_40

Термин «тактический комплекс» широко применяется в криминалистической литературе. И хотя единства в понимании его содержания и структуры нет, чаще всего его рассматривают в соотношении с двумя другими понятиями криминалистики – тактической комбинацией и тактической операцией. В частности, довольно распространено мнение о том, что тактические комбинации и тактические операции являются разновидностями

тактических комплексов [Асташкина, Марочкин, Михальчук и др. 2003: 5]. В этом подходе присутствует определенная логика, поскольку и тактические комбинации, и тактические операции имеют сложную структуру и в действительности представляют собой сочетание (комплексы) разнообразных элементов, предназначенных для решения задач расследования.

Особый интерес представляет точка зрения видного советского ученого Н. А. Се-

ливанова, который одним из первых применил термин «криминалистический комплекс». Анализируя появившееся в то время в криминалистической литературе понятие «тактическая операция», исследователь выделил два вида таких операций, отметив принципиальную разницу в их структуре и сфере применения. По его мнению, первый вид представляет собой сочетание тактических приемов, которые применяются в рамках одного следственного действия, именуется во многих работах «тактическими комбинациями» и полностью соответствуют предмету следственной тактики, обозначая тактику следственного действия. Кроме того, ученый также полагал, что именно тактическая комбинация вполне может быть названа тактическим комплексом. В то же время тактические операции, которые предполагают сочетание следственных и иных действий, предусмотренных нормами права, Н. А. Селиванов рассматривал как часть методики расследования, направленную на решение отдельной, частной задачи расследования, и предлагал называть такую операцию не тактической, а методической [Селиванов 1982: 92].

Совершенно иной подход в определении понятия тактического комплекса встречаем у И. Н. Сорокотягина и А. А. Шмидта. Свою позицию они тоже строят на анализе содержания и структуры тактической операции. Не оспаривая стандартный подход к пониманию тактической операции как совокупности следственных и иных действий, направленных на решение промежуточных задач расследования, авторы приходят к выводу, что иногда она может приобретать черты тактического комплекса. Речь идет о ситуациях, когда необходимо «сочетание множества следственных, организационно-проверочных, контрольно-ревизионных мероприятий, а также действий по использованию специальных познаний и т. п., проводимых следователем и другими участниками уголовного судопроизводства в целях своевременного выполнения отдельных значительных по объему задач» [Сорокотягин, Шмидт 1986: 98]. Таким образом, с позиции этих ученых, понятие «тактический комплекс» является более широким, чем понятие «тактическая операция», но, судя по предложенному определению, между ними имеется сущностное сходство, поскольку обе категории включают в себя разнообразные

по правовой природе действия, осуществляемые в рамках расследования.

И. М. Комаров и Н. Ю. Пономаренко к криминалистическим комплексам относят тактические операции и оперативно-тактические комбинации. Под последними они понимают систему оперативно-розыскных мероприятий, связанных одной задачей [Комаров, Пономаренко 2018: 3]. Термин «оперативно-тактическая комбинация» встречается в научной литературе не так часто, однако авторы так же наполняют его разным содержанием. Например, О. В. Усенко подчеркивает «недопустимость отождествления их с оперативно-розыскными мероприятиями. В оперативно-тактической комбинации при раскрытии преступлений, связанных с незаконными организацией и проведением азартных игр, наблюдается сочетание оперативно-розыскных мероприятий, процессуальных и следственных действий, составляющих ее содержание» [Усенко 2020: 15]. Е. С. Лобунец и Н. Е. Мерецкий, давая определение оперативно-тактической комбинации [Лобунец, Мерецкий 2016: 71], ссылаются на определение тактической операции Л. Я. Драпкина [Драпкин 1987: 138], тем самым ставя между ними знак равенства.

Таким образом, налицо не только разница в подходах к определению рассматриваемых понятий, что можно считать нормой для научных изысканий и порождаемой ими дискуссии. Налицо так называемая терминологическая путаница, поскольку одна и та же научная категория именуется по-разному.

Для того чтобы установить место понятия «тактический комплекс» в системе понятий криминалистики, необходимо вначале определить содержание и структуру и тактической комбинации, и тактической операции.

Относительно понятия тактической комбинации в настоящее время в криминалистике обозначены две основные позиции.

Согласно первой, в структуру тактических комбинаций входят только тактические приемы и соответственно применяются они в рамках конкретного следственного действия. Этой позиции придерживались А. Н. Васильев [Васильев 1976: 37], И. Ф. Герасимов [Криминалистика 2000: 231] и многие другие видные ученые [Криминалистика 2020: 194].

Сторонники второй позиции включают в структуру тактической комбинации не

только тактические приемы, но и следственные действия. Ярким представителем такого подхода является Р. С. Белкин, который рассматривал тактическую комбинацию в качестве мощного средства воздействия на следственную ситуацию и понимал под ней «сочетание тактических приемов или следственных действий, преследующее цель решения конкретной задачи расследования и обусловленное этой целью и следственной ситуацией» [Белкин 2001: 674]. Кроме того, Р. С. Белкин допускал наличие в составе тактических комбинаций не только следственных действий, но и оперативно-розыскных мероприятий, целями которых называл создание «условий, обеспечивающих результативность, целеустремленность и безопасность входящих в структуру комбинации следственных действий» [Там же: 673].

Что же касается понятия тактической операции, то большинство ученых разделяют позицию одного из разработчиков теории тактических операций А. В. Дулова. Он определял указанную операцию как «совокупность следственных, оперативных, ревизионных и иных действий, разрабатываемых и производимых в процессе расследования по единому плану под руководством следователя с целью реализации такой тактической задачи, которая не может быть решена производством по делу отдельных следственных действий» [Дулов 1979: 44]. Несмотря на то что разные авторы по-своему интерпретируют содержание тактической операции, все же большинство видит в ее структуре разнообразные по своей процессуальной природе действия, без комплексного использования которых цель расследования не может быть достигнута. Тактические операции реализуются в тех ситуациях, когда следователь вынужден прибегнуть к помощи иных участников расследования, поскольку арсенал его процессуальных возможностей не позволяет ему решить проблему самостоятельно.

Принципиальное отличие тактических операций от тактических комбинаций состоит в том, что здесь речь идет о своеобразной форме расследования, в которую следователь вовлекает участников, обладающих полномочиями и компетенциями, которые у него отсутствуют. Сфера применения тактических операций всегда выходит за рамки одного следственного действия. А. А. Чебуренков называет их отличительными чертами масштаб-

ность, длительность, широкий круг участников, высокую степень организованности их деятельности [Чебуренков 2005: 94]. К этому списку следует добавить необходимость планирования тактических операций, а также широкое применение методов взаимодействия участников.

Вопрос о разграничении понятий «тактическая комбинация» и «тактическая операция» неоднократно поднимался в криминалистической литературе. Полагаем, что его решение имеет принципиальное значение, поскольку речь идет о разных по своей криминалистической сути категориях, применение которых предполагает разный состав участников, требует разных подходов к реализации, привлечения различных ресурсов. В одном случае следователь может достигнуть цели самостоятельно, за счет имеющихся у него процессуальных и тактических возможностей в рамках конкретного следственного действия, самостоятельно разрабатывая комбинации тактических приемов, которые определяют его тактический «рисунок». В других ситуациях, когда цель не может быть достигнута следственным путем, появляется необходимость в привлечении дополнительных ресурсов, процессуальных и специфических (непроцессуальных) методов расследования, субъектом которых следователь не является.

Так возникает необходимость в планировании и проведении тактических операций, основу которых составляют разнообразные по своей правовой природе действия разных субъектов, находящихся в организационном и тактическом взаимодействии. При этом следователь, реализуя тактические комбинации, может обратиться за помощью к органу дознания в пределах предоставленных ему законом полномочий (ст. 38 УПК РФ). Однако это не приводит к автоматическому перерастанию тактической комбинации в тактическую операцию, поскольку оказываемая органом дознания помощь в данном случае носит ограниченный, вспомогательный характер и не связана с реализацией значимых тактических целей. При проведении тактических операций помощь органа дознания следователю носит системный характер и реализуется в разных формах их взаимодействия, направленного на достижение целей, требующих комплексного подхода.

В вопросе о структуре тактической комбинации нам более близка позиция о включении в ее состав тактических приемов, объединенных единой целью и реализуемых следователем при проведении конкретного следственного действия для обеспечения его эффективности. Яркий сторонник этой позиции И. Ф. Герасимов также рассматривал тактическую комбинацию как одну из разновидностей тактических приемов [Криминалистика 2000: 231–232].

Мнение о включении в структуру тактических комбинаций следственных действий является весьма распространенным. Р. С. Белкин писал, что тактическая комбинация может заключаться в определенном сочетании следственных действий в рамках одного акта расследования. При этом следственные действия могут быть одноименными и разноименными [Белкин 2001: 674]. Ученый также указывал на то, что в структуре подобных тактических комбинаций большое значение имеет их последовательность, в которой может заключаться замысел комбинации [Там же].

Идея о тактическом замысле, который реализуется путем проведения в определенной последовательности следственных действий, каждое из которых занимает в структуре четко обозначенное место и выполняет конкретную функцию, формируя условия для проведения последующего, очень ценна, поскольку в следственной деятельности такие комбинации применяются весьма успешно на разных этапах расследования, для разных целей. В отличие от комбинации тактических приемов, проводимых в рамках одного следственного действия, комбинации следственных действий обладают более сложной структурой, требуют активного тактического сопровождения и планирования. Полагаем, что термин «тактическая комбинация» не должен охватывать такие разные по характеру, объему и содержательному наполнению процедуры. Комбинации следственных действий следует рассматривать как самостоятельную криминалистическую категорию с собственным наименованием и четким определением. Считаем, что наиболее разумно такие сочетания (комбинации) следственных действий называть тактическими комплексами.

Таким образом, под тактическим комплексом нужно понимать совокупность следственных действий, выбор, последовательность

и тактическое содержание которых определяются следователем на основе всесторонней оценки следственной ситуации, с учетом их тактических возможностей в разрешении поставленной цели. В свою очередь, тактические комплексы не могут быть успешно реализованы без тактических комбинаций, представляющих собой сочетания разнообразных тактических приемов, которые применяются следователем в рамках отдельного следственного действия и выбор и последовательность которых обусловлены своеобразием следственной ситуации и поставленной целью.

Тактические комплексы следственных действий могут быть как самостоятельной тактической конструкцией, так и структурным элементом тактических операций, под которыми понимается совокупность разных по своей природе действий процессуального и непроцессуального характера, проводимых по единому плану и направленных на решение локальных задач расследования.

**Тактические комплексы
следственных действий могут быть как
самостоятельной тактической конструкцией,
так и структурным элементом
тактических операций**

Одна и та же тактическая задача расследования может быть решена разными средствами, в зависимости от степени ее сложности. Возьмем в качестве примера проверку алиби. Реализация этой локальной задачи в любом случае начинается с допроса лица, заявившего алиби. Исключительная важность проверки алиби всегда требует нестандартного тактического подхода к допросу подозреваемого. С учетом характера заявленного алиби, обстоятельств дела, личности допрашиваемого, а также имеющихся в распоряжении следователя ресурсов следователь, планируя допрос, определяет содержание и последовательность тактических приемов, которые намеревается применить. Как правило, в тактические комбинации допроса лица, заявившего алиби, входят приемы свободного рассказа, которые создают почву для использования приемов детализации, постановки уточняющих, контрольных вопросов. В некоторых случаях,

в зависимости от поставленной цели и имеющихся ресурсов, могут быть использованы приемы постановки уличающих вопросов, предъявления доказательств. Предпринятые следователем тактические усилия могут быть эффективными настолько, что заявивший ложное алиби подозреваемый откажется от него и даст правдивые показания. Однако чаще всего проверка алиби требует продолжения.

По мнению большинства исследователей проблем проверки алиби, ее выполнение чаще всего выходит за рамки одного допроса и требует комплексного подхода. Часто речь идет о необходимости проведения ряда следственных действий, объединенных единой целью проверки заявленного алиби. В частности, Н. В. Кручинина пишет о системе следственных действий, направленных на проверку достоверности показаний, и включает в нее дополнительные повторные допросы лиц, чьи показания проверяются, следственные эксперименты, осмотр места происшествия, осмотр иных мест, предметов и документов, следов, освидетельствование, обыск, выемку и истребование документов, очную ставку, предъявление для опознания и другие следственные действия [Кручинина 2019: 133–134]. М. И. Николаева предлагает использовать для проверки алиби свидетельские показания, исследование документов и вещественных доказательств [Николаева 2005: 21]. Примечательно, что оба автора по-разному именуют предлагаемые ими комплексы следственных действий. По мнению Н. В. Кручининой, это тактические операции [Кручинина 2019: 133], а М. И. Николаева называет их тактическими комбинациями [Николаева 2005: 21]. Это лишний раз подтверждает сказанное ранее об отсутствии единства в понимании сути используемой терминологии.

Задача проверки алиби может быть решена следственным путем, за счет формирования комплекса взаимосвязанных следственных действий. Вариантов таких тактических комплексов множество, сочетание следственных действий зависит от содержания показаний заявившего алиби, характера проверяемых обстоятельств и многих других факторов.

Наиболее распространенной последовательностью можно назвать следующий за допросом подозреваемого допрос свидетелей, на

которых он ссылается в подтверждение своего алиби. Планируя комбинации тактических приемов для допроса свидетеля, следователь должен учитывать результаты проведенной ранее тактической работы при допросе подозреваемого. В показаниях обоих лиц должны быть обозначены так называемые «контрольные точки», их функция состоит в том, чтобы попытаться разрушить ложную модель события, о котором эти лица рассказывают. Прежде всего речь идет о выявлении противоречий в показаниях подозреваемого и свидетеля. Комбинации тактических приемов допроса свидетеля должны включать в себя приемы детализации тех обстоятельств, о которых должен знать свидетель, если он действительно участвовал в описываемом событии, а также тех, по поводу которых они, скорее всего, не догадались договориться с подозреваемым, готовя ложное алиби. Тактика допроса свидетеля напрямую зависит и от результата допроса подозреваемого. Выявленные в его показаниях пробелы, неточности, противоречия также являются ориентиром для определения «контрольных точек» проверки его показаний при допросе свидетеля. Тактические комплексы проверки алиби могут быть расширены за счет следственных действий, необходимость в которых становится очевидна по результатам допроса свидетеля. Часто за ним следует повторный допрос подозреваемого, в тактике которого используются полученные доказательства.

В наиболее сложных ситуациях, когда проверить алиби следственным путем не удастся, следователь может прибегнуть к помощи органа дознания. Путем проведения оперативно-розыскных мероприятий может быть установлено действительное местонахождение подозреваемого в момент совершения преступления, неизвестные следствию обстоятельства, характеризующие отношения между подозреваемым и свидетелем и объясняющие позицию последнего, и др. В структуре тактической операции «проверка алиби» нередко присутствуют действия, направленные на истребование документов, получение сведений из учреждений и организаций.

Тактические комплексы обладают рядом особенностей, которые отличают их от иных тактических средств. Во-первых, в структуру тактических комплексов входят только следственные действия, соответственно субъ-

ектом их проведения является следователь (дознаватель). Во-вторых, все следственные действия, входящие в комплекс, объединены единой целью, которая имеет в основном локальный характер и связана с разрешением промежуточных задач расследования. В-третьих, указанные следственные действия связаны между собой единым замыслом, что определяет их выбор, последовательность и тактический рисунок каждого. Наконец, для успешной реализации тактического комплекса необходима разработка плана его проведения, который должен включать, как правило, комбинации тактических приемов проведения каждого следственного действия, входящего в его структуру. План проведения тактического комплекса динамичен, поскольку выбор и тактика проведения каждого последующего следственного действия зависят от оценки результатов проведения предыдущего в структуре комплекса.

Природа тактических комплексов как научной категории отличается своеобразием. С одной стороны, их изучением занимается криминалистическая тактика. С другой стороны, реализация этих комплексов осуществляется в рамках расследования преступлений отдельных видов, специфика которых в части предмета доказывания, умноженная на многообразие складывающихся ситуаций расследования, определяет характер промежуточных целей, диктует правила выбора тактических средств их достижения.

Структура отдельных тактических комплексов прямо предусмотрена законом. Например, исходя из требований уголовно-процессуального законодательства, можно выделить «связки» отдельных следственных действий: допроса и очной ставки; допроса и проверки показаний на месте; допроса и предъявления для опознания.

Несмотря на то что законом четко определена последовательность указанных следственных действий, их сочетание не утрачивает характера тактического комплекса, поскольку его успешная реализация требует соответствующего тактического наполнения. Более того, в структуру этих комплексов могут входить и иные следственные действия, которые не обязательны с точки зрения закона, но результаты которых могут иметь значение для принятия тактических решений. Например, тактика проверки показаний на

месте зависит не только от показаний лица, которые будут в ходе ее проверяться, но и от результатов других следственных действий, формирующих информационные потоки, сопоставляемые следователем в ходе проверки показаний. Чаще всего это данные, полученные при осмотре места происшествия, показания потерпевших и свидетелей, результаты экспертиз и др.

Первым структурным элементом во всех вышеперечисленных комплексах является допрос. Содержание допроса в каждом случае определяется следователем на основе оценки ситуации расследования и зависит от множества факторов. Объединяет все эти допросы то, что в ходе их проведения следователь решает вопрос о необходимости, возможности, а в ряде случаев – и о целесообразности проведения по его итогам следующего следственного действия, которое в основном носит контрольный (проверочный) характер. В связи с этим большое значение приобретает функция прогнозирования расследования. Уже в ходе допроса, по мере получения информации от допрашиваемого, следователь может выстраивать мысленную модель дальнейшего расследования и принимать меры к подготовке следующего за допросом следственного действия. Таким образом в тактику допроса могут включаться приемы, основанные на детализации отдельных обстоятельств, уточнении определенных фактов, которые будут проверены в ходе последующего следственного действия. Немаловажно также получить согласие допрашиваемого на участие в его проведении.

Рассмотрим некоторые особенности тактического комплекса «допрос – очная ставка». На этапе допроса необходимо не только оценить характер имеющихся в показаниях допрашиваемого противоречий, сопоставив их с показаниями другого ранее допрошенного лица, чтобы убедиться в их существенности, как того требует закон. Проведение очной ставки нередко сопровождается тактическими рисками, поэтому немаловажно оценить свойства личности допрашиваемого, степень его уверенности в своей позиции, психологической устойчивости. Практике известны случаи, когда один из участников очной ставки, дающий достоверные показания под воздействием особых условий ее проведения, меняет свою позицию либо вообще отказывается от своих показаний.

При планировании очной ставки результаты допроса и изучения личности допрошенных могут помочь в определении ее тактики. В частности, по итогам допроса может быть решен вопрос о предмете очной ставки, о том, кого из участников допрашивать первым, а также о целесообразности применения отдельных приемов, которые содержат элементы тактического риска (например «допущение полемики»).

В криминалистической литературе описан более сложный вариант сочетания допроса и очной ставки – проведение очной ставки в ходе допроса. Такой комплекс следственных действий требует серьезной подготовки и предполагает, что решение о его реализации принято следователем заранее на основе анализа имеющихся в его распоряжении доказательств, оценки следственной ситуации и прогнозов ее развития. Тактическое сопровождение этого комплекса должно быть тщательно спланировано и включать в себя несколько вариантов комбинаций тактических приемов. Прежде всего сам факт проведения очной ставки во время допроса лица может быть частью реализации тактического приема внезапности, успешность применения которого может создать хорошую почву для ее дальнейшей тактики. В структуру тактической комбинации подобной очной ставки следует включить выбор момента объявления допрашиваемому о проведении очной ставки с его участием, приемы организационного характера, обеспечивающие явку второго участника, подготовку места проведения очной ставки, и иные, выбор которых зависит от специфики уголовного дела и предмета доказывания.

Наиболее сложными вариантами тактических комплексов можно назвать те, в которых вопрос об их структуре и о последовательности следственных действий заранее ничем не предопределен, и следователь формирует комплекс на основе оценки ситуации, собственного опыта и знаний. Немалое значение в решении данной проблемы имеют навыки в расследовании преступлений отдельных категорий, свойства личности субъектов преступлений и иных его участников. Тактические комплексы являются инструментами расследования, т. е. криминалистическими средствами, которые могут быть использованы для решения самых разных его задач и на разных его этапах. Частные методики расследования

преступлений отдельных видов и групп предусматривают рекомендации по определению содержания и последовательности первоначальных и последующих следственных действий в различных типичных ситуациях. Однако, как утверждал Р. С. Белкин, в этих разделах частной методики обычно приводится «типичный перечень» следственных действий и дается их «типичная последовательность» [Белкин 2001: 749], а окончательный выбор в любом случае остается за следователем, поскольку он действует в условиях конкретной ситуации и имеет представление о ее особенностях.

Ценность методических рекомендаций значительно повышается, когда в них предлагается многовариантные подходы к разрешению типичных ситуаций, делается акцент на необходимости разумно выбрать содержание и последовательность следственных действий. Согласимся с В. Н. Карагодиным, который, анализируя современное состояние научных исследований по методикам расследования преступлений отдельных видов, отмечает, что зачастую в них не дается комплексного, системного представления о до судебном производстве, а «авторы ограничиваются изложением перечня следственных действий, не описывая на разных этапах расследования особенностей их проведения, не давая рекомендаций по применению при этом тактических приемов и средств» [Карагодин 2015: 64–65].

Полагаем, что практическая значимость методических рекомендаций по расследованию значительно возрастет, если они будут включать в себя описание тактических комплексов, которые могут применяться для разрешения типичных ситуаций разных категорий.

Например, в методиках расследования убийств в ситуациях, характеризуемых полнотой данных об основных обстоятельствах произошедшего события и причастного к нему лица, с целью проверки указанных сведений рекомендуют проводить ряд неотложных следственных действий, включая осмотр места происшествия и трупа, получение объяснений от очевидцев, а также лица, на которого они указывают, его освидетельствование [Папышева 2011: 54]. Полагаем, что этих рекомендаций недостаточно, и они должны быть дополнены предложением рассмотреть различные варианты последовательности этих

действий. Так, может быть по-разному решен вопрос об очередности допросов и осмотра места происшествия, допроса и освидетельствования. В частности, приступая к осмотру места происшествия и трупа, следователь должен обладать минимумом информации о произошедшем, о позиции задержанного лица. Это придаст осмотру большую целенаправленность, сделает его более активным. В дальнейшем целесообразно использовать результаты осмотра места происшествия при допросе указанных лиц. Освидетельствование задержанного лучше проводить до его допроса, чтобы полученные при его проведении данные также могли быть использованы в качестве доказательств в дальнейшем.

Допрос подозреваемого в подобных ситуациях будет более эффективным, если до его проведения собран достаточный объем доказательств его причастности к преступлению. Ситуации задержания с поличным, явки с повинной, несмотря на их благоприятный в целом характер, таят в себе элементы информационной неопределенности, которая касается важнейших обстоятельств, подлежащих установлению: виновности задержанного, мотивов преступления, наличия соучастников и пр. Поэтому допрос подозреваемого должен быть, как правило, завершающим элементом тактического комплекса, в который входят осмотр места происшествия, осмотр трупа, допросы очевидцев и иных свидетелей, освидетельствование, осмотр одежды задержанного. По крайней мере, частные методики расследования должны предлагать такие тактические конструкции.

Неоднозначной представляется структура тактических комплексов, которые формируются в целях проверки отдельных обстоятельств расследуемого события. К числу наиболее распространенных локальных целей расследования можно отнести проверку версий, которые формулируются следователем на

основании оценки имеющихся доказательств (например, версия о соучастнике), уточнение отдельных обстоятельств события, имеющих доказательственное значение (например, роли соучастников события, последовательность элементов механизма события, мотивы). В этих ситуациях большое значение приобретают выбор наиболее эффективных для этих целей следственных действий, определение их последовательности. Для правильного выбора следователь должен четко сформулировать свою цель, всесторонне оценить сложившуюся следственную ситуацию с точки зрения имеющихся у него информационных и иных ресурсов, наконец, он должен обладать достаточными знаниями о тактических возможностях следственных действий, которые могут быть применены.

В основном конкуренция возникает между следственными действиями проверочного характера, к каковым относят очную ставку, проверку показаний на месте и следственный эксперимент. Все они могут быть использованы, например, в качестве средства устранения противоречий в показаниях участников события. Однако с этой задачей они могут справиться по-разному. В частности, помимо указанных выше факторов, для правильного выбора большое значение имеет характер противоречий.

Рекомендации по формированию тактических комплексов для решения специфических локальных (промежуточных) задач, которые возникают при расследовании преступлений отдельных видов и групп, на наш взгляд, должны стать необходимыми элементами частных методик расследования. Задача криминалистической тактики состоит в том, чтобы полнее описывать тактические возможности следственных действий, которые по-разному проявляются в различных ситуациях и зависят от комплекса факторов, требующих всесторонней оценки следователя.

Список литературы

- Асташкина Е. Н., Марочкин Н. А., Михальчук А. Е. и др. Расследование преступлений. Криминалистические комплексы. М.: Приор-издат, 2003. 112 с.
- Белкин Р. С. Курс криминалистики. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 837 с.
- Васильев А. Н. Следственная тактика. М.: Юрид. лит., 1976. 197 с.
- Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 168 с.

Дулов А. В. Тактические операции при расследовании преступлений. Мн.: Белорус. гос. ун-т, 1979. 128 с.

Карагодина В. Н. Проблемы разработки и внедрения в следственную практику частных методик расследования преступлений // Криминалистические чтения на Байкале – 2015: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 18–19 июня 2015 г.) / отв. ред. Д. А. Степаненко. Иркутск: Восточно-Сиб. филиал Рос. гос. ун-та правосудия, 2015. С. 62–65.

Комаров И. М., Пономаренко Н. Ю. Тактические комплексы в расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2018. 176 с.

Криминалистика: учеб. для вузов / под науч. ред. В. Н. Карагодина, Е. В. Смахина. М.: Юрайт, 2020. 487 с.

Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. М.: Высш. шк., 2000. 672 с.

Кручинина Н. В. Некоторые методы проверки достоверности показаний // Вестник Российского нового университета. 2019. № 4. С. 129–135. DOI: 10.25586/RNU.V9276.19.04. P. 129.

Лобунец Е. С., Мерецкий Н. Е. Оперативно-тактические комбинации, реализуемые на этапах расследования преступлений // Правовые, социально-гуманитарные и экономические проблемы в фокусе научных исследований: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 12 ноября 2016 г.) / под ред. С. Е. Туркулец. Хабаровск: Дальневосточ. гос. ун-т путей сообщения, 2016. С. 71–78.

Николаева М. И. Алиби: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 26 с.

Папышева Е. С. Методика первоначального этапа расследования убийств, совершенных несовершеннолетними. М.: Юрлитинформ, 2011. 208 с.

Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. М.: Юрид. лит., 1982. 152 с.

Сорокотягин И. Н., Шмидт А. А. Использование специальных познаний в криминалистическом комплексе «установление неопознанного трупа или его частей // Тактические операции и эффективность расследования. Свердловск: СЮИ, 1986. С. 96–105.

Усенко О. В. Реализация оперативно-тактических комбинаций на различных этапах расследования незаконных организации и проведения азартных игр: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2020. 26 с.

Чебуренков А. А. Теоретические основы криминалистической тактики и прикладные аспекты их реализации в расследовании преступлений. Рузаевка: Тип. «Рузаевский печатник», 2005. 174 с.

Елена Викторовна Шишкина – почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: evsh18@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-4152-3396

Tactical Complexes in the System of Forensic Means of Crime Investigation

The concept of tactical complex in criminalistics is interpreted differently, there are many approaches to understanding its structure and scope, some of which are analyzed in the article. The concept and content of a tactical complex are considered in correlation with two other criminalistic categories – tactical combination and tactical operation. It is offered to distinguish these concepts depending on the character of tasks solved, on the subjective structure of participants and on the elements of their structure. It was proposed to consider as the scope of application of tactical combinations a specific investigative action, within which combinations of tactical techniques are applied. Tactical operations have a wider range of application in contrast to tactical combinations, include actions different in their legal nature, and are carried out by the investigator in interaction with other participants of investigation, including the body of inquiry.

A definition of a tactical complex as a set of investigative actions implemented according to a single tactical plan to achieve local goals of the investigation was formulated. Distinctive features of tactical complexes lie in the fact that an investigator is the basic subject of their application and they are used when the set purpose can be achieved by investigative means. Other features of tactical complexes, their main varieties were considered. The conclusion is made about the need to include recommendations on the use of multivariate tactical complexes in particular forensic techniques, which allow solving various problems of investigation.

Keywords: tactical combination, tactical operation, tactical complex, tactical method, investigative action

Recommended citation

Shishkina E. V. Takticheskie komplekсы v sisteme kriminalisticheskikh sredstv rassledovaniya prestuplenii [Tactical Complexes in the System of Forensic Means of Crime Investigation], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 1, pp. 40–50, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_40.

References

Astashkina E. N., Marochkin N. A., Mikhal'chuk A. E. et al. *Rassledovanie prestuplenii. Kriminalisticheskie komplekсы* [Crime Investigation. Forensic Complexes], Moscow, Prior-izdat, 2003, 112 p.

Belkin R. S. *Kurs kriminalistiki* [Forensics Course], Moscow, YuNITI-DANA, 2001, 837 p.

Cheburenkov A. A. *Teoreticheskie osnovy kriminalisticheskoi taktiki i prikladnye aspekty ikh realizatsii v rassledovanii prestuplenii* [Theoretical Foundations of Forensic Tactics and Applied Aspects of their Implementation in the Investigation of Crimes], Ruzaevka, Tip. «Ruzaevskii pechatnik», 2005, 174 p.

Drapkin L. Ya. *Osnovy teorii sledstvennykh situatsii* [Fundamentals of the Theory of Investigative Situations], Sverdlovsk, Izd-vo Ural. un-ta, 1987, 168 p.

Dulov A. V. *Takticheskie operatsii pri rassledovanii prestuplenii* [Tactical Operations in the Investigation of Crimes], Minsk, Belorus. gos. un-t, 1979, 128 p.

Gerasimov I. F., Drapkin L. Ya. (eds.) *Kriminalistika* [Forensics], Moscow, Vyssh. shk., 2000, 672 p.

Karagodin V. N. *Problemy razrabotki i vnedreniya v sledstvennyuyu praktiku chastnykh metodik rassledovaniya prestuplenii* [Problems of Development and Implementation in the Investigative Practice of Private Techniques for the Investigation of Crimes], Stepanenko D. A. (ed.) *Kriminalisticheskie chteniya na Baikale – 2015* [Forensic Readings in Baikal – 2015]: conference papers, Irkutsk, Vostochno-Sib. filial Ros. gos. un-ta pravosudiya, 2015, pp. 62–65.

Karagodin V. N., Smakhtin E. V. (eds.) *Kriminalistika* [Forensics], Moscow, Yurait, 2020, 487 p.

Komarov I. M., Ponomarenko N. Yu. *Takticheskie komplekсы v rassledovanii prestuplenii* [Tactical Complexes in the Investigation of Crimes], Moscow, Yurlitinform, 2018, 176 p.

Kruchinina N. V. *Nekotorye metody proverki dostovernosti pokazanii* [Some Methods to Verify Obtained Statements], *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta*, 2019, no. 4, pp. 129–135, DOI: 10.25586/RNU.V9276.19.04. P. 129.

Lobunets E. S., Meretskii N. E. *Operativno-takticheskie kombinatsii, realizuemye na etapakh rassledovaniya prestuplenii* [Operational and Tactical Combinations Implemented on the Stages of Crime Investigation], Turkulets S. E. (ed.) *Pravovye, sotsial'no-gumanitarnye i ekonomicheskie problemy v fokuse nauchnykh issledovaniy* [Legal, Social-Humanitarian, and Economic Problems in the Focus of Scientific Research]: conference papers, Khabarovsk, Dal'nevostoch. gos. un-t putei soobshcheniya, 2016, pp. 71–78.

Nikolaeva M. I. *Alibi: ugolovno-protsessual'nyi i kriminalisticheskii aspekty* [Alibi: Criminal Procedural and Forensic Aspects]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2005, 26 p.

Papysheva E. S. *Metodika pervonachal'nogo etapa rassledovaniya ubiistv, sovershennykh ne-sovershennoletnimi* [Methodology of the Initial Stage of the Investigation of Murders Committed by Minors], Moscow, Yurlitinform, 2011, 208 p.

Selivanov N. A. *Sovetskaya kriminalistika: sistema ponyatii* [Soviet Criminalistics: System of Concepts], Moscow, Yurid. lit., 1982, 152 p.

Sorokotyagin I. N., Shmidt A. A. *Ispol'zovanie spetsial'nykh poznanii v kriminalisticheskom komplekse «ustanovlenie neopoznannogo trupa ili ego chastei»* [Use of Special Knowledge in the Forensic Complex «Establishment of an Unidentified Corpse or its Parts»], *Takticheskie operatsii i effektivnost' rassledovaniya* [Tactical Operations and Effectiveness of the Investigation], Sverdlovsk, SYuI, 1986, pp. 96–105.

Usenko O. V. *Realizatsiya operativno-takticheskikh kombinatsii na razlichnykh etapakh rassledovaniya nezakonnykh organizatsii i provedeniya azartnykh igr* [Implementation of Operational and Tactical Combinations at Various Stages of the Investigation of Illegal Organization and Conduct of Gambling]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Rostov-on-Don, 2019, 26 p.

Vasil'ev A. N. *Sledstvennaya taktika* [Investigative Tactics], Moscow, Yurid. lit., 1976, 197 p.

Elena Shishkina – honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of criminalistics, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: evsh18@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-4152-3396

Дата поступления в редакцию / Received: 30.01.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 27.02.2023

С. С. Евсеев

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ИДЕЯ ГУМАНИЗМА В МЕЖДУНАРОДНОМ ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ: ОТ ДРЕВНЕГО МИРА ДО ПРИНЯТИЯ ПЕРВЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

Автор рассматривает историю международного гуманитарного права начиная с древних времен, при этом акцентируя внимание на проявлениях гуманизма, дает представление не только о развитии фундаментального принципа, но и о предпосылках появления отдельной отрасли права.

Развитие международного гуманитарного права всегда было основано на цивилизованности. Идея гуманизма есть сущность человека, которая лишь приобретала все более ясные очертания с течением времени. Законы войны формировались под влиянием произвола, а гуманитарная мысль появилась в философских и теологических трудах. Используя историко-правовой метод познания, можно увидеть, как отличающиеся по культуре, развитию и территории государства начинали приходить к идее гуманизма. Результатом развития идей гуманизма стало, в частности, принятие Женевской конвенции 1864 г. и Санкт-Петербургской Декларации 1868 г. Отныне гуманизм уже не просто идея, а закрепленная в нормах международного права область, которая чуть позже стала называться международным гуманитарным правом.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, гуманизм, международное право, принципы международного гуманитарного права, право войны, законы войны, обычаи войны

Для цитирования

Евсеев С. С. Идея гуманизма в международном гуманитарном праве: от древнего мира до принятия первых международных договоров // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. С. 51–61. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_51.

УДК 341

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_51

Гуманизм – это особая философская и этическая идея, суть которой заключена в признании особой ценности и самостоятельности человеческого индивидуума и человеческого общества. Значение термина «гуманизм» менялось в зависимости от многих исторических интеллектуальных движений, на которые оказывали внимание как эпоха, так и соответствующий уровень глубины познания сущности человека.

Спустя время можно увидеть, что гуманизм приобретал различные формы, находил разные проявления, а многие народы, руководствуясь лишь идеями морали и при-

сущими им в тот исторический период ценностями, даже не связывали их с какой-либо конкретной терминологией. Для того чтобы лучше осмыслить этапы становления гуманизма в его современном понимании как фундаментального принципа международного гуманитарного права, а возможно, и «катализатора» зарождения данной отрасли права, – исследовать нужно именно проявления идей гуманизма.

Вопрос периодизации до сих пор является довольно сложным, поскольку отсутствуют единые и общепризнанные критерии, благодаря которым можно было бы разде-

лить историю формирования идеи гуманизма на отдельные этапы и целенаправленно их изучать.

За основу следует взять периодизацию, приведенную в учебнике «Международное право» под редакцией Г. В. Игнатенко и О. И. Тиунова. Так, первым этапом принято считать древний мир (до 476 г. н. э.), затем период от падения Римской империи до Вестфальского мира (477–1648 гг.), после – от Вестфальского мира до Гаагских конференций мира (1649–1907 гг.) и, наконец, от Гаагских конференций мира до создания ООН и формирования современного международного права (с 1907 г. до наших дней) [Международное право 2021].

Также можно отметить классификацию, которой придерживался И. И. Лукашук: древние века (до VI в. н. э.), средние века (VI–XVI вв.), формирование классического международного права (XVI–XVIII вв.), его развитие (1739–1919 гг.), переход от классического международного права к современному (1919–1946 гг.) и современное международное право (до наших дней) [Лукашук 2005].

Похожий вариант периодизации можно увидеть в трудах В. Ю. Калугина, который предлагает разделять законы и обычаи войны по следующим периодам: древность, средневековье, новое и новейшее время. Новейшее время в свою очередь подразделяется еще на три этапа: «право войны» (с XVIII в. до Дипломатической конференции 1864 г.), «право вооруженных конфликтов» (с 1864 г. до Дипломатической конференции 1949 г.), «международное гуманитарное право» (с 1949 г. по настоящее время) [Калугин 2006].

Предлагается выработать усредненную модель переодизации:

- 1) древние века (до 476 г. н. э.);
- 2) средние века (от 476 г. н. э. до середины XVII в.);
- 3) новое время (от XVII в. до принятия первых международных договоров 1864 и 1868 гг.).

Стоит заметить, что хотя за основу берется периодизация развития международного права, речь пойдет о развитии идей гуманизма. Международное гуманитарное право как отрасль права сформировалось позднее.

Несмотря на абсолютно негуманную природу вооруженных конфликтов, человечество уже давно признает важность идей гуманиз-

ма, моральных ценностей и высокую роль человеческих идеалов для смягчения последствий войны. Начиная с древности можно наблюдать попытки регламентации войны и появление идей гуманизма, в первую очередь на тех территориях, где зарождалась цивилизация: в Древней Греции, Древнем Риме, Древнем Китае и Древней Индии.

В древнеиндийском сборнике права – Законах Ману, датируемых II в. до н. э., содержались отдельные положения, направленные на защиту и охрану не только личности, но и имущества мирных жителей. Кроме того, были установлены правила войны, запрет использования в бою определенных видов оружия: «Сражаясь в битве, не следует поражать врагов вероломным оружием – ни зубчатым, ни отравленным, ни раскаленным на огне». Идея гуманизма отражена в положениях, запрещающих убийство поверженного и безоружного врага: «Не полагается убивать оказавшегося на земле [если сам на колеснице]... ни стоящего со сложенными руками [с просьбой о помиловании]... ни говорящего: „я твой“, ни спящего, ни ненадевшего доспехи, ни нагого, ни безоружного, ни несражающегося...» [Законы Ману 1992].

Законодательный свод Древнего Вавилона «Законы Хаммурапи», датируемый 1755–1752 гг. до н. э., содержит фразу самого царя: «Чтобы сильный не притеснял слабого» [Кодекс законов Царя Хаммурапи 1950: 1]. Данная цитата очень важна для понимания того, что справедливость в Древнем Вавилоне ставилась превыше всего. Хаммурапи провозглашал, что притесненный и угнетенный в первую очередь заслуживает именно справедливого отношения.

Легендарный китайский военачальник, стратег и мыслитель Сунь Цзы (VI–V вв. до н. э.) подчеркивал, что поскольку война – занятие дорогое, приносящее убыток государству и бедствия народу, то она должна быть быстрой, эффективной и мобильной, а затягивание войны, наоборот, будет негуманным по отношению к народу. Хотя главной причиной быстрого окончания военных действий и признается экономическая выгода государства, далеко не последнее место отводится и идее гуманизма, и проявлению человечности к простым людям [Сунь-Цзы 2021].

Имеются свидетельства того, что войны между древнегреческими городами пример-

но в 700–450 гг. до н. э. велись в соответствии с обычными правилами, касающимися, среди прочего, обращения с военнопленными и мер, применяемых для продолжения борьбы уже с разгромленными силами [Ober 1994].

В Древности большое влияние на сознание не только простого населения, но и правителей оказывала философская мысль. Неверно будет говорить, что именно философы открыли и начали транслировать идеи гуманизма. Философия просто облекла в грамотные формулировки то, что уже свойственно человеку. Так, влияние обычных правил, по которым на протяжении нескольких сотен лет велись войны, прослеживается в «Государстве» Платона, написанном около 375 г. до н. э. Там отмечается, что граждане оккупированных территорий не должны подвергаться порабощению или нападениям, не следует грабить трупы погибших, а завоеватели должны воздерживаться от сожжения домов или уничтожения оккупированных земель [Платон 1994].

Главная причина утверждения Платоном этих правил касалась общих ценностей, объединявших греческие народы. Исходя из тщательного изучения социального и политического положения Афин и всей Эллады после Пелопоннесской войны, в которую были вовлечены все основные греческие города, он отмечал, что важно поддерживать добрую волю в отношениях между городами и народами Древней Греции даже в периоды вооруженных конфликтов, в целях содействия прогрессу их общей культуры. Платон, впрочем, не был готов распространить этот гуманный подход на войны между греками и другими народами, которых он считал варварами. Однако особое внимание, уделенное им необходимости поддерживать чувство общей ценности во время военных действий, чтобы проложить путь к будущему примирению между сторонами, как раз явилось основанием для современного понимания гуманизма. Хотя это и положило начало философскому пониманию и развитию гуманистических идей, до современного понимания было еще далеко, поскольку у древнегреческой идеи гуманизма были свои границы, пока не позволяющие распространить ее на всех людей в мире.

Другая важная предпосылка развития идей гуманизма содержится в трудах ученика Платона – Аристотеля (384–322 до н. э.).

Поддерживая Платона в части того, что война явление – естественное, Аристотель ввел термин «справедливая война», а его теории в области права и политики отчетливо выражали мысль о том, что война – это часть политического искусства. Аристотель писал, что война в целях приобретения рабов из страны, которая «по природе является страной рабов», – справедлива. И напротив, война против греческих полисов является несправедливой. Особенно важной была его концепция политического сообщества.

Аристотель считал людей естественными социальными животными, которые обладают общим пониманием хорошей и полноценной жизни. Целью наилучшей жизни является достижение счастья, называемого эвдаймонией – деятельностью, сообразной добродетели. В вопросах ведения войны и достижения мира государственный муж руководствуется соображениями добродетели [Аристотель 2010]. Если Платон видел истоки войны в несовершенстве человеческой души, то Аристотель рассматривал войну как естественное средство [Лобанов 2015: 307].

Вслед за Аристотелем термин «справедливая война» появился в теологическом труде Аврелия Августина «О граде Божьем против язычников» V в. Грабежи, пожары, убийства он относил к обычаям войны и считал, что воины не нарушают божественный запрет «не убивать», поскольку действуют не по своей воле. «Не тот убивает, кто обязан служить повелевшему, как и меч служит орудием тому, кто им пользуется» (кн. 1 гл. 21) [Августин Блаженный 1998]. Кроме того, Святой Августин писал, что знаменитый полководец Марк Марцелле перед взятием города Сиракузы «позаботился... об охране целомудрия... в отношении врага», поскольку своим эдиктом предписал, чтобы «никто не чинил насилия над свободным телом» (кн. 1 гл. 6) [Там же]. Одновременно он рассуждал, что даже если гуманизм был действительно проявлен к кому бы то ни было, – историки того времени данные факты старательно умалчивали.

О гуманном обращении на войне рассуждали другие философы. Несмотря на грозную репутацию римских армий, Цицерон в политическом трактате «Об обязанностях» в 44 г. до н. э. утверждал, что при ведении военных действий должны соблюдаться определен-

ные стандарты. В частности, вооруженным силам следует воздерживаться от ненужного разрушения оккупированных территорий, и необходимо обеспечить защиту захваченных в плен противников, невинных в чрезмерно жестоком обращении в ходе боевых действий [Цицерон 1974]. Позиция Цицерона была мотивирована идеей о том, что существуют важные принципы справедливости, общие для всех человеческих сообществ. Он подчеркнул, что военные действия следует всегда вести с целью обеспечения долгосрочного и справедливого мира. В отличие от Платона, Цицерон не проводил различия между своими собратьями-римлянами и представителями других культур.

Несмотря на формирование законов войны под влиянием произвола, гуманизм появился на уровне философской мысли и нашел отражение в теологических трудах, тем самым глубоко проникая в общество

Таким образом, несмотря на формирование законов войны под влиянием произвола, гуманизм появился на уровне философской мысли и нашел отражение в теологических трудах, тем самым глубоко проникая в общество. Хотя поначалу гуманистическая идея была распространена на уровне внутригосударственного права, это уже являлось ярким свидетельством того, что она перестала быть лишь моралью. Можно видеть, как Древний Китай, Древняя Индия и Древняя Греция, находясь в разных концах света, имея разную культуру и проходя разные этапы развития, начали постепенно приближаться к идее гуманизма и человечности.

Переходя к этапу Средневековья, можно обратить внимание на зарождение цивилизации в Древней Руси и тесную взаимосвязь между развитием цивилизации и идеей гуманизма.

Д. А. Савченко, изучая военные обычаи и природу войны во времена Древней Руси (IX–XIII вв.), цитирует «Житие патриарха Игнатия» Н. Д. Пафлагона о походе руссов на Византию: «Народ Рос прорвался в залив, опустошил все населенные местности и монастыри, разграбил утварь и деньги. Умертвили всех захваченных людей...» [Савченко

2018]. По данной выдержке можно судить сразу о нескольких вещах: монастыри не являлись неприкосновенными, допускалось разграбление захваченной территории, а также убийство пленных. Д. А. Савченко находит подтверждение тому и в древнерусских летописях, описывающих поход князя Олега на Византию. Из них следует, что жителей захваченных территорий расстреливали, рубили и бросали в море. А в описании войны князя Даниила Галицкого с ятвягами говорится, в частности, о том, как сжигались дома, разорялись села, захватывались богатства. В. И. Сергеевич, исследуя и анализируя древнерусские военные обычаи, объяснял подобное «особенностью тогдашней военной организации» [Сергеевич 2007].

Ф. И. Кожевников, напротив, отмечал стремление русского народа к гуманизации войны. Он приводил в пример договор между князем Галицким Даниилом Романовичем и польским князем Конрадом I Мазовецким: стороны закрепили взаимное обязательство о пощаде мирных жителей и о запрете на захват в плен сельского населения на захваченных территориях [Кожевников 2014].

Несмотря на жестокость войн Средневековья, безусловно можно говорить о развитии гуманистических идей. Однако вместо философии ведущую роль в привнесении данных идей в общество начала играть религия. Христианство и иудаизм проповедают, что все люди были созданы по образу и подобию Бога. Христианский мир следует принципу любви к ближнему своему, но нередко обходит данный принцип стороной во время ведения войны.

Предпринимались попытки «замирения по субъектам» – ограничения на участие в военных действиях лиц отдельных категорий, например духовенства, и «замирения по объектам» – нераспространения военных действий на церковь и дома духовенства. Кроме того, католическая церковь ввела запрет на убийство военнопленных, основываясь на догме, согласно которой ни один христианин не может убить другого без достаточной необходимости. Однако хотя данное ограничение и было значительным шагом в сторону гуманизации, поначалу распространялось только на христиан.

История человечества, как ни странно, показывает, что порой даже самые жестокие

воины проявляли милосердие, а безжалостные правители со снисхождением и состраданием относились к поверженным врагам. Так, захватив в 1187 г. Иерусалим, войска султана Египта и мусульманского лидера XII в. Юсуф ибн Айюба (Саладина) не обошлись жестоко ни с одним из жителей, а врагам противника разрешалось лечить своих раненых [Зиганшина 2014]. А в 1280 г. в Испании был написан «Викайят» – свод законов, запрещающий убивать женщин, детей, стариков, больных и парламентариев, наносить увечья побежденным, отравлять ядом источники и источники воды [Пикте 2001].

Исследуя природу влияния ислама на международное гуманитарное право, юристы-международники А. Я. Капустин и Е. В. Мартыненко проводили параллели между положениями Корана и Женевских конвенций [Капустин, Мартыненко 1991]. Так, в Коране говорится, что вести боевые действия можно только против тех, у кого есть оружие; пленных нужно лечить, кормить и заботиться о них как о своих; если кто-либо будет склоняться к миру, – решать конфликты мирно [Коран 2002].

Общие представления о правовой природе войны в средневековом обществе были изложены в работах Ф. Ф. Мартенса, В. П. Даневского, М. А. Таубе, В. Э. Грабаря.

Именно в средневековье были предприняты первые попытки формализовать обычные нормы, которые регулируют военные действия. Вначале они приняли форму официальных указов. Так, *The Ordinance for the Government of the Army*, опубликованный в 1386 г. по приказу короля Англии Ричарда II, под страхом смерти запрещал акты насилия в отношении женщин и священников, а также провозглашал запрет на поджоги домов и осквернение церквей [Сох 2013]. Аналогичные прокламации были изданы Генрихом V в 1415 и 1419 гг. [Meron 1992], Фердинандом I в 1526 г., императором Максимилианом II в 1570 г. и королем Швеции Густавом II Адольфом в 1621 гг. [Greppi 1999]. Статья 100 Военного Устава, изданного Густавом II Адольфом, устанавливала, что ни один мужчина не должен «тиранствовать над каким-либо церковником или пожилыми людьми, мужчинами или женщинами, рабами или детьми».

Важную роль в регулировании военных действий сыграли традиции, присущие ры-

царству. Благодаря ему развивались определенные правила, которые касались как ведения войны, так и запрещения отдельных видов оружия. Однако в действительности их действие распространялось только на отношения между христианами и знатью. Советский юрист-международник Е. А. Коровин отмечал, что определенные правила войны соблюдались лишь в войнах между феодалами, а когда же они воевали с представителями других классов, с правилами никто не считался [Коровин 1946]. Итальянский дипломат и философ Никколо Макиавелли высказывал довольно противоречивые суждения о правилах ведения войны. Так, выступая за непричинение вреда безоружным, он осуждал, когда побежденного врага лишь грабили, а не держали в плену или вовсе не убивали [Макиавелли 2020].

К этапу средневековья относится и одна из важнейших работ по международному гуманитарному праву – «О праве войны и мира», написанная Гуго Гроцием в 1625 г. [Гроций 1994]. Взгляд Гроция на человеческую природу пересекается с акцентом Аристотеля на общечеловеческом чувстве ценности. Так, голландский ученый подчеркивал мысль о том, что вооруженные конфликты всегда следует вести лишь с целью установления прочного мира, тем самым вновь закладывая основы современного гуманизма. В трудах Гроция можно увидеть утверждения о том, что воюющие должны принимать меры, чтобы не причинять увечий гражданским лицам, оказавшимся внутри боевых действий, что с военнопленными следует обращаться гуманно, а также что вооруженные силы должны избегать причинения ненужного ущерба регионам, которые они пересекают и посещают во время конфликта. Показательно, что по прошествии более чем двухсот лет эти мысли начали находить формальное выражение в международно-правовых соглашениях.

В договорах между государствами можно проследить дальнейшее стремление к гуманизации войны. Наиболее известным примером в данное время можно считать «Договор о дружбе и мире», заключенный в 1785 г. Фридрихом Великим и Бенджамином Франклином. Данный документ предусматривает обязательства сторон воздерживаться от блокады гражданского населения покинуть территорию, на которой проходят военные

действия, а также обязательства содержать военнопленных и заботиться о них [Фарыма, Ладыгина 2013].

Продолжателем идей Гуго Гроция принято считать Ж.-Ж. Руссо, который обосновывал необходимость разделить воюющих лиц, т. е. солдат определенного государства, и мирное население. Каждый должен обладать особым статусом, и если солдат по какой-либо причине выходит из строя – он перестает быть врагом. Также Ж.-Ж. Руссо высказал важную мысль о том, что врагами в войне являются не простые люди, а государства [Руссо 1998].

Наконец, в XIX в. углубилось представление о политической природе войны и началось движение за кодификацию законов войны [Международное гуманитарное право 2020]. Данный процесс, хотя и набирал обороты, пока встречал активное сопротивление сторонников абсолютной войны. Можно сказать, что идеи абсолютной войны и процесс гуманизации начали сосуществовать в одном миропорядке, борясь за внимание.

Понятие «абсолютная война» часто ассоциируется с прусским военачальником и историком Карлом фон Клаузевицем. Он утверждал, что вооруженные конфликты, как правило, перерастают в состояние абсолютной войны [Клаузевиц 1934]. Единственная цель войны – поражение противника, и по логике войны эта цель оправдывает средства.

Первым примером кодификации законов войны является Кодекс Либера. В нем излагались правила и базовые принципы сухопутной войны в целях регулирования поведения союзных сил во время гражданской войны в Америке. Следуя примеру кодификации Либера, в Германии подготовили «Современный закон войны», опубликованный в 1866 г., в год завоевания Пруссией Австрии и Южных германских государств [Мазитов 2019]. Можно сказать, что процесс гуманизации вышел на общемировой уровень.

Над вопросом о гуманном способе недопущения случаев обстрела медицинского персонала работал врач Люсьен Борден, который в свое время являлся свидетелем осады Севастополя. В 1857 г. он предложил учредить единый отличительный знак для медицинского персонала всех стран. Его идея, к сожалению, не была поддержана [Абашидзе, Бисултанов, Сюняева 2014].

Решающим моментом в истории современного гуманитарного права принято считать битву при Сольферино в 1859 г. Ее свидетелем стал швейцарский бизнесмен Анри Дюнан, проезжавший через территорию Северной Италии. Ужаснувшись страданиям раненых солдат, он основал движение Красного Креста, которое должно было стать проводником и гарантом гуманитарной идеи, главным инициатором ее перехода в международное гуманитарное право.

Так, 9 февраля 1863 г. был основан Международный комитет помощи раненым, в который, помимо самого Анри Дюнана, вошли Гюстав Муанье – юрист, возглавлявший Женевское общество общественного благосостояния; Луи Аппиа – военный хирург; Теодор Монуар – хирург, член Женевской комиссии по гигиене и здоровью и Женевского общества общественного благосостояния; Гийом-Анри Дюфур – офицер швейцарской армии, командующий войсками Швейцарского союза. В 1880 г. Комитет был преобразован в Международный Комитет Красного Креста.

В качестве одной из своих первых задач Комитет обозначил выход на мировой уровень. Кроме того, важным виделось принятие специфического отличительного знака для медицинского персонала на полях сражений, что и произошло на Международной конференции в 1863 г. Ключевой идеей на конференции была признана необходимость создания в каждой стране добровольческих комитетов по оказанию помощи раненым.

Впоследствии Дюнан предложил выработать договорные правила, благодаря чему произошло принятие 22 августа 1864 г. Женевской конвенции об улучшении участи раненых на поле боя. Эта Конвенция знаменует собой начало Женевской традиции гуманитарного права. Во многих государствах, среди которых была и Россия, начали появляться национальные общества Красного Креста. После того как 10 мая 1867 г. Россия ратифицировала Женевскую Конвенцию, уже через пять дней Александр II утвердил устав Общества попечения о раненых и больных воинах. В 1876 г. оно было переименовано в Российское общество Красного Креста.

Красный Крест принято считать старейшей международной гуманитарной организацией, но идея создать подобную структуру не являлась новой, что отмечал сам Анри Дю-

нан. Идеи гуманизма так или иначе высказывались как людьми науки, так и медицинскими работниками, что даже воплощалось в действие. В частности, в 1896 г. основатель Международного Комитета Красного Креста в письме Российскому обществу Красного Креста написал: «Если сегодня Красный Крест охватывает мир, то это благодаря примеру, поданному во время войны в Крыму Ее Императорским Высочеством Великой княгиней Еленой Павловной...» [Сонголов, Галеева, Зайцев 2012]. Речь шла о Крестовоздвиженской общине сестер милосердия, созданной в 1854 г. по инициативе профессора Н. И. Пирогова в связи с началом Крымской войны. Это было первое в мире женское медицинское формирование по оказанию помощи раненым во время войны. Отличительным знаком являлся жетон, выполненный в форме красного креста.

Интересно, что Анри Дюнан, уделяя огромную часть времени Красному Кресту и оставив свой собственный бизнес, отказался от руководящих постов в созданной им организации и, по сути, был малоимущим. Российское общество Красного Креста, узнав об этом, назначило ему пенсию в размере одной тысячи рублей в год.

Среди основных причин создания Комитета находятся не столько личные инициативы, сколько закономерное развитие событий. Год за годом происходило накопление определенных знаний в гуманитарной сфере, что вело к развитию идей гуманизма, все больше воздействуя на умы людей и порождая споры. Безусловно, существовали достаточно разрозненные инициативы, которые делили общество на два противоположных лагеря со своими взглядами на гуманизм, однако толчком к началу действий послужил выход проблемы на международный уровень. Несомненным вспомогательным фактором послужила поддержка данной инициативы самой Швейцарией.

В 1868 г. в Санкт-Петербурге была принята Декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль. В преамбуле подчеркивается, что «успехи цивилизации должны иметь последствием уменьшение по возможности бедствий войны». Единственная законная цель, которую могут иметь государства во время войны, – ослабление военных сил противника. Эти важнейшие положения прописана в преамбуле

не просто так. Именно в преамбуле государства обозначают намерения, свои мысли, которым они следовали при принятии документа. По сути, это первый международный документ, в котором обращалось особое внимание на то, что убивать на войне – не цель.

Следует отступить и отметить, что международное гуманитарное право состоит из двух блоков правовых норм, направленных, во-первых, на защиту жертв войны, а во-вторых – на запрет или ограничение средств и методов войны. В основе такого разделения лежат именно эти два международных договора – Женевская конвенция об улучшении участи раненых на поле боя и Санкт-Петербургская Декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль. Данные документы являются результатом той важнейшей работы, которая была начата в сознании человека. Он стал понимать или хотя бы догадываться, что ему не свойственно убивать себе подобного и что идея гуманизма и есть сущность человека. Это нашло отражение в философской мысли и религии. В итоге государства на международном уровне согласовывают свою волю и принимают по фундаментальным вопросам идеи гуманизма соответствующие документы. Отныне это уже не просто идея, а закрепленная в нормах международного права область, которая чуть позже и стала называться международным гуманитарным правом.

Помимо особого влияния на международное гуманитарное право, идеи гуманизма, безусловно, внесли важнейший вклад в развитие международного права в целом, поскольку они подчеркивают значимость защиты и развития прав человека во всех сферах жизни и деятельности общества. Так, гуманистические идеи послужили и послужат основой для создания многих международных документов, устанавливающих стандарты прав и свобод человека во всем мире. Данные идеи оказывают влияние и на международную политику и дипломатию, поскольку обращают внимание на необходимость применения гуманитарных принципов во всех областях международной деятельности, в частности в войне и конфликтах. Гуманитарные интервенции, в том числе международные миссии по защите гражданского населения, также основываются в первую очередь на идеях гуманизма.

Хотя война неизбежно влечет за собой страдания, существуют основные ценности, которые объединяют людей даже в военное время. Это означает, что даже война имеет свои пределы. Людям не свойственно жить в состоянии постоянной войны, и рано или поздно придется «лечить раны», оставленные войной. Поэтому необходимо сохранять приверженность человеческим идеалам, на которых может основываться общество после прекращения военных действий. Международное гуманитарное право направлено на обеспечение уважения элементарных чело-

веческих ценностей, таких как достоинство и свобода от страданий. Оно представляет собой последний оплот обороны человеческого сообщества, которое противостоит абсолютной войне.

Вместо того чтобы стремиться к прекращению войны любой ценой, вести вооруженные конфликты нужно таким образом, чтобы оставить открытой возможность установления прочного мира. Гуманизм возвращает моральные границы в войне, стремясь смягчить последствия войны во имя человеческих идеалов.

Список литературы

- Cox R. A Law of War? English Protection and Destruction of Ecclesiastical Property during the Fourteenth Century // *The English Historical Review*. 2013. Vol. 128. № 535. P. 1381–1417.
- Greppi E. The Evolution of International Criminal Responsibility under International Law // *International Review of the Red Cross*. 1999. № 835. P. 531–553.
- Meron T. Shakespeare's Henry the Fifth and the Law of War // *The American Journal of International Law*. 1992. Vol. 86. № 1. P. 1–45.
- Ober J. Classical Greek Times // *The Laws of War: Constraints on Warfare in the Western World* / ed. by G. Andreopoulos, M. R. Shulman. New Haven: Yale University Press, 1994. P. 12–26.
- Абашидзе А. Х., Бисултанов А. К., Сюняева М. Д. Эмблема Красного Креста и Красного Полумесяца через призму отечественной истории // *Legal Concept*. 2014. № 3. С. 132–138.
- Августин Блаженный: Творения / сост. и подгот. текста к печати С. И. Еремеева. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-пресс, 1998. Т. 3. Кн. 1–13: О граде Божиим. 595 с.; т. 4. Кн. 14–22: О граде Божиим. 584 с.
- Аристотель. Политика. М.: АСТ, 2010. 393 с.
- Гроций Г. О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М.: Ладомир, 1994. 870 с.
- Законы Ману / пер. С. Д. Эльмановича, провер. и испр. Г. Ф. Ильиным. М.: Наука, 1992. 496 с.
- Зиганшина А. М. Ислам и современное международное гуманитарное право: вопросы Jus ad bellum и Jus in bello // *Евразийский юридический журнал*. 2014. № 5. С. 73–79.
- Калугин В. Ю. Курс международного гуманитарного права. Мн.: Тесей, 2006. 496 с.
- Капустин А. Я., Мартыненко Е. В. Международное гуманитарное право. М.: УДН, 1991. 80 с.
- Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934. 382 с.
- Кодекс законов Царя Хаммурапи / пер. и комм. И. М. Волкова в перераб. И. М. Дьяконова // *Хрестоматия по истории Древнего мира* / под ред. В. В. Струве. М.: Учпедгиз, 1950. Т. I: Древний Восток. С. 149–176.
- Кожевников Ф. И. Русское государство и международное право до XX века. М.: Зерцало, 2014. 312 с.
- Коран / под ред. Э. Р. Кулиева. М.: Эксмо, 2002. 808 с.
- Коровин Е. А. История международного права: пособие к лекциям. М.: Изд-во ВЮА, Высш. дип. шк. МИД СССР, 1946. Вып. 1: От древности до конца XVIII века. 108 с.
- Лобанов Е. В. Платон и Аристотель о «праве войны» // *Знание. Понимание. Умение*. 2015. № 1. С. 304–310.
- Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть. М.: Волтерс Клувер, 2005. 544 с.
- Мазитов А. И. Развитие и формирование идей И. К. Блюнчли // *Правовое государство: теория и практика*. 2019. № 1. С. 39–43.
- Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. Мн.: Попурри, 2020. 672 с.

- Международное гуманитарное право: война, память, справедливость / под ред. Л. А. Лазутина, М. А. Лихачева. М.: Юрайт, 2020. 312 с.
- Международное право / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. М.: Норма; Инфра-М, 2021. 752 с.
- Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. М.: Междунар. Комитет Красного Креста, 2001. 110 с.
- Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 79–420.
- Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998. 416 с.
- Савченко Д. А. Политико-правовая природа и обычаи войны в Древней Руси // Вопросы безопасности. 2018. № 1. С. 252–258.
- Сергеевич В. И. Древности русского права: в 3 т. М., 2007. Т. 1: Территория и население. 699 с.
- Сонголов Г. И., Галеева О. П., Зайцев А. П. По велению сердца и зову чести. Пирогов и Крестовоздвиженская община сестер милосердия на Крымской войне // Сибирский медицинский журнал. 2012. № 8. С. 127–132.
- Сунь-Цзы. Искусство войны. М.: Эксмо, 2021. 432 с.
- Фарыма В. И., Ладыгина А. И. Положение военнопленных французов в войне 1812 года // Правопорядок: история, теория, практика. 2013. № 1. С. 16–19.
- Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1974. 245 с.

Семен Сергеевич Евсевьев – аспирант кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: evseyev.s@gmail.com. ORCID: 0000-0002-9448-7889

The Idea of Humanism in International Humanitarian Law: from the Ancient World to the Adoption of the First International Treaties

The author studies the history of international humanitarian law since ancient times, while emphasizing the manifestations of humanism, provides a complete picture of the development of this fundamental principle, and the prerequisites for the emergence of a separate branch of law.

The development of international humanitarian law has always been based on civility. The idea of humanism is the essence of a man, and it only acquired more and more clear outlines over time. The laws of war were shaped by arbitrariness, and humanitarian thought appeared in philosophical and theological writings. Using the historical and legal method of cognition, it is possible to see how states differing in culture, development and territory came to the idea of humanism. The result was, in particular, the adoption of the Geneva Convention of 1864 and the Saint Petersburg Declaration of 1868. This is a vivid embodiment, but not the end, of the ideas of humanism. This is no longer just an idea, but an area enshrined in international law that will later be called international humanitarian law.

Keywords: *international humanitarian law, humanism, international law, principles of international humanitarian law, law of war, laws of war, customs of war*

Recommended citation

Evsev'ev S. S. Ideya gumanizma v mezhdunarodnom gumanitarnom prave: ot drevnego mira do prinyatiya pervykh mezhdunarodnykh dogovorov [The Idea of Humanism in International Humanitarian Law: from the Ancient World to the Adoption of the First International Treaties], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 1, pp. 51–61, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_51.

References

- Abashidze A. K., Bisultanov A. K., Syunyaeva M. D. Emblema Krasnogo Kresta i Krasnogo Polumesyatsa cherez prizmu otechestvennoi istorii [The Emblem of Red Cross and Red Crescent in Terms of National History], *Legal Concept*, 2014, no. 3, pp. 132–138.
- Aristotel'. *Politika* [Politics], Moscow, AST, 2010, 393 p.
- Cox R. A Law of War? English Protection and Destruction of Ecclesiastical Property during the Fourteenth Century, *The English Historical Review*, 2013, vol. 128, no. 535, pp. 1381–1417.
- El'manovich S. D., Il'in G. F. (eds.) *Zakony Manu* [Laws of Manu], Moscow, Nauka, 1992, 496 p.
- Eremeeva S. I. (ed.) *Avgustin Blazhennyi: Tvoreniya* [Augustine the Blessed: Creations], Saint Petersburg, Aleteiya, Kiev, UTsIMM-press, 1998, vol. 3, books 1–13, 595 p., vol. 4, books 14–22, 584 p.
- Faryma V. I., Ladygina A. I. Polozhenie voennoplennykh frantsuzov v voine 1812 goda [The Situation of the French Prisoners of War in the War of 1812], *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, 2013, no. 1, pp. 16–19.
- Greppi E. The Evolution of International Criminal Responsibility under International Law, *International Review of the Red Cross*, 1999, no. 835, pp. 531–553.
- Grotsii G. *O prave voiny i mira: tri knigi, v kotorykh ob"yasnyayutsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe printsipy publichnogo prava* [On the Law of War and Peace: Three Books Explaining Natural Law and the Law of Peoples, as Well as the Principles of Public Law], Moscow, Lodomir, 1994, 870 p.
- Ignatenko G. V., Tiunov O. I. (eds.) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law], Moscow, Norma, 2021, 752 p.
- Kalugin V. Yu. *Kurs mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava* [Course on International Humanitarian Law], Minsk, Tesei, 2006, 496 p.
- Kapustin A. Ya., Martynenko E. V. *Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo* [International Humanitarian Law], Moscow, UDN, 1991, 80 p.
- Klauzevits K. *O voine* [About a War], Moscow, Gosvoenizdat, 1934, 382 p.
- Kodeks zakonov Tsarya Khammurapi* [The Law Code of Hammurabi], Struve V. V. (ed.) *Khrestomatiya po istorii Drevnego mira* [History of the Ancient World], Moscow, Uchpedgiz, 1950, vol. 1, pp. 149–176.
- Korovin E. A. *Istoriya mezhdunarodnogo prava: posobie k lektsiyam* [The History of International Law: A Lecture Guide], Moscow, Izd-vo VYuA, Vyssh. dip. shk. MID SSSR, 1946, iss. 1, 107 p.
- Kozhevnikov F. I. *Russkoe gosudarstvo i mezhdunarodnoe pravo do XX veka* [Russian State and International Law up to the 20th Century], Moscow, Zertsalo, 2014, 312 p.
- Kulieva E. R. (ed.) *Koran* [Qur'an], Moscow, Eksmo, 2002, 808 p.
- Lazutin L. A., Likhachev M. A. (eds.) *Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo: voina, pamyat', spravedlivost' (yuridicheskie i istoricheskie aspekty)* [International Humanitarian Law: War, Memory, Justice (Legal and Historical Aspects)], Moscow, Yurait, 2020, 312 p.
- Lobanov E. V. Platon i Aristotel' o «prave voiny» [Plato and Aristotle on «The Law of War»], *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2015, no. 1, pp. 304–310.
- Lukashuk I. I. *Mezhdunarodnoe pravo. Osobennaya chast'* [International Law. Special Part], Moscow, Wolters Kluwer, 2005, 544 p.
- Makiavelli N. *Gosudar' . Rassuzhdeniya o pervoi dekade Tita Liviya. O voennom iskusstve* [The Prince. Discourses on the First Decade of Titus Libya. On Military Art], Minsk, Popurri, 2020, 672 p.
- Mazitov A. I. Razvitie i formirovanie idei I. K. Blyunchli [Development and Formation of Ideas by J. K. Bluntschli], *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2019, no. 1, pp. 39–43.
- Meron T. Shakespeare's Henry the Fifth and the Law of War, *The American Journal of International Law*, 1992, vol. 86, no. 1, pp. 1–45.
- Ober J. *Classical Greek Times*, Andreopoulos G., Shulman M. R. (eds.) *The Laws of War: Constraints on Warfare in the Western World*, New Haven, Yale University Press, 1994, pp. 12–26.

Pikte Zh. *Razvitie i printsipy mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava* [Development and Principles of International Humanitarian Law], Moscow, Mezhdunar. Komitet Krasnogo Kresta, 2001, 110 p.

Platon. *Gosudarstvo* [The State], Platon. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], Moscow, Mysl', 1994, vol. 3, pp. 79–420.

Russo Zh. *Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty* [On the Social Contract. Treatises], Moscow, KANON-press, 1998, 416 p.

Savchenko D. A. Politiko-pravovaya priroda i obychai voiny v Drevnei Rusi [Politico-Legal Nature and Customs of War in Ancient Russia], *Voprosy bezopasnosti*, 2018, no. 1, pp. 252–258.

Sergeevich V. I. *Drevnosti russkogo prava. Territoriya i naselenie* [Antiquities of Russian Law. Territory and Population], Moscow, Zertsalo, 2007, vol. 1, 699 p.

Songolov G. I., Galeeva O. P., Zaitsev A. P. Po velen'yu serdtsa i zovu chesti. Pirogov i Krestovozdvizhenskaya obshchina sester miloserdiya na Krymskoi voine [Following the Dictates of the Heart and the Call of Honor: N. I. Pirogov and the Sisters of Mercy of the Krestovozdvizhenskaya Community at the Crimean War], *Sibirskii meditsinskii zhurnal*, 2012, no. 8, pp. 127–132.

Sun'-Tsy. *Iskusstvo voiny* [The Art of War], Moscow, Eksmo, 2021, 432 p.

Tsitseron. *O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyakh* [On Old Age. On Friendship. On Moral Duties], Moscow, Nauka, 1974, 245 p.

Ziganshina A. M. Islam i sovremennoe mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo: voprosy Jus ad bellum i Jus in bello [Islam and Modern International Humanitarian Law: Issues Jus ad Bellum and Jus in Bello], *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, 2014, no. 5, pp. 73–79.

Semen Evsev'ev – postgraduate student of the Department of international and European law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: evseyev.s@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-9448-7889

Дата поступления в редакцию / Received: 23.01.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 27.02.2023

Г. И. Кукса

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЗАКОННОЙ СИЛЫ СУДЕБНЫХ АКТОВ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

Институт законной силы судебного решения берет начало в римском праве, в котором были сформулированы основные положения об общеобязательности, исключительности и преюдициальности. В доктрине гражданского процесса вопрос субъективных пределов законной силы судебных актов, принятых в общеисковом процессе и в рамках дела о банкротстве, не решен окончательно. По общему правилу, принятый в соответствии с требованиями закона судебный акт не порождает прав и обязанностей у лиц, не участвовавших в деле. Между тем действующая редакция Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» обязывает участников судебного разбирательства в рамках дела о банкротстве учитывать судебные акты, принятые по спору между должником и отдельными кредиторами до возбуждения банкротного разбирательства. ВАС РФ фактически установил еще один экстраординарный порядок обжалования судебных актов лиц, статус которых не тождествен статусу лиц, не привлеченных к участию в деле, и о правах и обязанностях которых принят обжалуемый судебный акт. Высшие судебные инстанции расширили пределы обязательности и преюдициальности по ряду иных категорий дел, рассматриваемых в общеисковом порядке. В науке высказываются доводы за дифференциацию содержания законной силы решения суда в зависимости от характера спора и условий вынесения этого решения.

Ключевые слова: законная сила судебного акта, общеобязательность, преюдициальность, банкротство

Для цитирования

Кукса Г. И. Некоторые аспекты проявления законной силы судебных актов в деле о банкротстве // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. С. 62–74. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_62.

УДК 347.91/.95

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_62

Описание проблемы

Вынесение судом решения должно приводить к разрешению материального спора между участниками судебного разбирательства [Энгельман 1912: 352]. Для обеспечения реализации этой цели действует институт законной силы судебного акта. Современное понимание законной силы судебного акта как набора различных юридических свойств окончательного судебного решения основывается на доктрине *res judicata*, сформулированной в римском праве [Рехтина 2013: 71]. В юридической науке встречаются разные мнения о соотношении института законной силы, общеправового принципа правовой

определенности и доктрины *res judicata*. Наиболее распространенная позиция связывает *res judicata* с такими свойствами законной силы, как неопровержимость и исключительность, обеспечивающими неприкосновенность и стабильность вынесенного решения [Загайнова 2008: 377]. Сама же законная сила как институт процессуального права косвенно взаимодействует с принципом правовой определенности, так как последний шире по содержанию [Терехов 2014: 209].

В судебной практике и доктрине встречаются упоминания еще об одной характеристике судебного решения – его относительности. В одном из «отказных» определений

ВАС РФ было указано, что относительность судебного решения означает возложение субъективных прав и обязанностей только на участников конкретного спора¹.

Проблему относительности судебного решения в рамках дела о банкротстве поднимает судья ВАС РФ в отставке Р. Т. Мифтахутдинов, который указывает, что «судебный акт по спору между должником и одним из кредиторов всегда относителен и не может быть противопоставлен другим кредиторам в случае банкротства должника». Следовательно, фактические обстоятельства, установленные судами в разбирательствах между отдельным кредитором и должником, должны быть подвергнуты ревизии в ходе проверки требования кредитора. Вопреки этому, действующая редакция Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) обязывает суд и участников обособленного спора учитывать судебный акт, принятый по спору между кредитором, претендующим на включение его требований в соответствующий реестр, и должником (абз. 2 п. 10 ст. 16). В таком случае неопределенный круг лиц обязан учитывать содержание добанкротного судебного акта², вынесенного без их участия, при наличии собственного материального интереса. В его резолютивной и мотивировочной частях не будут содержаться выводы о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле.

К. Л. Брановицкий и Е. Н. Сердитова отмечают, что конкурсные кредиторы являются новым субъектом обжалования судебных актов и не должны отождествляться с лицами, вступающими в арбитражный процесс в порядке ст. 42 АПК РФ [Брановицкий, Сердитова 2013]. По мнению Р. Т. Мифтахутдинова, такие судебные акты становятся «ограниченно относительными»: в случае возбуждения дела о банкротстве для них делается изъятие из общих правил о субъективных пределах законной силы (эти пределы расширяются) [Мифтахутдинов 2018: 106].

Суды подчеркивают, что данное положение Закона направлено на реализацию прин-

¹ Определение ВАС РФ от 9 декабря 2013 г. № ВАС-16856/13 по делу № А28-10148/2012.

² Здесь и далее имеется в виду судебное решение, принятое судом первой инстанции в общеисковом порядке до введения арбитражным судом процедуры конкурсного производства.

ципа обязательности судебного акта, вследствие чего законодатель установил, что требование кредитора, основанное на судебном акте, может быть подвергнуто изменению другим судом только при условии отмены (изменения) судебного акта либо исполнения судебного акта должником³.

Предложенный ВАС РФ экстраординарный порядок пересмотра «ограниченно относительных» судебных актов⁴ не столько продиктован стремлением пересмотреть существующие воззрения о законной силе судебного акта, сколько является реакцией на связанные с фиктивными судебными разбирательствами между должником и дружественными ему кредиторами злоупотребления, которые были описаны еще в дореволюционной доктрине Г. Ф. Шершеневичем [Шершеневич 1912: 352–354].

Проблему расширения субъективных пределов общеобязательности и преюдициальности, заложенную в ст. 16 Закона о банкротстве, можно решить путем ограничительного толкования указанного положения Закона посредством связывания законной силой судебных актов, принятых до возбуждения дела о банкротстве, только контролирующих должника лиц и участников, акционеров хозяйственных обществ, как это и было изначально предусмотрено в проекте постановления Пленума ВАС РФ № 35⁵.

Очень остро проблема определения прав на имущество должника вне рамок дела о банкротстве проявилась в делах о банкротстве застройщиков⁶.

Д. А. Жестовская проводит подробный анализ предусмотренных российским зако-

³ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 марта 2020 г. № Ф07-2332/2020 по делу № А56-38976/2019.

⁴ Пункт 24 постановления Пленума ВАС РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»; абз. 10 п. 1 постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“».

⁵ Проект постановления Пленума ВАС РФ «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // URL: http://www.arbitr.ru/_upimg/31229FB6F472675009E1A6CD220AE2EF_proj_banrupt.pdf (дата обращения: 08.01.2023).

⁶ Савченко Д. Право собственности на долю в общей долевой собственности в виде квартиры // URL: <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/kak-likvidatsiya-vas-rf-otrazilas-na-sudebnoy-praktike> (дата обращения: 22.12.2022).

нодательством возможностей для опровержения совершенных должником порочных процессуальных и материальных действий (бездействия). Исследователь приходит к выводу о том, что указанный экстраординарный порядок обжалования судебных актов, принятых по результатам разрешения споров, в которых должник отказался вести активную процессуальную борьбу (например, заявляя о пропуске срока исковой давности, о зачете и т. д.) и / или в которых были представлены подложные доказательства, являет собой неполноценную попытку имплементации в российском правопорядке известного Древнему Риму Паулианова иска. Неудачный характер действующего в настоящий момент решения связан с неверным распределением споров по юрисдикции в нарушение исключительной территориальной подсудности банкротного разбирательства, а также с изначально заложенным неравенством в процессуальных возможностях апеллянтов, вынужденных начинать со «второго» этапа, апелляционной инстанции, в которой им объективно сложно ставить под сомнение уже вступивший в законную силу судебный акт [Жестовская 2022: 145–150].

Таким образом, наблюдается недостаток правового регулирования законной силы судебных актов в ходе проверки обоснованности требований конкурсных кредиторов. Находящийся на рассмотрении Государственной Думы РФ законопроект № 1172553-7¹ призван закрепить непосредственно в Законе уже сложившийся порядок пересмотра добанкротного судебного решения по новым открывшимся обстоятельствам. По сути, он представляет собой лишь юридическо-техническое улучшение действующего регулирования и не предлагает принципиально нового решения. Однако с 17 мая 2021 г., даты регистрации законопроекта в информационной системе Государственной Думы РФ, нет признаков того, что он будет рассмотрен и принят в ближайшей перспективе.

Вместе с тем не только текст Закона требует коррекции. Представляется, что корень проблемы заключается в доктрине российского гражданского процесса, в которой преобладает лишь одна концепция института законной силы судебного решения по гражданскому делу в виде набора различных

юридических свойств, и эта концепция не предусматривает их особого применения в зависимости от условий принятия судебного решения. Существующий подход не учитывает особенностей рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) в части как судебных актов, принимаемых в его рамках, так и воздействия законной силы добанкротных судебных решений на течение процедур несостоятельности.

Относительность законной силы судебного акта

Под «ограниченной относительностью судебного акта» понимаются расширение субъективных пределов судебного акта, вынесенного при участии должника в общеисковом порядке до признания его банкротом, и одновременно возникающая у участников банкротного разбирательства возможность оспаривать такой судебный акт в порядке апелляционного производства по правилам о вновь открывшихся обстоятельствах, если они полагают, что он ущемляет их права и законные интересы.

Однако нельзя категорично утверждать, что субъективные пределы законной силы добанкротного судебного решения были расширены, потому что конкурсные кредиторы и иные лица напрямую не подвергаются воздействию его законной силы в материальных правоотношениях. Скорее, речь идет о рефлексивном воздействии добанкротного судебного решения на течение процедуры банкротства (например, на соотношение голосов на собраниях кредиторов и пропорциональность распределения конкурсной массы). Вместе с тем наличие добанкротного решения у кредитора, претендующего на включение своих требований в реестр требований должника, почти безусловно ограничивает остальных участников разбирательства в возможности заявлять возражения по существу. Следовательно, в данном случае законная сила добанкротного решения проявляется напрямую и непосредственно, ограничивая процессуальные права иных участников банкротного разбирательства. На стадии проверки обоснованности требования кредитора вне зависимости от наличия подтверждающего требование судебного акта теперь допустимо только требовать признания требования подлежащим удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты².

¹ Законопроект № 1172553-7 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7> (дата обращения: 08.01.2023).

² Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства

В юридической науке признание чего-либо абсолютным или относительным в первую очередь связано с рассуждениями о природе субъективных материальных прав, а само деление устоялось после издания работы В. К. Райхера «Абсолютные и относительные права» [Райхер 1928: 273–306]. Как правило, об абсолютности говорят в контексте вещных прав, интеллектуальных прав, нематериальных благ, когда объем субъективных полномочий обладателя таких прав (благ) не зависит, по общему правилу, от иных участников гражданского оборота. Однако это деление небесспорно. Так, С. А. Сеницын последовательно доказывает, что абсолютные и относительные права представляют собой исключительно два больших класса субъективных гражданских прав, деление на которые обусловлено разными правовыми режимами их регулирования (цель, метод и специфика содержания), а не содержательным различием в объемах правомочия обладателя такого права [Сеницын 2016: 62]. С. И. Архипов, приводя в пример право собственности, тоже не согласен с указанным делением ввиду наличия установленных ограничений в правомочиях самого обладателя «абсолютных» прав и наличием у неопределенного круга лиц права требования ограничить «абсолютное» право, например путем установления сервитута, что уже ставит под сомнение использование такого понятия [Архипов 2010: 11–12].

Следовательно, деление субъективных гражданских прав на абсолютные и относительные в материальном праве подвергается сомнению. В том числе в связи с этим «механически» экстраполировать данные рассуждения на гражданский процесс для определения границ законной силы судебного решения, принимаемого по гражданскому делу, вряд ли возможно.

Об абсолютном характере решения можно говорить, только если в деле участвуют лица, которые не имеют юридического интереса в рассмотренном деле и связаны авторитетом судебного решения об установленных правах и обязанностях [Гражданский процесс 2001: 271–272]. Вместе с тем о том, что решения по искам о признании имеют абсолютный характер, заявляет Д. Б. Абушенко, обосновывая

требований, контролирующих должника и аффилированных с ним лиц; утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г.

вая это наличием широкого круга субъектов оборота, которые могут быть затронуты установленным судом субъективным правом (подтвержденным правоотношением) [Комментарий к АПК РФ 2021].

Высшие судебные инстанции уже расширили субъективные пределы законной силы судебных актов в спорах, в ходе которых разрешены вопросы об обладателях вещных прав¹, а также о действительности сделок и заключенности договоров². Рассматривающему последующий спор с иным составом участников судье в случае, если он придет к противоположным выводам о квалификации материального правоотношения, надлежит аргументировать, почему он отклонился от преюдициальных для него выводов, изложенных в ранее вынесенном судебном решении. Следовательно, в данном случае можно наблюдать «абсолютную» преюдицию, выступающую в качестве опровержимой доказательственной презумпции и определяющей правовую квалификацию правоотношения, обязательную для неопределенного круга лиц.

Определение относительности судебного акта в Законе не закреплено, не поднимается вопрос о нем и в курсе гражданского процесса как учебной дисциплины. Авторы учебников ограничиваются соответствующим указанием на субъективные пределы отдельных свойств законной силы [Гражданский процесс 2017; Гражданский процесс 2008; Гражданский процесс 2001].

Смежным по семантике к данному понятию выступает существительное «относимость», которое в свою очередь происходит от глагола «относить», имеющего множество значений: от абстрактных («включать в разряд определенных явлений, предметов, устанавливая связь данного явления или предмета с другими») до вполне конкретных («увлекать своим течением, движением и т. п., отдаляя от чего-либо»). Н. Н. Тарасов указывает, что юридическая терминология первоначально

¹ Пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

² Абзац 3 п. 2 постановления Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 57 «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств».

может иметь источником слова, обозначающие факты и явления из обычной жизни; далее эти слова становятся абстрактными и переходят в область идеального. Вместе с тем источниками юридической терминологии могут быть термины других наук, которые либо переосмысляются юриспруденцией (например, «аффект»), либо берутся ей «в оборот» без внесения корректив в первоначальный смысл (например, специальная научная терминология в судебных экспертизах) [Тарасов 2023: 136–141]. В таком случае можно сказать, что понятие «относительность» сконструировано с использованием первого способа создания юридического термина, так как не приходится применять рецепцию, например, термина, обозначающего принцип относительности Эйнштейна, или других положений из физики.

Наука отечественного гражданского процесса не признает наличия у итогового судебного акта такой самостоятельной характеристики (свойства) законной силы, как относительность

Примером использования указанного понятия в науке гражданского процесса служит институт доказательств. Поскольку доказательство должно содержать «сведения о фактах, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств дела» (ст. 64 АПК РФ, ст. 55 ГПК РФ), то оно будет считаться относимым только в случае, если такие факты входят в предмет доказывания и, как правило, носят материально-правовой характер [Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве 2021: 472].

Можно сделать вывод, что наука отечественного гражданского процесса не признает наличия у итогового судебного акта такой самостоятельной характеристики (свойства) законной силы, как относительность. Дискуссии по описанной проблематике сводятся к определению субъективных пределов общеобязательности и преюдициальности законной силы, а «относительность судебного решения» упоминается в контексте их расширения, когда судебное решение начинает оказывать непосредственное правовое воздействие на лиц, не являющихся участниками разбирательства, но при этом затрагивается

их собственный материальный интерес (в отличие, например, от государственных органов и иных лиц, не участвующих в разбирательстве, но обязанных содействовать исполнению судебного акта ввиду указания закона).

Особенности проявления законной силы судебных актов в рамках дела о банкротстве

До принятия соответствующих разъяснений судебной практики по спорам, связанным с требованиями контролирующих должника и аффилированных с ним лиц показательно, как суды в одном из дел именно со ссылкой на принцип банкротного специалитета, указанный в абз. 3 п. 29 постановления Пленума ВАС РФ от 22 июня 2012 г. № 35, отказали во включении в реестр требования, сформулированного группой лиц, объединенных общим (единым) экономическим интересом¹. Примечательно, что у кредитора имелся вступивший в законную силу акт суда общей юрисдикции, подтверждающий его требование. При этом до его вынесения и до возбуждения обсуждаемого дела о банкротстве данные требования кредитора, основанные на той же задолженности, были признаны необоснованными по мотивам мнимости и внутрикорпоративного характера в деле о банкротстве другого участника той же корпоративной группы. Именно данная «конкуренция» судебных актов и послужила причиной для преодоления п. 10 ст. 16 Закона о банкротстве.

Стоит подчеркнуть, что вышеупомянутое положение Закона о банкротстве, предусматривающее распространение общеобязательности и преюдициальности судебного акта на лиц, не участвовавших при его вынесении, резко контрастирует с классическими доктринальными представлениями об общеобязательности законной силы судебного акта.

Современное понимание законной силы судебного акта не претерпело значительных изменений со времен работ дореволюционных классиков гражданского процесса. Если решение вступило в законную силу, то оно постановлено раз и навсегда, так что разрешенное судом дело ни стороны, ни их правопреемники снова возбудить не могут, и вступившее в законную силу решение действует для них как специальный закон [Энгельман 1912: 364]. Т. М. Яблочков утверждал, что «качественно воля суда не отличается от воли

¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23 декабря 2019 г. № А50-23227/2018.

законодателя: суд лишь конкретизирует в своем решении (*lex specialis*) то, что закон выражает в абстрактной норме (*lex generalis*). Поэтому не волю суда исполняет ответчик, а волю объективного права. Отсюда следует, что не приказ, содержащийся в судебном решении, составляет неотъемлемую сущность решения, а суждение суда как компетентного органа власти о праве» [Яблочков 1910: 216].

Основная проблема на пути к расширению субъективных пределов сводится к тому, что судебное решение может не соответствовать материальной истине. В связи с этим действует институт обжалования и пересмотра судебного решения [Мальшев 1876: 434]. Являясь продуктом судебного разбирательства, «суждением компетентного органа о праве», решение суда может основываться на известных нам презумпциях и допущениях, например, на презумпции выполнения работ в случае немотивированного уклонения заказчика от их приемки.

Распространение законной силы судебного решения, состоявшегося в состязательном процессе, на иных сторон, кроме тяжущихся, несправедливо, так как здесь суд не стремится установить объективную истину (в отличие от уголовного судопроизводства), а стороны по гражданскому делу могут небрежно относиться к доказыванию [Миловидов 1875: 107–108]. Исключение предусмотрено для «переживания» законной силы судебного решения в части вещей и обязательств, в отношении которых состоялись судебные разбирательства при последующей смене правообладателя / стороны обязательства [Мальшев 1876: 443–444]. Причина тому – последующие лица, которые заполучили такую вещь или заменили собой сторону обязательства, не имели в момент судебного разбирательства юридического интереса в его исходе.

Дореволюционное российское процессуальное законодательство не предусматривало однозначного правила регулирования вопросов преюдиции. Прямое указание закона касалось только резолютивной части решения, которое и образовывало *res judicata*. Мотивы и соображения суда были необходимы лишь постольку, поскольку с даты вынесения решения в полном объеме исчислялись сроки обжалования, истечение которых означало вступление решения в законную силу [Цитович 1887: 77].

Так, И. Е. Энгельман указывал, что практика Сената исходила из надления свойством преюдициальности только тех выводов, которые одновременно носят объективный характер и неразрывно связаны с резолютивной частью [Энгельман 1912: 368]. Это позволяло отсеять субъективные оценки, данные судом поведению сторон, и попутное сказанное в решении.

Т. М. Яблочков утверждал, что сама по себе возможность пересматривать судебные акты ввиду несоответствия содержания судебного решения материальной истине допускает признание за ним только формальной истины. С ней, тем не менее, стороны могут быть согласны или в любом случае будут обязаны считаться после исчерпания средств обжалования, так как «судья возглашает в своем решении норму *in concreto*, долженствующую определить правоотношение между сторонами». Такая квалификация правоотношения уже является законной силой, которая состоит из отдельных свойств [Яблочков 1910: 254]. Однако отдельного свойства преюдициальности Т. М. Яблочков не выделял.

П. Н. Мацкевич отмечает, что на данном этапе наукой гражданского процесса преюдиция отрицалась ввиду ее противоречия принципу состязательности, а в нормативном регулировании были предусмотрены лишь ее зачатки в форме запрета на рассмотрение вопросов, которые должны были быть разрешены в отдельном производстве: право на конкретное наследуемое имущество не могло быть разрешено без разбирательства по выяснению надлежащих наследников. Переход к социалистическому государству и критика предыдущего правопорядка значительно способствовали закреплению правил о преюдиции в их современном понимании [Мацкевич 2020: 30].

Советскому гражданскому процессу был присущ так называемый принцип объективной истины, который в корне отличался от принципа состязательности. «Принцип объективной истины представляет собой положение, в силу которого движение процесса должно идти в направлении использования всех процессуальных средств для достоверного, а в случае невозможности или предусмотренной законом нецелесообразности – вероятного установления всех фактов, необходимых для правильного рассмотрения и разрешения дела», – так определял его

содержание С. В. Курьлев [Курьлев 2012: 483].

Н. Б. Зейдер видел в юридических презумпциях волю советского народа, выражавшуюся в нормативных актах, исходящих от органов государственного управления, в судебных решениях. Отдельное указание на формальную или относительную истину судебного решения, как и выделение презумпции истинности, излишне, так как сам авторитет (законная сила) решения основан на непогрешимости изложенных в нем фактов и данной им правовой оценке [Зейдер 1966: 112].

Общеобязательность раскрывалась советскими правоведами через императив государственной власти социалистического государства в качестве продолжения воли трудящихся. М. А. Гурвич полагал, что субъективные границы общеобязательности определяются субъектами материального правоотношения, составляющего предмет исследования суда. Судебное решение не может создать ограничения для сторонних лиц, не привлеченных к участию в деле, не участвующих в материальном правоотношении [Гурвич 1955: 118].

В таких условиях усиление значения преюдициальности с целью повышения авторитета судебного решения выглядит закономерным процессом. Показательно, как М. А. Гурвич описывал значение преюдициальности в советском гражданском процессе. Он использовал термины «предрешение», «предрешающее значение». Предрешение защищает установленные факты и правоотношения от пересмотра, в результате чего обеспечиваются прочность и стабильность советского закона, а суды в свою очередь избавлены от лишней работы (процессуальная экономия). Публичный интерес превалирует над частным, а интересы самих же сторон спора защищаются попутно [Там же: 126]. Однако в такой властной императивной парадигме неясно, как суд должен поступать в каждом конкретном деле и решать простые практические задачи. Должен ли судья попытаться отыскать все судебные акты, возможно, принятые с участием спорящих сторон? Как ему поступить, если стороны не считают ранее установленные факты и правоотношения преюдициальными?

В современной науке гражданского процесса нет однозначного консенсуса об объеме преюдициальности, о том, включаются

ли в него правовые соображения суда. Высказываются мнения, что в Российской Федерации в настоящий момент данное свойство законной силы выступает в качестве опровержимой доказательственной презумпции, поскольку допустимо существование двух разных правовых квалификаций одного и того же фактологического состава. В контексте дела о банкротстве это привело к тому, что судам было позволено, не умаляя авторитета уже вынесенного решения (по спору между должником и кредиторами в добанкротный период), отказывать во включении в реестр требования должника при установлении его корпоративного характера¹. Данный подход был скорректирован после опубликования Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, контролирующих должника и аффилированных с ним лиц.

Согласно позиции А. М. Безрукова, «объективные пределы преюдициальной связи судебных актов – это юридические факты и правоотношения, устанавливаемые судом». Однако автор сразу делает верную оговорку о том, что используемый в процессуальных кодексах термин «обстоятельства» позволяет максимально расширять содержание преюдициальности [Безруков 2007: 31]. На уровне высших судебных инстанций устоялось толкование, ограничивающее преюдицию в классическом понимании исключительно фактологическим составом, а данную судом правовую квалификацию переводящее в категорию опровержимой доказательственной презумпции². Следовательно, в делах о банкротстве после начала применения упомянутого Обзора судебной практики произошла унификация с общеисковым производством применения преюдициальных обстоятельств, установленных добанкротным решением, в части правовой квалификации требования кредитора.

Обращение к римским первоисточникам не дает однозначного ответа на вопрос о выборе надлежащей модели регулирования

¹ Семкина Е. А. «Мучительная агония преюдициции» в гражданском процессе // Адвокатская газ. 2020. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/muchitelnaya-agoniya-preyuditsii-v-grazhdanskom-protsesse/> (дата обращения: 22.02.2022).

² Определение Конституционного Суда РФ от 6 ноября 2014 г. № 2528-О; постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 июля 2011 г. № 3318/11 по делу № А40-11672/09-113-880.

преюдициальных обстоятельств. Правовое явление, обозначаемое латинским словом *praeiudicium*, не включалось в *exceptio rei iudicata* и не гарантировало освобождения от доказывания при совпадении субъектного состава участников судебного разбирательства, а означало лишь «мнение» авторитетного источника фактов, которое судья, рассматривающий дело, *может* учесть при вынесении решения [Кофанов 2012: 5–14].

М. З. Шварц отмечает, что законная сила судебного акта всегда относительна, и ее объем должен дифференцироваться в зависимости от условий вынесения акта и реализуемых при этом требований к законности [Шварц 2009]. В одном из своих решений Конституционный Суд РФ абстрактно, без указания конкретного вида судопроизводства, допустил установление законодателем разных пределов действия преюдициальности, которые могут объективно отличаться, поскольку предметы доказывания в разных видах судопроизводства не совпадают, а суды в их исследовании ограничены своей компетенцией в рамках конкретного вида судопроизводства¹.

К иному определению субъективных и объективных пределов законной силы судебных актов, принятых в рамках дела о банкротстве, а также иному учету в ходе банкротного разбирательства судебных актов, принятых до его возбуждения, нас может подтолкнуть проявление следующих черт в делах данной категории.

Во-первых, публично-правовой характер производства по делам о несостоятельности (банкротстве). Это особенность проявляется при судебной защите больших групп лиц в групповом производстве [Ярков, Долганичев 2020: 119] и административном производстве [Бурмистрова 2020: 69]. Однако лица, участвующие в деле о банкротстве, имеют разные, зачастую диаметрально противоположные интересы². Банкротство имело публичные основы и в дореволюционном законодательстве. Так, согласно ст. 501 Устава судопроизводства торгового Российской империи «никто не может быть признан в несостоятельности, нежели она объявлена судом» [Свод законов Российской империи 1887: 92].

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 23 июля 2020 г. № 1898-О.

² Постановления Конституционного Суда РФ от 22 июля 2002 г. № 14-П, от 19 декабря 2005 г. № 12-П.

Именно судебной власти принадлежит прерогатива контроля за общественными отношениями, складывающимися из-за неспособности должника исполнять обязательства в полном объеме ввиду недостаточности имущества для их исполнения.

Во-вторых, более активная роль суда по сравнению с общеисковым процессом [Свириденко 2010: 133; Борисенкова 2005], что выражается в необходимости более тщательно проверять обоснованность требований кредиторов и не применять презумпцию признания фактов и доводов при отсутствии возражений³.

В-третьих, применение дифференцированных стандартов доказывания: как повышенных (ясные и убедительные доказательства, «вне всяких разумных сомнений»), так и более льготных (*prima facie*) [Справочник по доказыванию в арбитражном процессе 2021: 27].

Положения Закона о банкротстве расширяют субъективные пределы судебных актов, принятых до возбуждения дела о банкротстве. Дополнительно суды стремятся сохранить наличие законной силы у судебных актов, которыми по существу разрешен материально-правовой вопрос в рамках дела о банкротстве во временной плоскости. В случае прекращения производства по всему делу о банкротстве и возбуждения последующих процедур законная сила, за исключением свойства исполнимости, сохраняется для следующих определений арбитражного суда, разрешающих по существу следующие материально-правовые вопросы: действительность сделок должника⁴, привлечение к субсидиарной ответственности по обязательствам должника⁵; обоснованность требований кредиторов⁶, в том числе и при отказе кредитора от своего требования⁷.

Научная дискуссия о том, является ли решение суда юридическим фактом, и о пределах воздействия законной силы судебного

³ Пункт 26 постановления Пленума ВАС РФ от 22 июня 2012 г. № 35.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 15 ноября 2018 г. № 305-ЭС18-9344 по делу № А40-179868/2016.

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 1 сентября 2021 г. № 301-ЭС20-18311 (2) по делу № А43-41965/2017.

⁶ Определение Верховного Суда РФ от 9 марта 2016 г. № 303-ЭС15-16010 по делу № А51-29511/2014.

⁷ Определение Верховного Суда РФ от 5 марта 2020 г. № 305-ЭС19-21315 по делу № А40-58702/2018.

решения на материальные правоотношения, возникшие после его вынесения, выглядит схоластической, когда это касается несостоятельности. Отстранение органов управления юридического лица, наложение ограничений на совершение сделок должника, ограничение на участие в государственной закупочной деятельности¹, прекращение договора агентирования – это неполный перечень материально-правовых последствий, возникающих вследствие объявления должника банкротом. Безусловно, приведенные примеры касаются только решения о признании банкротом. Конкретно данная часть разбирательства по делу о несостоятельности соответствует признакам особого производства [Попондопуло, Слепченко 2004: 52], в отличие от остальных обособленных споров, которые более соответствуют общеисковому производству [Зуева 2005: 42].

В делах о несостоятельности (банкротстве) решения судов (не только само решение арбитражного суда о признании банкротом, но и определения, которыми разрешен материально-правовой вопрос в рамках обособленных споров, а также добанкротные судебные решения) начинают приобретать все более абсолютный характер.

Краткие выводы

Резюмируя вышесказанное, можно отметить следующие предпосылки к дифференцированию законной силы судебных актов в гражданском процессе, которое помогло бы разрешить проблему учета выводов добанкротного решения в деле о банкротстве:

¹ Подпункт 3 п. 1 ст. 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

1) за последний век понимание института законной силы в доктрине гражданского процесса не претерпело значительных изменений, за исключением свойства преюдициальности, которое отрицалось в дореволюционной доктрине. В современный период высказываются аргументированные предложения о дифференцировании законной силы судебного решения в зависимости от характера судебного разбирательства;

2) действующие разъяснения Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда по отдельным категориям споров, рассматриваемых в общеисковом процессе, сводятся к расширению субъективных пределов законной силы судебных актов. Конституционный Суд тоже давал разъяснения абстрактного свойства в поддержку такого подхода, но отдал разрешение этого вопроса законодателю. В Законе о банкротстве уже закреплено положение о распространении свойств обязательности и преюдициальности на лиц, не участвовавших при рассмотрении спора в общеисковом порядке в добанкротный период;

3) положениям Закона о банкротстве было дано толкование, предусматривающее соблюдение процессуальных гарантий права на обжалование добанкротного судебного акта, которое имеется у участников дела о банкротстве, а также учет его выводов с возможностью применения положений Закона о банкротстве, устанавливающих последствия, связанные с участием в уставном капитале юридических лиц. Представляется, что используемый механизм не до конца решает задачи по проверке обоснованности требования кредиторов и смещает баланс интересов в пользу тех кредиторов, кто «успел» провести разбирательства в общеисковом процессе до признания должника банкротом.

Список литературы

- Архипов С. И. Правоотношение собственности: теоретический анализ // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2010. № 1. С. 7–24.
- Безруков А. М. Преюдициальная связь судебных актов. М.: Волтерс Клувер, 2007. 144 с.
- Борисенкова Т. В. Три российских закона о банкротстве: баланс частных и публичных интересов // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 9. С. 19–25.
- Бурмистрова С. А. Система основных производств по защите публично-правовых интересов: какой ей быть // Вестник гражданского процесса. 2020. № 6. С. 66–83.
- Брановицкий К. Л., Сердитова Е. Н. О появлении новой категории субъектов в арбитражном процессе, обладающих правом на обжалование судебных актов при наличии производства о несостоятельности (банкротстве) должника // Вестник ФАС Уральского округа. 2013. № 2. С. 38–50.

- Гражданский процесс: учеб. / под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. М.: ПБОЮЛ Гриженко, 2001. 544 с.
- Гражданский процесс: учеб. / под ред. В. В. Яркова. М.: Статут, 2017. 720 с.
- Гражданский процесс: учеб. / под ред. А. Г. Коваленко, А. А. Мохова. М.: Инфра-М, 2008. 448 с.
- Гурвич М. А. Решение советского суда в исковом производстве. М.: Центр. тип. МО СССР, 1955. 128 с.
- Жестовская Д. А. Противопоставимость судебных актов в банкротстве: к единой модели «Паулианова опровержения» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 1. С. 133–165.
- Загайнова С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 485 с.
- Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. М.: Юрид. лит., 1966. 192 с.
- Зуева И. В. Судопроизводство по делам о несостоятельности (банкротстве) // Вестник ФАС Западно-Сибирского округа. 2005. № 2. С. 45.
- Комментарий к АПК РФ (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. М.: Статут, 2020. 1071 с.
- Кофанов Л. Л. К интерпретации понятия *graeiudicium* в римском праве // Вестник НГУ. Сер. Право. 2012. Т. 8. № 1. С. 5–14.
- Курьлев С. В. Избранные труды. Мн.: Редакция журн. «Промышленно-торговое право», 2012. 607 с.
- Мальшев К. И. Курс гражданского судопроизводства. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1876. Т. 1. 454 с.
- Мацкевич П. Н. Преюдиция в гражданском и административном судопроизводстве. М.: Статут, 2020. 239 с.
- Миловидов Н. А. Законная сила судебных решений по делам гражданским. Ярославль: Тип. губ. правл., 1875. 135 с.
- Мифтахутдинов Р. Т. Ограниченная относительность судебного акта при банкротстве: как добросовестным кредиторам защититься от необоснованного требования, подтвержденного судебным актом // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 4. С. 104–125.
- Попондопуло В. Ф., Слепченко Е. В. Производство по делам о банкротстве в арбитражном суде. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2004. 344 с.
- Райхер В. К. Абсолютные и относительные права (К проблеме деления хозяйственных прав) // Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института. Л., 1928. Вып. 1 (XXV). С. 273–306.
- Рехтина И. В. Истоки принципа правовой определенности (*res iudicata*) в законодательстве Древнего Рима // Вопросы современной юриспруденции. 2013. № 27. С. 43–47.
- Свириденко О. М. Концепция несостоятельности (банкротства) в РФ: методология и реализация: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 416 с.
- Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 2. СПб.: Гос. тип., 1887. 837 с.
- Синицын С. А. Абсолютные и относительные субъективные гражданские права: проблемы теории // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 55–62.
- Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И. В. Решетниковой. М.: Норма, 2021. 472 с.
- Тарасов Н. Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции: учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2023. 218 с.
- Терехов В. В. Понятие и содержание категории «*Res Judicata*» в российском и зарубежном гражданском процессе // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 203–209.
- Цитович П. П. Гражданский процесс. Киев: Типолит. И. Н. Кушнерева и К°, 1887. 132 с.
- Шварц М. З. К вопросу о пределах обязательности вступивших в законную силу судебных актов (комментарий к постановлению Президиума ВАС РФ от 14.10.2008 № 7920/08) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 3. С. 84–97.
- Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. СПб.: Тип. т-ва печ. и издат. дела «Труд», 1912. Т. IV: Торговый процесс. Конкурсный процесс. 453 с.

Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. 646 с.

Яблочков Т. М. Учебник русского гражданского судопроизводства. Ярославль: Книгоизд-во И. К. Гассанова, 1910. 260 с.

Ярков В. В., Долганичев В. В. Групповые иски: сравнительный анализ // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. № 1. С. 118–133.

Глеб Игоревич Кукса – аспирант кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: kuksa869@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-2916-8101

Some Aspects of the Validity of Judicial Acts in a Bankruptcy Case

The institution of the validity of a judicial decision originates in Roman law, where the basic provisions on general obligation, exclusivity and prejudice were formed. In the doctrine of civil procedure, the issue of the subjective limits of the validity of judicial acts adopted in the general legal procedure and in the framework of a bankruptcy case is not resolved definitively. As a general rule, a judicial act adopted in accordance with the requirements of the law does not give rise to rights and obligations for persons who did not participate in the case. Meanwhile, the current version of the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» obliges participants in the bankruptcy proceedings to take into account judicial acts adopted in a dispute between the debtor and individual creditors before initiating bankruptcy proceedings. The Supreme Arbitration Court of the Russian Federation has actually established another extraordinary procedure for appealing judicial acts of persons whose status is not identical to persons who are not involved in the case, whose rights and obligations are determined by the appealed judicial act. Higher judicial instances have expanded the limits of mandatory and prejudicial in a number of other categories of cases considered in a general legal manner. Some scholars are in favor for differentiating the content of the validity of a court decision depending on the nature of the dispute and the conditions for issuance of the decision.

Keywords: legal force of a judicial act, obligatory nature, prejudice, bankruptcy

Recommended citation

Kuksa G. I. Nekotorye aspekty proyavleniya zakonnoi sily sudebnykh aktov v dele o bankrotstve [Some Aspects of the Validity of Judicial Acts in a Bankruptcy Case], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 1, pp. 62–74, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_62.

References

Arkhipov S. I. Pravootnoshenie sobstvennosti: teoreticheskii analiz [Legal Relationship of Ownership: Theoretical Analysis], *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, 2010, no. 1, pp. 7–24.

Bezrukov A. M. *Preyuditsial'naya svyaz' sudebnykh aktov* [The Preliminary Connection of Judicial Acts], Moscow, Wolters Kluver, 2007, 144 p.

Borisenkova T. V. Tri rossiiskikh zakona o bankrotstve: balans chastnykh i publichnykh interesov [Three Russian Bankruptcy Laws: Balancing Private and Public Interests], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2005, no. 9, pp. 19–25.

Branovitskii K. L., Serditova E. N. O poyavlenii novoi kategorii sub"ektov v arbitrazhnom protsesse, obladayushchikh pravom na obzhalovanie sudebnykh aktov pri nalichii proizvodstva o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) dolzhnika [On the Emergence of a New Category of Entities in the Arbitration Process that have the Right to Appeal Judicial Acts in the Presence of Proceedings on the Insolvency (Bankruptcy) of the Debtor], *Vestnik FAS Ural'skogo okruga*, 2013, no. 2, pp. 38–50.

Burmistrova S. A. Sistema osnovnykh proizvodstv po zashchite publichno-pravovykh interesov: kakoi ei byt' [The System of Main Proceedings for the Protection of Public Legal Interests: What Should She be Like], *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, 2020, no. 6, pp. 66–83.

Engel'man I. E. *Kurs russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Russian Civil Litigation Course], Yur'ev, Tip. K. Mattisena, 1912, 646 p.

Gurvich M. A. *Reshenie sovetskogo suda v iskovom proizvodstve* [The Decision of the Soviet Court in the Claim Proceedings], Moscow, Tsentr. tip. MO SSSR, 1955, 128 p.

Kofanov L. L. K interpretatsii ponyatiya praeiudicium v rimskom prave [On the Interpretation of the Concept of Praeiudicium in Roman Law], *Vestnik NGU. Ser. Pravo*, 2012, vol. 8, no. 1, pp. 5–14.

Kovalenko A. G., Mokhov A. A. (eds.) *Grazhdanskii protsess* [Civil Procedure], Moscow, Infra-M, 2008, 448 p.

Kurylev S. V. *Izbrannye trudy* [Selected Works], Minsk, Redaktsiya zhurn. «Promyshlennno-torgovoe pravo», 2012, 607 p.

Malyshev K. I., *Kurs grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Textbook of Russian Civil Litigation], Saint Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1876, vol. 1, 454 p.

Matskevich P. N. *Preyuditsiya v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve* [Prejudice in Civil and Administrative Proceedings], Moscow, Statut, 2020, 239 p.

Miftakhutdinov R. T. Ogranichennaya otnositel'nost' sudebnogo akta pri bankrotstve: kak dobrosovestnym kreditoram zashchitit'sya ot neobosnovannogo trebovaniya, podtverzhdennogo sudebnym aktom [Limited Relativity of a Judicial Act in Bankruptcy: How Can Bona Fide Creditors Protect Themselves from an Unreasonable Claim Confirmed by a Judicial Act], *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF*, 2018, no. 4, pp. 104–125.

Milovidov N. A. *Zakonnaya sila sudebnykh reshenii po delam grazhdanskim* [Legal Force of Judgments in Civil Cases], Yaroslavl', Tip. gub. pravl., 1875, 135 p.

Musin V. A., Chechina N. A., Chechot D. M. (eds.) *Grazhdanskii protsess* [Civil Procedure], Moscow, PBOYuL Grizhenko, 2001, 544 p.

Popondopulo V. F., Slepchenko E. V. *Proizvodstvo po delam o bankrotstve v arbitrazhnom sude* [Bankruptcy Proceedings in the Arbitration Court], Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2004, 344 p.

Raikher V. K. Absolyutnye i otnositel'nye prava (K probleme deleniya khozyaistvennykh prav) [Absolute and Relative Rights (On the Problem of Division of Economic Rights)], *Izvestiya ekonomicheskogo fakul'teta Leningradskogo politekhnicheskogo instituta*, Leningrad, 1928, vol. 1 (XXV), pp. 273–306.

Rekhtina I. V. Istoki printsipa pravovoi opredelennosti (res iudicata) v zakonodatel'stve Drevnego Rima [The Origins of the Principle of Legal Certainty (Res Iudicata) in the Legislation of Ancient Rome], *Voprosy sovremennoi yurisprudentsii*, 2013, no. 27, pp. 43–47.

Reshetnikova I. V. (ed.) *Spravochnik po dokazyvaniyu v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Handbook of Evidence in Civil Litigation], Moscow, Norma, 2021, 472 p.

Sershenevich G. F. *Kurs torgovogo prava* [Commercial Law Course], Saint Petersburg, Tip. t-va pech. i izdat. dela «Trud», 1912, vol. IV, 453 p.

Shvarts M. Z. K voprosu o predelakh obyazatel'nosti vstupivshikh v zakonnuyu silu sudebnykh aktov (kommentarii k postanovleniyu Prezidiuma VAS RF ot 14.10.2008 № 7920/08) [On the Question of the Limits of Binding Judicial Acts that have Entered into Legal Force (Commentary to the Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of October 14, 2008 no. 7920/08)], *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF*, 2009, no. 3, pp. 84–97.

Sinitsyn S. A. Absolyutnye i otnositel'nye sub'ektivnye grazhdanskie prava: problemy teorii [Absolute and Relative Subjective Civil Rights: Problems of Theory], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2016, no. 2, pp. 55–62.

Sviridenko O. M. *Kontseptsiya nesostoyatel'nosti (bankrotstva) v RF: metodologiya i realizatsiya* [The Concept of Insolvency (Bankruptcy) in the Russian Federation: Methodology and Implementation]: doct. jur. sc. thesis, Moscow, 2010, 416 p.

Svod zakonov Rossiiskoi Imperii [The Code of Laws of the Russian Empire], Saint Petersburg, Gos. tip., 1887, vol. 11, pt. 2, 837 p.

Tarasov N. N. *Istoriya i metodologiya yuridicheskoi nauki: metodologicheskie problemy yurisprudentsii* [History and Methodology of Legal Science: Methodological Problems of Jurisprudence], Moscow, Yurait, 2023, 218 p.

Terekhov V. V. Ponyatie i sodержanie kategorii «Res Judicata» v rossiiskom i zarubezhnom grazhdanskom protsesse [The Concept and Content of the Category «Res Judicata» in Russian and Foreign Civil Proceedings], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2014, no. 5, pp. 203–209.

Treushnikov M. K. (ed.) *Grazhdanskii protsess* [Civil Procedure], Moscow, Statut, 2014, 481 p.

Tsitovich P. P. *Grazhdanskii protsess* [Civil Litigation], Kiev, Tipo-lit. I. N. Kushnereva i K^o, 1887, 132 p.

Yablochkov T. M. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Textbook of Russian Civil Litigation], Yaroslavl', Knigoizd-vo I. K. Gassanova, 1910, 260 p.

Yarkov V. V. (ed.) *Grazhdanskii protsess* [Civil Procedure], Moscow, Statut, 2017, 720 p.

Yarkov V. V. (ed.) *Kommentarii k APK RF (postateinyi)* [Commentary on the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation (Article-by-Article)], Moscow, Statut, 2020, 1071 p.

Yarkov V. V., Dolganichev V. V. Gruppovye iski: sravnitel'nyi analiz [Class Actions: Comparative Analysis], *Herald of the Euro-Asian Law Congress*, 2020, no. 1, pp. 118–133.

Zagainova S. K. *Sudebnye akty v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: teoreticheskie i prikladnye problemy* [Judicial Acts in Civil and Arbitration Proceedings: Theoretical and Applied Problems]: doct. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2008, 485 p.

Zeider N. B. *Sudebnoe reshenie po grazhdanskomu delu* [Judgment in a Civil Case], Moscow, Yurid. lit., 1966, 192 p.

Zhestovskaya D. A. Protivopostavimost' sudebnykh aktov v bankrotstve: k edinoi modeli «Paulianova oproverzheniya» [Opposability of Judicial Acts in Bankruptcy: Towards a Unified Model of «Paulian Refutation»], *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2022, no. 1, pp. 133–165.

Zueva I. V. Sudoproizvodstvo po delam o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) [Proceedings in Cases of Insolvency (Bankruptcy)], *Vestnik FAS Zapadno-Sibirskogo okruga*, 2005, no. 2, p. 45.

Gleb Kuksa – postgraduate student of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: kuksa869@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-2916-8101

Дата поступления в редакцию / Received: 15.10.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 13.02.2023

Д. А. Гаврин
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ И ВАЛЮТА В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Автор отмечает актуальность проблемы признания цифровых финансовых активов имуществом, подлежащим включению в конкурсную массу в делах о несостоятельности (банкротстве) для целей удовлетворения требований конкурсных кредиторов. Кроме того, существуют случаи, когда должник умышленно выводит капитал в цифровое пространство с намерением скрыть его и не допустить перехода в конкурсную массу, пользуясь пробелами в правовом регулировании.

В связи с обозначенной проблемой особое значение имеют процесс и механизмы обнаружения и истребования цифровых финансовых активов и цифровой валюты с целью исполнения обязательств перед кредиторами в процедуре несостоятельности. Помимо этого, немаловажным вопросом является последующая реализация такого имущества, осложненная анонимностью существования криптовалюты и отсутствием идентификации пользователей криптовалютных кошельков.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, несостоятельность, цифровое право, объект гражданского права, конкурсная масса, криптовалюта, цифровая валюта

Для цитирования

Гаврин Д. А. Цифровые финансовые активы и валюта в делах о несостоятельности (банкротстве) // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. С. 75–82. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_75.

УДК 346.62

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_75

Стремительное развитие экономики, появление новшеств в сфере науки и техники порождают необходимость в правовом регулировании соответствующих категорий. На наличие таких изменений, являющихся результатом усилий новаторов, указывает, в частности, Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. Подчеркивается, что российское гражданское законодательство должно соответствовать современному уровню развития техники, технологий и научных исследований, тем самым стимулируя как научную деятельность, так и широкое использование новых технологий в жизни общества.

В качестве одного из вызовов времени для законодателя и правоприменителя можно выделить выпуск цифровых финансовых активов и оборот цифровой валюты. Был принят Федеральный закон от 31 июля 2020 г.

№ 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 259), регулирующий правовые аспекты функционирования цифровых финансовых активов как имущественных прав. Данный Закон, вступивший в силу в 2021 г., подробно описывает понятие цифровых финансовых активов, подразумевая под ними цифровые права, включающие, среди прочего, денежные требования, возможность осуществлять права по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества. Выпуск, учет и обращение цифровых финансовых активов возможны только путем добавления записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы (п. 2 ст. 1 закона).

Цифровые финансовые активы обладают техническими свойствами криптовалют: они также учитываются посредством токенов, которые являются представлением цифрового баланса в некотором активе, выполняют роль средств инвестирования; кроме того, существуют в блокчейн-сети (системе распределенного реестра). При этом криптовалюта и токены имеют определенную имущественную ценность, которая зависит от ценности заложенного в них ресурса (актива) [Белых, Болобонова 2019: 19].

Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в первоначальной редакции выделял в качестве разновидности цифровых финансовых активов цифровую валюту. В принятом Законе № 259 тоже предусмотрено понятие цифровой валюты, однако в действующей редакции цифровая валюта является уже не видом цифровых финансовых активов, а самостоятельной категорией. Впрочем, об этом говорит и наименование закона, в котором соответствующие понятия перечисляются. Такой подход законодателя к урегулированию сложных нетрадиционных вопросов исходит из отсутствия единой концепции регулирования цифровых решений, поэтому на стадии формирования нормативно-правового массива в сфере цифровых отношений мы наблюдаем частные попытки законодателя создать правовую модель регулирования конкретных продуктов цифровой среды, в данном случае – цифровых финансовых активов и цифровой валюты.

В правовой материи уже закреплены правовые термины «цифровые права»¹, «утилитарные цифровые права»², «электронные денежные средства», «электронное средство платежа»³. Такое терминологическое и регуляторное многообразие безусловно создает неловкие ситуации не только в теоретических дискуссиях, но и на практике, в част-

ности в процедурах несостоятельности (банкротства). Арбитражные управляющие сталкиваются с объективными проблемами в обнаружении цифрового объекта (в том числе цифровых финансовых активов, цифровой валюты), в определении его правового значения, вида, цифровой среды, в которой данный объект функционирует, порядка его учета и распоряжения им, определения стоимости и обращения взыскания.

С принятием Закона № 259 в ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о несостоятельности) было внесено одно дополнение: цифровая валюта признается имуществом, следовательно, должна быть включена в конкурсную массу (ст. 131) и подлежит оценке (ст. 130). О цифровых финансовых активах в процедуре несостоятельности законодатель, очевидно, умолчал, возможно, в связи с определением их статуса в ст. 1 Закона № 259 как цифровых прав, которые благодаря системному толкованию нормативных правовых актов также относятся к имуществу⁴ и не требуют дополнительной регламентации. В свою очередь специальное указание на цифровую валюту как имущество, возможно, сделано в силу необходимого политико-правового акцента. Не углубляясь в дискуссию о соотношении понятия цифровой валюты с категориями «цифровые права», «безналичные деньги», «электронные денежные средства», «цифровые финансовые активы», следует обратить внимание на отсутствие в нормативных правовых актах логически стройного и обоснованного деления. Впрочем, в научных дискуссиях единства мнений тоже нет.

Цифровая валюта не является денежной единицей и означает совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения) в системе, обладающих функцией средства платежа или инвестиции. В отношении цифровой валюты нет лица, обязанного перед каждым обладателем таких электронных данных, поскольку нет и самого требования, лежащего в его основе. Сам по себе цифровой код или обозначение не несет ценности, за исключением случаев признания такой ценности обществом или в силу нормативно-правового предписания. Цифровая валюта не

¹ Статья 141.1. Гражданского кодекса Российской Федерации.

² Статья 2 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

³ Статья 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе».

⁴ Статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации.

существует вне цифровой среды (цифровой системы), как и операции с такой валютой. В свою очередь цифровая среда (цифровая система) должна иметь четкие контуры не только в техническом, но и в юридическом и экономическом плане. Однако законодатель вновь увлекается терминологическим многообразием и использует в Законе № 259 понятие «информационная система». Следует заметить, что это понятие формируется из двух составляющих – «информация» и «система», которые не отражают действительного содержания цифровой среды (системы) и формируют ложное представление о замкнутой цифровой среде, отдавая дань моделям прошлого. Цифровая среда (система) представляет собой далеко не только информационную систему, так как не только выполняет функцию информирования, информационного архива данных, но и имеет признаки рыночных механизмов, совершения юридически значимых действий и т. д.

Вопрос о включении цифровых финансовых активов в конкурсную массу несостоятельного должника является очень важным для всех участников процедуры. В первую очередь от размера конкурсной массы зависят дальнейшая судьба должника и возможность продолжения его хозяйственной деятельности. Объем конкурсной массы важен и для кредиторов с точки зрения вероятности удовлетворения их требований. Во вторую очередь вознаграждение арбитражного управляющего напрямую связано с долей удовлетворения требований кредиторов.

Для обнаружения цифровых финансовых активов арбитражные управляющие обращаются к данным бухгалтерского учета несостоятельного должника. Порядок бухгалтерского учета цифровой валюты и цифровых финансовых активов не имеет четкой регламентации, так как российские и международные стандарты не содержат ясного ответа. Однако именно бухгалтерский учет таких активов, как и учет операций с ними, обеспечивают возможность их обнаружения арбитражным управляющим для целей дальнейшего удовлетворения прав требований кредиторов. И если системное толкование положений Закона № 259, стандартов и правил бухгалтерского учета позволяет отнести цифровые финансовые активы для целей учета к тем или иным видам бухгалтерских счетов на основе принципа приоритета содержания над фор-

мой (денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам), то вопрос об учете цифровой валюты имеет более сложную природу. Это демонстрирует формируемая практика бухгалтерского учета операций с криптовалютой, когда последняя относится либо к категории нематериальных активов, оцениваемых по справедливой стоимости, либо к категории запасов, которые предназначены для последующей продажи. Нематериальный актив определяется как идентифицируемый нематериальный актив, не имеющий физической формы¹.

Несмотря на активную роль законодателя, в правовой среде складываются довольно значимые дискуссии по вопросу отнесения цифровых финансовых активов к какой-либо категории гражданского права. При этом следует признать, что наибольший интерес участников дискуссий привлекает именно правовой статус цифровой валюты.

Так, А. И. Савельев рассуждает о том, что криптовалюту, в частности, нужно рассматривать как объект гражданского права в качестве иного имущества. Автор приходит к выводу о том, что криптовалюту можно использовать как платежное средство, но ни в коем случае нельзя сравнивать ее с денежными средствами в юридическом смысле [Савельев 2017]. В дополнение к изложенному стоит отметить, что криптовалюты деньгами не являются в силу того, что государство запрещает оборот криптовалюты, признавая в качестве средства платежа российский рубль [Хоменко 2018: 100]. Действительно, для того чтобы цифровые деньги были введены в оборот, криптовалюты не только должны быть более удобными, чем официальная валюта, но и должны получить законодательное признание в качестве таковых.

Л. Г. Ефимова полагает, что криптовалюты выступают объектами абсолютного цифрового права, поскольку оно является самостоятельной и наиболее близкой категорией по отношению к дискуссионному вопросу. Более того, автор считает целесообразным отнесение криптовалюты именно к цифровым правам, поскольку такой объект гражданских прав был введен законодателем как раз с целью регулирования отношений данного вида [Ефимова 2019].

¹ Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 38.

В Соединенных Штатах некоторые криптовалюты, имеющие характеристики ICO (например, \$NEO, \$EOS), рассматриваются как ценные бумаги [Hamilton 2020].

Тем не менее отнесение цифровых финансовых активов к категории имущества, а равно к объектам гражданских прав, играет важную роль при определении возможности внесения соответствующих объектов в конкурсную массу должника, а затем при принятии решения об этом.

Примечательно то, что еще до внесения соответствующих изменений в законодательство суды начали формировать практику признания цифровых финансовых активов и криптовалюты объектами гражданских прав

Отнесение цифровых финансовых активов к категории имущества, а равно к объектам гражданских прав, играет важную роль при определении возможности внесения соответствующих объектов в конкурсную массу должника, а затем при принятии решения об этом

и, соответственно, включали их в конкурсную массу при банкротстве. Наиболее дискуссионным и основополагающим принято считать дело И. Царькова. Суд первой инстанции признал, что операции российских лиц с криптовалютами не запрещены российским законодательством, но криптовалюты не имеют правового статуса актива, и сделки с криптовалютами не могут быть принудительно исполнены в России [Lyadnova, Dorokhova, Whitney 2018: 23]. Апелляционный суд не согласился практически со всеми аспектами первоначального решения, включая статус криптовалют, экономический эффект решения и доказательства права собственности на криптовалюту. Так, по оценке Девятого арбитражного апелляционного суда «криптовалюта не может быть расценена применительно к ст. 128 ГК РФ иначе как иное имущество», поскольку любое имущество должника, имеющее экономическую ценность для кредиторов, не может быть произвольно исключено из конкурсной массы, кроме как в случаях, указанных в законе¹.

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/18.

Развивает указанную позицию Арбитражный суд Московского округа, который обязал должника передать данные доступа к криптокошельку финансовому управляющему в присутствии нотариуса. При этом суд постановил, что должник должен лично присутствовать при входе в кошелек с целью составления акта приема-передачи имущества и дальнейшего его включения в конкурсную массу².

Однако следует отметить, что не все суды признавали криптовалюту легальным объектом, а значит, делали вывод о невозможности ее включения в конкурсную массу. К примеру, Арбитражный суд Поволжского округа постановил, что из прямого толкования норм права криптовалюта не может быть отнесена к категории объектов гражданских прав в силу того, что исполнение сделок с криптовалютой не обеспечивается принудительной силой государства. Суд указал и на анонимность такого инструмента, заключив, что определить его владельца невозможно. Следовательно, суд отказал в удовлетворении жалобы кредитора об истребовании информации о наличии у должника и членов его семьи криптовалюты³.

Тем не менее позиция и доводы суда должны основываться как на нормах права, так и на государственных и общественных интересах. Исключение цифровой валюты и цифровых финансовых активов из состава конкурсной массы должника приведет к нарушению баланса интересов и возможности должника злоупотреблять таким подходом правоприменителя, действуя в ущерб кредиторам. В данном аспекте можно констатировать развитие правоприменительной практики в части признания цифровых финансовых активов имуществом и включения данного объекта в конкурсную массу должника⁴. Такое решение в настоящий момент уникально, поскольку суд в ходе разбирательства исследовал рыночную стоимость монет *One Coin*, которые были приобретены должником. Так или иначе суд пришел к выводу о невозможности установления рыночной стоимости ввиду отсутствия курса криптовалюты *One Coin*.

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 августа 2019 г. по делу № А40-12639/2016.

³ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18 октября 2018 г. по делу № А57-21957/2017.

⁴ Определение Арбитражного суда Пермского края от 24 декабря 2021 г. по делу № А50-6372/2018.

Рассуждая о проблеме отнесения цифровых финансовых активов, П. М. Морхат затрагивает вопрос не только о придании криптовалюте правового статуса, но и о законодательном закреплении порядка обращения взыскания на такое имущество [Морхат 2019]. С учетом такой проблемы Закон № 259 предусматривает, что цифровые финансовые активы должны находиться в доступе не только лица, обладающего такими активами, но и иного лица. К данной категории можно отнести оператора информационной системы, в пределах которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов. И если на российском уровне с операторами информационных систем, чьим личным законом является российское право, возможно взаимодействие в силу п. 3 ст. 6 Закона № 259, то взаимодействие с иностранными операторами пока затруднительно, так как в большинстве случаев для получения информации потребуется судебный акт. Основанием для предоставления российскими операторами информации о содержащихся в реестре цифровых активах могут быть судебный акт, исполнительные документы, запросы компетентных органов, требование конкурсного управляющего [Блокчейн в платежных системах 2022: 92].

Однако стоит отметить, что, несмотря на увеличение правовой базы в части определения юридического статуса криптовалюты, данный вопрос не теряет актуальности, а, наоборот, приобретает новое значение. Например, по данным информационного портала газеты «Известия» за 2021 г., было возбуждено 1531 судебное дело, в которых фигурировали криптовалюты¹. При этом банкротные дела стоят на 3-м месте по общему количеству рассмотренных заявлений (9,2 % от общего количества), что в два раза выше по сравнению с 2020 г. Такая тенденция связана с тем, что кредиторы стремятся увеличить конкурсную массу за счет цифровых финансовых активов должника.

Арбитражные управляющие все чаще сталкиваются с проблемой обнаружения у должника цифровых финансовых активов и цифровой валюты. Сложившаяся сегодня судебная прак-

тика приходит к единому мнению: арбитражный управляющий вправе истребовать у должника и сведения о наличии цифровых активов, и саму криптовалюту². Также Законом о несостоятельности предусмотрена обязанность арбитражного управляющего принять меры по выявлению имущества должника. Поэтому в качестве одного из механизмов такого поиска можно указать оспаривание сделок должника, связанных с цифровой валютой и цифровыми финансовыми активами. Можно выделить такие основания для оспаривания сделки с цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой, как отчуждение цифровых активов должником в ущерб кредиторам, в частности продажа цифровой валюты аффилированному лицу по заведомо заниженной стоимости; вывод денежных средств у аффилированного лица с неликвидного криптоактива.

М. Кандыба и Ю. Ахонина отмечают, что криптовалюта обладает особыми свойствами, и это может затруднить установление факта владения должником цифровой валютой, а значит, возникает препятствие в оспаривании порочной сделки ввиду непредоставления должником необходимой информации для выявления такого имущества [Кандыба, Ахонина 2022]. Действительно, анонимность и децентрализация криптоактивов создают сложности в определении владельцев таких активов, поскольку необходимо выявить и доказать, что должник действительно является собственником оспариваемого имущества. Крайне затруднительно осуществить возврат криптовалюты по сделке с аффилированным лицом по заведомо заниженной стоимости, поскольку на основании этого обстоятельства контрагент может не оказать содействия в указанной сделке. Стоит отметить, что в настоящее время отсутствует универсальный механизм для отмены совершенных сделок, в особенности для криптовалюты, которая не хранится в криптокошельках на криптобирже. Кроме того, высказываются мнения о том, что в контексте ценных бумаг или товаров биржи не являются открытыми для публики; вместо этого биржа (и клиринговая палата) открыты только для своих членов,

¹ Коинова печать: в РФ резко выросло количество уголовных дел с криптой. 2022 // URL: <https://iz.ru/1347448/natalia-ilina-mariia-kolobova/koinova-pechat-v-rf-rezko-vyroslo-kolichestvo-ugolovnykh-del-s-kriptoi> (дата обращения: 15.01.2023).

² Определение Арбитражного суда Челябинской области от 17 марта 2020 г. по делу № А76-27033/2018; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18 апреля 2019 г. № 09АП-17044/2019 по делу № А40-12639/16.

что еще больше усложняет установление факта владения [Levitin 2015: 137–138].

Таким образом, для разрешения сложных при оспаривании сделок, предметом которых являются цифровые финансовые активы, а также для включения этого имущества в конкурсную массу должника арбитражному управляющему целесообразно запрашивать у должника подробную информацию о наличии в его владении цифровых финансовых активов и цифровой валюты. Данная информация важна и в оспаривании сделок, совершенных должником с указанными активами и валютой. Безусловно, нужна правовая регламентация статуса цифровых финансовых активов в процедуре несостоятельности (банкротства). Так мера не только направлена на разрешение обозначенных вопросов с точки зрения деятельности арбитражных управляющих, но и необходима для обеспечения прав кредиторов в делах о банкротстве.

Подводя итог, прежде всего следует отметить, что цифровые финансовые активы в рамках процедуры несостоятельности не-

сомненно можно отнести к правовой категории «имущество». Это подтверждает сложившаяся судебная практика, которая была отражена в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Однако данный Закон является основой для последующих изменений. Пока что он лишь указывает на необходимость истребования у должника или российского оператора информации о наличии у него цифровых финансовых активов и цифровой валюты. При этом должник может повести себя недобросовестно и скрыть действительную информацию, что нарушает баланс интересов участников процедуры несостоятельности (банкротства). Осложняют поиск действительной информации и анонимность цифровых финансовых активов, а также значительная доля иностранных операторов информационных систем. Законодательство, как российское, так и иностранное, требует совершенствования механизмов защиты прав и интересов кредиторов.

Список литературы

Hamilton D. Investing in EOS – Everything You Need to Know. 2020 // URL: <https://www.securities.io/investing-in-eos-everything-you-need-to-know> (дата обращения: 15.01.2023).

Levitin A. J. Prioritization and Mutualization: Clearinghouses and the Redundancy of the Bankruptcy Safe Harbors // *Brooklyn Journal of Corporate, Financial, and Commercial Law*. 2015. Vol. 10. № 1. P. 129–154.

Lyadnova P., Dorokhova E., Whitney H. Cryptocurrencies in Insolvency: Evasive Reality // *Emerging Markets Restructuring Journal*. 2018. № 7. P. 22–26.

Белых В. С., Болобонова М. О. Перспективы правового регулирования цифровых финансовых активов в России: спорные вопросы теории и практики // *Бизнес, менеджмент и право*. 2019. № 1. С. 18–23.

Блокчейн в платежных системах, цифровые финансовые активы и цифровые валюты / под ред. Т. Э. Рождественской, А. А. Ситника. М.: Норма; Инфра-М, 2022. 128 с.

Ефимова Л. Г. Криптовалюты как объект гражданского права // *Хозяйство и право*. 2019. № 4. С. 17–25.

Кандыба М., Ахонина Ю. Оспаривание сделок должника с криптовалютами: регулирование и практика // *Банковское обозрение. Приложение «FinLegal»*. 2022. № 1. С. 63–65.

Морхат П. М. Криптовалюта в конкурсной массе должника-банкрота // *Закон и право*. 2019. № 4. С. 19–22.

Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // *Закон*. 2017. № 8. С. 136–153.

Хоменко Е. Г. Возможности использования криптовалюты в банковской деятельности: правовой аспект // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2018. № 10. С. 97–103.

Денис Александрович Гаврин – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.
E-mail: gavrin@list.ru.

ORCID: 0000-0002-2964-1341

Digital Financial Assets and Currency in Insolvency (Bankruptcy) Cases

The author notes the relevance of the problem of recognizing digital financial assets as a property to be included in the bankruptcy estate in insolvency (bankruptcy) cases for the purposes of satisfying the claims of bankruptcy creditors. In addition, there are cases when a debtor deliberately transfers capital to the digital space with the intention to hide it and prevent its transfer to the bankruptcy estate, taking advantage of gaps in legal regulation.

In connection with the mentioned problem, the process and mechanisms of detection and recovery of digital financial assets and digital currency in order to fulfill obligations to creditors in insolvency proceedings are of particular importance. In addition, an important issue is the subsequent sale of such property, complicated by the anonymity of cryptocurrency and the lack of identification of users of cryptocurrency wallets.

Keywords: digital financial assets, insolvency, digital law, object of civil law, bankruptcy estate, cryptocurrency, digital currency

Recommended citation

Gavrin D. A. Tsifrovye finansovye aktivy i valyuta v delakh o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) [Digital Financial Assets and Currency in Insolvency (Bankruptcy) Cases], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 1, pp. 75–82, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_75.

References

Belykh V. S., Bolobonova M. O. Perspektivy pravovogo regulirovaniya tsifrovyykh finansovykh aktivov v Rossii: spornye voprosy teorii i praktiki [Prospects of Legal Resolution of Digital Financial Assets in Russia: Controversial Issues of Theory and Practice], *Biznes, menedzhment i pravo*, 2019, no. 1, pp. 18–23.

Efimova L. G. Kriptovalyuty kak ob'ekt grazhdanskogo prava [Cryptocurrencies as an Object of Civil Law], *Khozyaistvo i pravo*, 2019, no. 4, pp. 17–25.

Hamilton D. *Investing in EOS – Everything You Need to Know*, 2020, available at: <https://www.securities.io/investing-in-eos-everything-you-need-to-know> (accessed: 15.01.2023).

Kandyba M., Akhonina Yu. Osparivanie sdelok dolzhnika s kriptovalyutami: regulirovanie i praktika [Challenging Debtor Transactions with Cryptocurrencies: Regulation and Practice], *Bankovskoe obozrenie. Prilozhenie «FinLegal»*, 2022, no. 1, pp. 63–65.

Khomenko E. G. Vozmozhnosti ispol'zovaniya kriptovalyuty v bankovskoi deyatel'nosti: pravovoi aspekt [Possibilities of Using Cryptocurrency in Banking Activities: the Legal Aspect], *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)*, 2018, no. 10, pp. 97–103.

Levitin A. J. Prioritization and Mutualization: Clearinghouses and the Redundancy of the Bankruptcy Safe Harbors, *Brooklyn Journal of Corporate, Financial, and Commercial Law*, 2015, vol. 10, no. 1, pp. 129–154.

Lyadnova P., Dorokhova E., Whitney H. Cryptocurrencies in Insolvency: Evasive Reality, *Emerging Markets Restructuring Journal*, 2018, no. 7, pp. 22–26.

Morkhat P. M. Kriptovalyuta v konkursnoi masse dolzhnika-bankrota [Cryptocurrency in the Bankrupt Debtor's Bankruptcy Estate], *Zakon i pravo*, 2019, no. 4, pp. 19–22.

Rozhdestvenskaya T. E., Sitnik A. A. (eds.) *Blokchein v platezhnykh sistemakh, tsifrovye finansovye aktivy i tsifrovye valyuty* [Blockchain in Payment Systems, Digital Financial Assets and Digital Currencies], Moscow, Norma, Infra-M, 2022, 128 p.

Savel'ev A. I. *Kriptovalyuty v sisteme ob"ektov grazhdanskikh prav* [Cryptocurrencies in the System of Objects of Civil Rights], *Zakon*, 2017, no. 8, pp. 136–153.

Denis Gavrin – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of business law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: gavrin@list.ru.

ORCID: 0000-0002-2964-1341

Дата поступления в редакцию / Received: 28.01.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 28.02.2023

М. Л. Манн

Городская клиническая больница № 40
(Екатеринбург)

ПРОБЛЕМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПОНЯТИЯ ВРАЧЕБНОЙ ОШИБКИ

До настоящего времени нет одного общепринятого понятия врачебной ошибки, так как каждый автор предлагает собственное уникальное понятие. В связи с этим в статье исследуются проблемы отсутствия данного понятия в действующем законодательстве. Используются различные методы, в том числе герменевтический метод и метод анализа. Изучается несколько предлагаемых разными учеными понятий врачебной ошибки, исследуются их сходства и различия, их признаки и элементы. Очевидно, что выработка единого понятия врачебной ошибки возможна только путем постепенного исключения не соответствующих теории права понятий и выделения общих элементов и признаков для разработки универсального понятия врачебной ошибки, которое может быть применимо как в гражданском, так и в уголовном праве. Решение выявленных в статье проблем позволит выработать указанное понятие и закрепить в действующем законодательстве.

Ключевые слова: врачебная ошибка, медицинская ошибка, врачебное правонарушение, несчастный случай при оказании медицинской помощи, медицинская помощь, медицинская услуга

Для цитирования

Манн М. Л. Проблемы закрепления в действующем законодательстве понятия врачебной ошибки // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. С. 83–90. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_83.

УДК 342.72/.73

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_83

Введение

Пандемия коронавируса COVID-19 выявила различные проблемы в системах здравоохранения всех стран мира, в том числе России. Для каждой нозологической единицы, как правило, разработаны определенные стандарты, которые представляют собой клинические рекомендации. Но при распространении заболевания нового вида быстро разработать новые клинические рекомендации, которые содержали бы всю необходимую информацию по диагностике и лечению, весьма проблематично. Дело в том, что практическая медицина в первую очередь основывается на клинических испытаниях, для проведения которых необходимо время. Сложность формирования клинических рекомендаций на первом этапе пандемии повлекла проблемы при проведении лечения, а постоянное изменение течения

данного заболевания приводило к ошибкам в его лечении. Более того, указанные клинические рекомендации носили временный характер, в общей сложности за два года пандемии коронавируса было выпущено более пятнадцати изданий временных рекомендаций по лечению данного заболевания, которые постоянно менялись и совершенствовались по мере изучения болезни. Высокая вирулентность, постоянная смена методических рекомендаций по оказанию помощи больным коронавирусом, отсутствие достаточного количества времени для проведения клинических испытаний на первом этапе пандемии сказались на показателях смертности российского населения.

Ключевые проблемы

По общему правилу ответственность за причинение вреда жизни и здоровью возла-

гается на медицинские организации согласно ч. 3 ст. 98 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 323). Медицинские организации несут гражданскую ответственность за причинение вреда здоровью, а вот медицинские работники могут быть привлечены к уголовной ответственности, либо в случае удовлетворения иска пациента медицинская организация может применить по отношению к медицинскому работнику регрессивную ответственность. При этом российское законодательство не предусматривает страхования ответственности медицинских работников, вследствие чего возмещение убытков может быть возложено на персонал больниц, а размер убытков зачастую несопоставим по сумме с заработными платами.

Можно выделить две основные проблемы при привлечении медицинских работников к ответственности за причинение вреда жизни и здоровью пациентов.

Во-первых, большая территория Российской Федерации, наличие большого количества медицинских организаций, удаленных от центра, способствуют тому, что нередко лечение нового заболевания осуществляется общепринятыми способами с целью спасения жизни и здоровья человека.

Во-вторых, применение временных клинических рекомендаций, которые слишком часто менялись, вызывает определенные трудности для квалификации наличия или отсутствия дефектов оказания медицинской помощи. Например, пациент мог начать болеть, при этом за время его нахождения в стационаре выпускались новые клинические рекомендации, зачастую неоднократно, поскольку ввиду тяжести вируса многие пациенты проходили лечение не один месяц. Поэтому при проведении судебно-медицинских экспертиз не всегда очевидно, какое именно издание клинических рекомендаций стоит применять, следует ли руководствоваться сроком их выпуска, или точкой отчета становится тот момент, когда медицинский работник прошел аккредитацию по применению данных стандартов и получил соответствующий сертификат, который юридически подтверждает его возможность работать с этим заболеванием. Временной разрыв, который неизбежно формируется от момента выпуска новых временных рекомендаций до

сдачи медицинским работником экзамена, получения соответствующего сертификата, не может и не должен приводить к привлечению медицинского работника к ответственности.

В итоге медицинский работник в силу его опыта и знаний использует общепринятые стандарты лечения различных заболеваний, но наличие постоянно меняющихся рекомендаций, отсутствие достаточного количества времени для проведения клинических испытаний по лечению COVID-19, перебои со снабжением лекарственными препаратами значительно затрудняют как процесс выздоровления пациента, так и определение юридической ответственности при неблагоприятном исходе. Сложившаяся ситуация вновь ставит вопрос о пределах и уровне ответственности медицинских работников при оказании медицинской помощи.

Причинение вреда жизни и здоровью граждан всегда вызывают у пациентов и их родственников желание найти виновных и привлечь их к ответственности. Однако проблема в том, что в действующем законодательстве само понятие ошибки при оказании медицинской помощи либо иное определение некачественно оказанной медицинской помощи отсутствует. Тем не менее именно данное понятие должно быть основанием для привлечения медицинских работников к ответственности за причинение вреда здоровью пациентов. Теоретики не могут сформулировать одно универсальное понятие ошибки при оказании медицинской помощи, которое бы устраивало большинство ученых. Кроме того, универсальность понятия врачебной ошибки также должна заключаться в возможности применения данного термина как в гражданском, так и в уголовном праве.

В связи с этим выявить ошибки при оказании медицинской помощи и привлечь виновных лиц к ответственности довольно затруднительно. Например, особенно сложно выявить врачебную ошибку в тех случаях, когда пациент получал лечение в нескольких лечебных учреждениях. При неблагоприятном исходе, особенно летальном, каждая медицинская организация пытается снять с себя ответственность, нередко обвиняя другую медицинскую организацию. Такой подход противоречит правилам профессионального сотрудничества, но, к сожалению, встречается весьма часто.

Приведу довольно типичный пример из судебной практики – дело № 2-640/2013, которое рассматривал Верх-Исетский районный суд г. Екатеринбурга Свердловской области. Пациенту А. была проведена хирургическая операция по поводу острого аппендицита. Ближайший послеоперационный период протекал неблагополучно, в результате дообследования пациенту был поставлен диагноз – острый лейкоз. Данное заболевание требовало специфического лечения, так называемой таргетной (прицельной) терапии, которая могла быть проведена только в одном стационаре города. Пациент был переведен в профильный стационар, но этот перевод занял несколько дней, поскольку требовалось дообследование пациента с точной верификацией диагноза. В результате сочетанной тяжести нескольких заболеваний пациент скончался.

Родственники подали гражданский иск о компенсации морального вреда, но в отношении не медицинского учреждения, в котором пациент скончался, а медицинского учреждения, в котором пациенту была первоначально оказана медицинская помощь. Более того, стоит отметить, что изначально пациент поступил в неотложном порядке с уже имеющимися изменениями в анализах, а при дальнейших расспросах выяснилось, что пациент в течение нескольких лет плохо себя чувствовал, но за помощью никуда не обращался. Итак, можно говорить о том, что на момент проведения первичной операции у пациента уже имелось запущенное хроническое заболевание.

В данном случае при установлении врачебной ошибки возникает ряд вопросов. Какое из двух лечебных учреждений должно нести ответственность за смерть пациента? Должны ли вообще больницы и медицинские работники нести какую-либо ответственность, или смерть наступила в результате уже имеющегося тяжелого хронического заболевания в сочетании с вновь развившимся острым аппендицитом? Нельзя не согласиться с тем фактом, что в случае, когда пациент поступает с хроническим заболеванием, по поводу которого он получает постоянную терапию, это значительно повышает шансы на благоприятный исход.

В приведенном примере суд первой инстанции отказал родственникам в удовлет-

ворении иска ввиду отсутствия прямой причинно-следственной связи между действиями медицинских работников и неблагоприятным исходом. Более того, были приняты к сведению доводы медицинских работников о том, что ими были выполнены все необходимые и доступные медицинские манипуляции в данной ситуации. Например, больница первичной госпитализации пациента не могла перевести его в профильное медицинское учреждение без согласия его медицинских работников, которые, в свою очередь, закономерно требовали проведения определенного набора диагностических исследований, способных установить точный диагноз. Родственники подали апелляционную жалобу с требованием о пересмотре судебного решения и о проведении новой судебно-медицинской экспертизы. Суд апелляционной инстанции оставил решение суда первой инстанции без изменений ввиду отсутствия признаков врачебной ошибки, а также того, что некоторые заболевания в силу тяжести и непредотвратимости своего течения могут привести к неблагоприятному исходу.

Здесь и далее при исследовании понятия ошибки при оказании медицинской помощи будет использоваться понятие «врачебная ошибка».

Таким образом, данная проблема порождает комплекс вопросов, которые необходимо решить и урегулировать в действующем законодательстве.

Возможные варианты решения

Несмотря на многочисленные публикации по вопросам определения понятия врачебной ошибки [Доголь 2016; Сидорович 2005; Шмаров 2018], до настоящего времени, повторю, нет понятия, которое было бы принято большинством ученых. При определении данного понятия необходимо исходить не только из его теоретического толкования, но и из возможности применения в сфере практической медицины. Полноценное и емкое определение врачебной ошибки должно быть выработано совместно юридической и медицинской науками, поэтому необходимо участие медицинского сообщества. Понятие врачебной ошибки должно быть в полной мере универсальным и учитывать интересы всех сторон. Предлагается много вариантов, например «врачебное правонарушение» [Ланская,

Дудоров 2018: 118], «несчастный случай при оказании медицинской помощи» [Лесниченко 2018: 76] и др.

Е. В. Доголь предлагает использовать понятие медицинской ошибки. Под ней следует понимать повлекшие вред здоровью (или повлекшие смерть пациента) действия (бездействие) медицинского персонала медицинского учреждения или индивидуального предпринимателя, оказывающих медицинские услуги в соответствии с требованиями о лицензировании, установленными законодательством Российской Федерации [Доголь 2016: 164].

А. Г. Пашиян понимает под врачебной ошибкой невиновное причинение вреда вследствие добросовестного заблуждения врача без элементов небрежности, легкомыслия или халатности (со стороны должностных лиц) [Пашиян 2009].

Всего предлагается не менее 65 понятий [Там же]. Однако большинство из них не имеют теоретических и практических оснований для того, чтобы быть принятыми научным сообществом. Поэтому привести в данной статье все существующие понятия, обозначающие врачебную ошибку невозможно, да и нецелесообразно, так как все они имеют общие недостатки.

Наиболее распространенными и, следовательно, подходящими для теоретической разработки в настоящее время являются понятия «врачебная ошибка» и «медицинская ошибка». Большинство других понятий, по существу, являются их подвидами. Два выделенных понятия можно проанализировать по нескольким признакам.

Первый признак – субъект. Медицинскую ошибку может совершить не только врач, но и в целом медицинский персонал. Необходимо отметить, что уточнение места работы или формы ведения деятельности излишне, так как в обоих случаях субъектом выступает именно медицинский персонал. Впрочем, ответственность перед пациентом все равно несет медицинская организация, к которой приравниваются и индивидуальные предприниматели в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 2 ФЗ № 323.

Второй признак – деяние. Здесь следует рассмотреть понятия «медицинская помощь» и «медицинская услуга». В настоящее время в медицинских кругах активно

обсуждается необходимость замены в ФЗ № 323 термина «медицинская услуга» термином «медицинская помощь», что повлечет за собой не только трансформацию понятийной смысловой нагрузки, но и преобразования юридической ответственности.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 2 ФЗ № 323 понятие «медицинская услуга» входит в содержание понятия «медицинская помощь». Само существование термина «медицинская услуга» многими представителями медицинского сообщества ставится под сомнение. Медицинскую помощь нельзя считать классической услугой, предоставляемой потребителю, который сам платит и выбирает, за что ему отдавать денежные средства, поскольку согласно ч. 2 ст. 19 ФЗ № 323 каждый имеет право на медицинскую помощь в гарантированном объеме, оказываемую без взимания платы в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, а также право на получение платных медицинских услуг и иных услуг, в том числе в соответствии с договором добровольного медицинского страхования. Даже в рамках добровольного медицинского страхования здоровье по своей значимости не может сравниться ни с одной материальной ценностью. Недаром в последнее время медицинское сообщество активно обсуждает необходимость удаления из ФЗ № 323 понятия «медицинская услуга», поскольку оно не является тождественным спасению жизни.

Однако некоторые исследователи доказывают, что стоит говорить именно об оказании некачественной медицинской услуги [Невзгодина 2015: 142–143]. Для этого есть все предпосылки. Действительно, если рассматривать любое оказание медицинской помощи как оказание медицинской услуги, то к таким правоотношениям применяются определенные положения Гражданского кодекса Российской Федерации и Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей». Это приводит к большей определенности в вопросе защиты прав пациентов и квалификации правоотношений между медицинской организацией, медицинским работником и пациентом, его родственниками. Вместе с тем это не решает вопроса о формулировании и закреплении понятия, которое бы определяло оказание некаче-

ственной медицинской помощи (услуги), тем более что одно понятие является частью другого.

Согласно определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 июля 2019 г. № 44-КГ19-7 законом гарантировано, что медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно. Кроме того, граждане имеют право на получение платных медицинских услуг, предоставляемых по их желанию, при оказании медицинской помощи. Отношения по предоставлению гражданам платных медицинских услуг регулирует законодательство о защите прав потребителей. Но дилемма заключается в том, что действие Закона РФ «О защите прав потребителей» распространяется и на государственные лечебные учреждения, что представляется не совсем корректным.

В одном из вышеприведенных определений сделан акцент на субъективной стороне, т. е. на том, кто именно должен отвечать за врачебную ошибку, во втором – на объективной стороне (делается попытка определить, какие именно действия необходимо считать врачебной ошибкой, а какие нет). Здесь и возникает основная проблема: какие действия врачей или медицинского персонала относить к врачебным ошибкам?

Представляется, что необходимо рассматривать врачебную ошибку как правонарушение, которое должно иметь четыре обязательных элемента: объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону. Некоторые авторы предлагают подобный подход с точки зрения необходимости соблюдения требований при привлечении субъекта к юридической ответственности, которая и включает все указанные элементы [Сучкова 2014]. Для медицинского сообщества важно исключить указание на возможность совершения врачебных ошибок умышленно, так как подразумевается, что врач действует профессионально и добросовестно.

Это позволяет выделить третий признак – наличие вины. Большинство исследователей согласны с тем, что причинить вред медицинский работник, в том числе врач, может только по неосторожности [Баширина, Фирсова 2020: 130]. Но есть исследователи, которые распространяют это понятие и на умышленные действия [Чурляева 2018].

Указание на форму вины либо исключение какой-либо формы лишь способствует необоснованному расширению содержания понятия врачебной ошибки, но не позволяет выделить одно понятие и закрепить его в законодательстве. Невозможно предусмотреть все случаи совершения ошибок либо каких-то действий, которые приводят к нежелательному или негативному результату. Понятие должно быть универсальным и применяться в различных отраслях законодательства. В любом случае в законодательстве в принципе нет понятия, которое бы отдельно обозначало совершение медицинским работником преступления (правонарушения) с умышленной формой вины. Для этого есть общее понятие преступления (правонарушения).

Отсутствие указания на умышленную форму вины в вышеприведенных и некоторых других дефинициях объясняется тем,

Необходимо рассматривать врачебную ошибку как правонарушение, которое должно иметь четыре обязательных элемента: объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону

что врач по определению совершает ошибку неумышленно, так как умышленное причинение вреда здоровью и жизни человека наказывается соответствующими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 105, 111 и др.). Но действия медицинского работника, совершенные неумышленно, тоже подлежат квалификации по ряду статей УК РФ: ст. 109 (причинение смерти по неосторожности), ст. 118 (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности) и др. Поэтому данный аргумент также сомнителен, ведь медицинский работник, в том числе и врач, может быть привлечен к уголовной ответственности как при наличии умысла, так и без него. Стоит отметить, что только в ст. 124 УК РФ есть указание на лицо, которое обязано оказывать помощь больному, т. е. фактически речь идет о медицинском работнике.

Вообще ошибка не имеет форм вины. Ошибка – это неправильность в действиях, мыслях. Можно допустить ошибку в вычислении, орфографическую ошибку и т. п. [Толковый словарь 1994]. Неправильность не

тождественна неосторожности. Поэтому применительно к понятию врачебной ошибки следует говорить о действии, которое совершил врач, как при наличии вины, так и при ее отсутствии. Из этого следует, что при законодательном установлении понятия «врачебная ошибка» (и его определения) главным будет наличие совершившего эту ошибку субъекта, который и будет подлежать ответственности. А значит, необходимо будет закрепить одно понятие субъекта для применения в различных отраслях права, в том числе уголовном и гражданском.

Четвертый признак – последствия. Возникает вопрос о том, необходимо ли включать в содержание понятия врачебной ошибки указание на причинение вреда здоровью пациента, что поддерживают не все ученые [Доголь 2016: 164]. Отношение к данному признаку обусловлено наличием или отсутствием умысла при совершении врачебной ошибки, хотя и при совершении ошибки по неосторожности может быть причинен вред жизни и здоровью человека. Именно с этим связана еще одна проблема определения понятия врачебной ошибки, так как совершение врачебной ошибки разделяют на случаи виновного и невиновного причинения вреда или вообще пытаются разделить умышленную форму вины и совершение ошибок по неосторожности.

По моему мнению, сегодня во всех определениях врачебной ошибки отсутствует важная составляющая, а именно указание на тот факт, что ошибка может являться следствием надлежащих действий медицинских работников. Для квалификации действий врачей и иного медицинского персонала многие специалисты, как юристы, так и сами медицинские работники, используют термин «ятрогенные осложнения». Этому понятию дается негативная оценка, и оно трактуется, как осложнение, возникшее в результате неверных действий. Вместе с тем согласно определению Всемирной организации здравоохранения «ятрогенная – это любые нежелательные или неблагоприятные последствия профилактических, диагностических и лечебных вмешательств либо процедур, которые приводят к нарушениям функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидности или даже смерти; осложнения медицинских мероприятий, развивающиеся в результате как ошибочных, так и правильных действий врача».

На мой взгляд, постулат о том, что ятрогенная может быть последствием, в том числе, правильных действий врача, является основополагающим и может лечь в основу определения понятия «врачебная ошибка». Во-первых, ошибиться может каждый, вопрос лишь в том, что должно быть законодательно закреплено страхование ответственности по аналогии, например, с автогражданской ответственностью. Во-вторых, ошибка может быть вызвана рядом объективных причин, например сложностью диагностики того или иного заболевания, нетипичным клиническим течением, кратковременностью пребывания пациента в лечебном учреждении и т. д. В-третьих, некоторые заболевания сами по себе отличаются тяжестью и непредотвратимостью течения. В-четвертых, практически любая медицинская манипуляция обладает определенной степенью риска и может повлечь негативные последствия, хотя является необходимой для пациента.

Заключение

Проведенный анализ лишь нескольких понятий и определений врачебной ошибки, а также некоторых их элементов, которые имеют большое распространение, попытка выделить общие признаки позволяют сделать следующий вывод. Постепенно можно исключить дублирующие и тождественные понятия, признаки, которые не имеют квалифицирующего значения, а также понятия и признаки, которые могут быть определены как родовые и видовые. Это позволит сблизить понятия медицинской и юридической науки, по крайней мере, сократить их количество до одного-двух. Исключение явно необоснованных понятий, выработка общих понятий, их закрепление в действующем законодательстве будут способствовать упорядочению уголовной практики по медицинским спорам и повысит уровень защиты как пациентов, так и медицинских работников.

Однако проанализированные проблемы не дают предложить универсальное понятие врачебной ошибки. Представляется, что только посредством комплексного исследования с целью решения указанных проблем можно разработать наиболее общее понятие для его последующего обсуждения профессиональными объединениями юристов и медицинских работников. Такой термин должен быть применим во всех отраслях российского законодательства.

Список литературы

Баширина Е. Н., Фирсова Н. В. Правовая квалификация медицинской ошибки и ее последствия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 4-2. С. 129–131.

Доголь Е. В. Медицинская ошибка в гражданском праве Российской Федерации // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань: Бук, 2016. С. 162–164.

Ланская О. А., Дудоров Т. Д. Характеристика деяний медицинских работников, влекущих причинение вреда жизни или здоровью пациента // Юридическая наука. 2018. № 3. С. 115–119.

Лесниченко А. М. Врачебная ошибка // Вопросы науки и образования. 2018. № 13. С. 66–78.

Невзгодина Е. Л. Юридическая квалификация медицинской ошибки и ее правовые последствия // Вестник ОмГУ. Сер. Право. 2015. № 2. С. 137–144.

Пашиян А. Г. О понятии «врачебные ошибки» // Медицинский совет. 2009. № 1. С. 8.

Сидорович Ю. С. Гражданско-правовая ответственность за медицинскую ошибку: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 211 с.

Сучкова Т. Е. К вопросу о необходимости определения правовых критериев врачебной ошибки // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 12. С. 112–121.

Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений. М.: Азъ, 1994. 907 с.

Чурляева И. В. О криминализации врачебной ошибки в уголовном законодательстве Российской Федерации // Юристъ-правоведъ. 2018. № 4. С. 147–151.

Шмаров Л. А. Логический анализ понятия «медицинская ошибка» // Судебно-медицинская экспертиза. 2018. № 3. С. 49–53.

Майя Лазаревна Манн – врач-хирург Городской клинической больницы № 40. 620102, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Волгоградская, д. 189; аспирант кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: m_mann86@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-8201-9888

Problems of Enshrining the Concept of Medical Error in the Current Legislation

Until now there is no generally accepted concept of medical error, since each author offers his own unique concept. In this regard, the article examines the problems of the absence of this concept in the current legislation. In this study, various methods are used, including the comparative legal method and the method of analysis. Several concepts of medical error proposed by different authors are analyzed, similarities and differences of these concepts are investigated, as well as their signs and elements. It is obvious that the development of a single concept of medical error is possible only by gradually eliminating concepts that do not correspond to the theory of law and by identifying the common elements and signs for the development of a universal concept of medical error that can be applied both in civil and criminal law.

Keywords: *medical error, medical offense, accident in the provision of medical care, medical care, medical service*

Recommended citation

Mann M. L. Problemy zakrepleniya v deistvuyushchem zakonodatel'stve ponyatiya vrachebnoy oshibki [Problems of Enshrining the Concept of Medical Error in the Current Legislation], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 1, pp. 83–90, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_83.

References

Bashirina E. N., Firsova N. V. Pravovaya kvalifikatsiya meditsinskoj oshibki i ee posledstviya [Legal Qualification of a Medical Error and its Consequences], *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2020, no. 4-2, pp. 129–131.

Churlyayeva I. V. O kriminalizatsii vrachebnoj oshibki v ugovnom zakonodatel'stve Rossijskoi Federatsii [On Criminalization of Medical Error in the Criminal Legislation of the Russian Federation], *Yurist"-pravoved"*, 2018, no. 4, pp. 147–151.

Dogol' E. V. *Meditsinskaya oshibka v grazhdanskom prave Rossijskoi Federatsii* [Medical Error in the Civil Law of the Russian Federation], *Yuridicheskie nauki: problemy i perspektivy* [Legal Sciences: Problems and Prospects]: conference papers, Kazan', Buk, 2016, pp. 162–164.

Lanskaya O. A., Dudorov T. D. Kharakteristika deyanii meditsinskikh rabotnikov, vlekushchikh prichinenie vreda zhizni ili zdorov'yu patsienta [Characteristics of the Acts of Medical Workers Entailing Harm to the Life or Health of the Patient], *Yuridicheskaya nauka*, 2018, no. 3, pp. 115–119.

Lesnichenko A. M. Vrachebnaya oshibka [Medical Error], *Voprosy nauki i obrazovaniya*, 2018, no. 13, pp. 66–78.

Nevzgodina E. L. Yuridicheskaya kvalifikatsiya meditsinskoj oshibki i ee pravovye posledstviya [Legal Qualification of Medical Error and Its Legal Consequences], *Vestnik OMGU. Ser. Pravo*, 2015, no. 2, pp. 137–144.

Pashinyan A. G. O ponyatii «vrachebnye oshibki» [About the Concept of Medical Errors], *Meditsinskii sovet*, 2009, no. 1, p. 8.

Shmarov L. A. Logicheskii analiz ponyatiya «meditsinskaya oshibka» [Logical Analysis of the Concept of Medical Error], *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza*, 2018, no. 3, pp. 49–53.

Sidorovich Yu. S. *Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za meditsinskuyu oshibku* [Civil Liability for Medical Error]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2005, 211

Suchkova T. E. K voprosu o neobkhodimosti opredeleniya pravovykh kriteriev vrachebnoj oshibki [On the Question of the Need to Determine the Legal Criteria of Medical Error], *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2014, no. 12, pp. 112–121.

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 72 500 slov i 7500 frazeologicheskikh vyrazhenii [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 72 500 Words and 7500 Phraseological Expressions], Moscow, Az", 1994, 907 p.

Maya Mann – surgeon, the City Clinical Hospital no. 40. 620102, Russian Federation, Ekaterinburg, Volgogradskaya str., 189; postgraduate student of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: m_mann86@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-8201-9888

Дата поступления в редакцию / Received: 01.02.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 31.03.2023

А. С. Слабоспицкий

Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России),
Московский университет им. С. Ю. Витте
(Москва)

ОСОБЕННОСТИ СУДОУСТРОЙСТВА И СУДОПРОИЗВОДСТВА В ФИНЛЯНДИИ: КОМПАРАТИВИСТСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Данная работа посвящена вопросам реструктуризации судебных звеньев и умеренной автоматизации работы сотрудников судов в Финляндии с целью снижения роли человеческого фактора и бюрократизации в судебном процессе.

Исследуются нормы права в соответствующей сфере, а также положения международных соглашений, регулирующие механизмы осуществления правосудия с точки зрения как структуры финской судебной системы, так и ее процессуального наполнения. Цель работы – сформировать представление о функционировании данной системы для поиска предложений по умеренной рецепции опыта ее развития в части реформирования судебных звеньев и внедрения информационных технологий. Методологической основой проведенного исследования стали формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, системный подход и логический анализ. Теоретико-методологическую основу составили труды отечественных и зарубежных авторов по соответствующей теме.

Отмечается, что вопросы доступности правосудия для населения Финляндии решаются законодателями не только с точки зрения переосмысления модели судостройства, но за счет внедрения электронных технологий. Также рассмотрен опыт внедрения дополнительных ограничений в части порядка обжалования судебных актов.

Ключевые слова: судебная система, оптимизация, доступность правосудия, электронное правосудие

Для цитирования

Слабоспицкий А. С. Особенности судостройства и судопроизводства в Финляндии: компаративистское исследование // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. С. 91–101. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_91.

УДК 347

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_91

Поиск границ парадигмы самостоятельной и независимой судебной власти представляет собой бесконечный процесс [Алехина 2006]. В настоящей статье в качестве примера будет исследовано развитие судебной системы Финляндии. Механизм разрешения споров в этой стране отражен в ее Основном законе и состоит из окружных (районных) судов по уголовным и по гражданским, а также по административным делам. Затем идут апелляционные суды. Верховный суд является высшей судебной инстанцией по гражданским и уголовным делам, кроме того, функционируют Высший административный суд и адми-

нистративные суды. Действуют и суды, разрешающие споры определенных категорий: Высокий суд по импичменту (уголовное преследование членов правительства, канцлера юстиции, парламентского омбудсмена и членов Верховного суда Финляндии), суд по трудовым спорам (в основном коллективным), страховой суд (как правило, вопросы социального страхования), Рыночный суд (дела о торговом праве, конкуренции и государственных закупках) [Слабоспицкий, Гуреев, Кислинский 2023].

Таким образом, в Финляндии, как и в других скандинавских странах, судебная система

довольно проста, и ее целесообразно отнести к биполярной системе правосудия [Носов 2013], включающей в себя суды общей юрисдикции, системы административных судов, а также небольшую группу специальных судов.

Начнем с систем судов общей юрисдикции. Гражданские и уголовные дела рассматриваются в одних и тех же судебных звеньях. В составе окружных (районных) судов Финляндии часто функционируют отдельные уголовные и гражданские коллегии, но в то же время нередки случаи, когда судьи данного уровня переходят из одной коллегии в другую. В апелляционных судах и Верховном суде Финляндии судьи рассматривают как уголовные, так и гражданские дела [Shdaimah 2010].

Суды общей юрисдикции Финляндии согласно Основному закону страны имеют трехуровневую иерархию: окружные (районные) суды (*tingsrätterna*), региональные апелляционные суды (*hovrätterna*) и Верховный суд Финляндии (*högsta domstolen*).

Окружные (районные) суды рассматривают уголовные и гражданские дела по административно-территориальному делению и включают в себя несколько муниципалитетов. Судопроизводство осуществляется в общем порядке, когда стороны непосредственно вызываются в суд, либо в письменном виде. В указанных судах часто существуют отдельные уголовные и гражданские коллегии, за исключением тех звеньев судов, где такое разделение невозможно в силу малого состава.

В гражданских делах разрешаются споры между частными лицами или компаниями. Это могут быть, например, споры по вопросам покрытия убытков, наследственные споры или споры, вытекающие из покупки или аренды недвижимого имущества.

По уголовным делам к компетенции окружных (районных) судов относят, например, обвинения в краже, в вождении в нетрезвом виде, в грабеже. Уголовные дела также рассматриваются либо на заседании окружного (районного) суда, либо в письменной форме по материалам дела без вызова сторон по делу в суд.

Сторона, которая не удовлетворена приговором или решением окружного (районного) суда, может обжаловать этот акт в региональном апелляционном суде, за исключением случаев, когда это прямо запрещено законом.

Однако прежде чем Апелляционный суд рассмотрит апелляцию, обычно требуется разрешение для дальнейшего рассмотрения дела, как уголовного, так и гражданского. При этом прокурору и обвиняемому по уголовному делу, который был приговорен к более суровому наказанию, чем лишение свободы на восемь месяцев, указанное разрешение на дальнейшее рассмотрение не требуется, если жалоба касается вмененного лицу преступления или приговора. При оценке суровости приговора не принимаются во внимание штрафы или другие уголовные санкции (например, запрет на управление автомобилем или конфискация имущества), наложенные в дополнение к тюремному заключению.

Кроме того, лицо, подающее апелляцию на судебный акт, должно сначала устно либо письменно сообщить о своем несогласии в районный суд в течение семи дней после вынесения им обжалуемого акта. Если такое сообщение не поступит в районный суд в отведенный срок, решение становится окончательным. В то же время если процедура выражения несогласия с судебным актом была запущена только одной стороной, то противоположные стороны по делу также могут обжаловать решение районного суда, даже если они не сообщили о своем недовольстве сразу путем подачи встречной апелляции. Кроме того, встречные жалобы теряют силу, если первоначальная жалоба отозвана, аннулирована или отклонена, или если первоначальному заявителю не предоставлено разрешение на дальнейшее обжалование. Однако встречные жалобы не теряют силы, если первоначальная жалоба отозвана только во время основных слушаний.

Таким образом, следующей инстанцией в системе судов общей юрисдикции в Финляндии являются региональные апелляционные суды. Они в основном рассматривают апелляции на решения районных судов. В большинстве случаев для дальнейшего рассмотрения дела в региональном апелляционном суде он должен дать на это разрешение. Если разрешение будет предоставлено, заявитель и его сторона будут уведомлены об этом. Если разрешение не предоставлено, решение районного суда остается в силе.

Региональные апелляционные суды выполняют функции не только проверочной инстанции, но и первой инстанции в отношении

дел, касающихся возможного совершения неправомерных действий судьями и другими должностными лицами судов, а также сотрудниками прокуратуры.

В свою очередь, Верховный суд Финляндии осуществляет высшую судебную власть по гражданским, экономическим и уголовным делам. Его основная задача – огласить решения по тем вопросам, на которые закон не дает однозначного ответа. В Верховный суд Финляндии могут подаваться апелляции на акты апелляционных судов, акты районных судов, окружного суда и некоторые акты Рыночного и Страхового судов. Также Верховный суд Финляндии до начала слушаний по делу разрешает вопрос о принятии поступившей жалобы к рассмотрению.

Большинство дел, поступающих в порядке апелляции в Верховный суд Финляндии, рассматриваются с использованием письменной процедуры, не требующей личного участия сторон¹.

С точки зрения судопроизводства обращает на себя внимание отраженный в процессуальных актах тезис о том, что справедливый процесс является ключевой отправной точкой [Shdaimah 2010]. Данный тезис раскрывается в рамках каждого вида судопроизводства по-своему.

Как отмечает Т. Хупли, в Финляндии, как и в других скандинавских странах, гражданское судопроизводство традиционно было направлено на разрешение как минимум четырех задач: 1) правовая защита частных законных интересов, 2) контроль за поведением в обществе в целом, 3) разрешение споров и 4) контроль за государственной властью [Introduction to Finnish Law and Legal Culture 2012: 121–135]. В дальнейшем данная компетенция была расширена сначала в 1990-е, а затем в 2000-е гг. В настоящее время в круг обязанностей анализируемых судов входит содействие урегулированию споров в гражданском процессе. Была введена новая система посредничества, связанная с судом. Окружные (районные) суды теперь вправе также полностью или частично подтвердить достигнутые в ходе медиации соглашения, таким образом наделяя их статусом испол-

нительного документа. Л. Эрво и А. Нюлунд пишут, что сегодня исследования и дискуссии по данному поводу продолжаются [Ervo, Nylund 2014].

В результате изменилась роль и функции судов. Роли (восприятие) справедливости и разрешение конфликтов в их истинном значении решения проблем подчеркивалось больше, чем когда-либо, а научные исследования и дискуссии о новых системах и функциях судов в Финляндии продолжаются [Ervasti 2014].

Таким образом, суды Финляндии не только разрешают юридические споры, но и часто стремятся к тому, чтобы конфликт между сторонами разрешался целостно и окончательно. Можно отметить, что финский судебный процесс отходит от идеалов материального права и по существу принятия юридически оформленного бескомпромиссного решения к идеалу переговорного и контекстуального права. Процедура уже должна отвечать требованиям не только формальной справедливости, но и субъективно воспринимаемой справедливости. Суды должны быть осведомлены о мнениях сторон о качестве судебной работы и справедливости судебного разбирательства. Роль судов претерпевает огромные изменения [Ervasti 2014].

В уголовном процессе финские суды выполняют следующие функции: 1) защиту невиновных; 2) привлечение к ответственности лиц, совершивших преступления. Функция судов при разрешении уголовных дел не претерпела значительных изменений. Однако в уголовном праве появилось много новых механизмов осуществления правосудия, и некоторые из них связаны с судебной системой.

Скандинавские, в частности финская, системы уголовного правосудия делают акцент на рациональном и гуманном подходе, а уголовная политика является весьма прагматичной [Boldt 2014]. В результате число заключенных невелико. В Финляндии и других скандинавских странах на 100 тыс. жителей приходится примерно 40–70 заключенных. Для сравнения, в США на 100 тыс. жителей приходится в 10 раз больше заключенных [Lappi-Seppälä 2017; Introduction to Finnish Law and Legal Culture 2012: 237–248], а в странах, входящих в Организацию эко-

¹ Högsta domstolen, Högsta domstolen anpassar sin verksamhet till coronavirussituationen. 2020 // URL: <https://perma.cc/X7BB-RM2D> (дата обращения: 07.01.2023).

номического сотрудничества и развития, – 150 заключенных [OECD Economic Surveys 2021].

Низкий уровень «тюремного населения» и система уголовного правосудия связаны с концепцией «северного государства всеобщего благосостояния», которое характеризуется наличием комплексных программ социального обеспечения и услуг, инвестиций в человеческий и социальный капитал, скоординированных рынков труда и относительно щедрых пособий по безработице. Существуют также небольшие различия в доходах и социальном равенстве и наблюдается высокий уровень доверия общества к таким институтам, как полиция и суды [Crime and Justice in Scandinavia 2012: 1–32]. С точки зрения Т. Лаппи-Сеппяля, скандинавская политика в области уголовного права прагматична

Скандинавские, в частности финская системы уголовного правосудия делают акцент на рациональном и гуманном подходе, а уголовная политика является весьма прагматичной

и ориентируется на социальную политику, а не только на вопросы контроля над опасными людьми [Lappi-Seppälä 2017: 103]. Цель системы правосудия, согласно рассматриваемому подходу, направлена на сведение к минимуму социальных издержек, вызванных преступностью и борьбой с ней, а также на справедливое распределение этих социальных издержек. Такой подход отличается от «борьбы с преступностью» [Introduction to Finnish Law and Legal Culture 2012].

Основными принципами в системе уголовного права Финляндии выступают законность и равенство. Особое внимание уделяется деянию или поведению преступника, а не самому преступнику или его особенностям, хотя существуют некоторые специальные правила для несовершеннолетних и умственно отсталых. В данной системе правосудия при вынесении приговоров придается большое значение последовательности и единообразию судебной практики. Идеологическим фоном для юстиции Финляндии является «гуманный

неоклассицизм», что подчеркивается в правовых гарантиях.

С 1990-х гг. во всех скандинавских странах расширился механизм «общинных санкций» в качестве одного из подходов к реализации реабилитационного механизма осуществления правосудия. В Финляндии и других скандинавских странах существует четыре вида санкций: 1) предупреждения, как правило, в форме отказа от судебного преследования; 2) штрафы; 3) общественные санкции, такие как общественные работы; 4) тюремное заключение либо условное наказание [Crime and Justice in Scandinavia 2012: 349–404].

Согласно Уголовному кодексу Финляндии суд может смягчить наказание в связи с преклонным возрастом, плохим здоровьем или другими личными обстоятельствами преступника. Суд также может смягчить наказание, если правонарушитель совершил преступление в возрасте до 18 лет. К тюремному заключению обычно не приговаривают за преступление, совершенное в возрасте до 18 лет, если для этого нет веских причин. Существуют специальные постановления о вынесении приговоров правонарушителям в возрасте до 21 года и о несовершеннолетних правонарушителях в возрасте до 18 лет. Наказанием для несовершеннолетних, как правило, являются «общинные санкции» продолжительностью от четырех до двенадцати месяцев. Они включают в себя детально проработанные элементы – контроль, задачи и программы, за счет чего повышается их социальная эффективность. К примеру, наказание для несовершеннолетних может включать трудовую ориентацию под руководством ментора. Возраст уголовной ответственности достаточно высок: 15 лет [Crime and Justice in Scandinavia 2012: 199–264].

Прокуроры могут отказаться от обвинений по нескольким причинам. Эта возможность используется ими примерно в 7000 случаев в год. Так, прокурор в соответствии с п. 7 Закона Финляндии «Об уголовном судопроизводстве» (689/1997) может отказаться от уголовного преследования, если: 1) ожидаемый приговор за преступление не более суров, чем штраф, и преступление с учетом его пагубных последствий или степень вины правонарушителя, проявившаяся в нем, признаются мелкими в целом; 2) подозреваемый

не достиг 18-летнего возраста на момент совершения правонарушения, и ожидаемое наказание не более сурово, чем штраф или тюремное заключение на срок не более шести месяцев, и считается результатом непонимания запретов и заповедей закона или легкомысленного отношения к ним.

Отметим отдельно, что в силу § 8 Закона Финляндии «Об уголовном судопроизводстве» прокурор может отказаться от уголовного преследования, в том числе, по таким причинам, как явная несоразмерность расходов на продолжение рассмотрения дела характеру санкции, которую можно ожидать по итогам рассмотрения дела. По аналогичным причинам суд может отменить приговор по делу в соответствии с Уголовным кодексом Финляндии.

Согласно разделу 10а главы 6 Уголовного кодекса за преступление, совершенное в возрасте до 18 лет, может быть назначено наказание несовершеннолетнему, если: 1) штраф с учетом тяжести преступления, вины правонарушителя, проявленной в преступлении, и криминального прошлого правонарушителя является недостаточным наказанием и есть веские основания для назначения безусловного наказания в виде лишения свободы; 2) условное лишение свободы с надзором не считается достаточным для содействия социальному развитию (адаптации) правонарушителя и предупреждения новых правонарушений.

В то же время уголовный процесс всегда одинаков для всех. Нет никаких специальных процедур или судов, например, для молодых людей, наркоманов или каких-то других особых групп. Финская система уголовного правосудия применяет принцип одинакового наказания за одно и то же деяние. Вместе с тем сама система включает в себя механизмы решения проблем. Например, для малолетних правонарушителей услуги по защите детей часто являются первичными, а система уголовного правосудия – вторичной. Соблюдение интересов ребенка является ведущим принципом всех мероприятий по обеспечению благополучия детей, и применение тюремного заключения для несовершеннолетних правонарушителей сильно ограничено [Larri-Seppälä 2017].

Жертва в финском уголовном процессе имеет высокий статус. У данного субъекта

есть, с одной стороны, расширенные права как у свидетеля, а с другой – право на самостоятельное выдвижение обвинения. Существует также государственная система компенсации за причиненный ущерб по уголовным делам. В этой системе потерпевший имеет возможность получить компенсацию непосредственно из государственных средств.

Х. Кайнулайнен и Э. Саариккомяки провели исследование уголовного процесса в Финляндии с точки зрения жертв насильственных преступлений. Теоретической основой исследований были терапевтическая юриспруденция и субъективно воспринимаемая процессуальная справедливость. Ученые выявили, что большинство жертв были удовлетворены уголовным процессом. Полиция также получила положительные отзывы [Kainulainen, Saarikkomäki 2014].

Далее исследуем производство по административным делам. В данном случае это дела, возбужденные против государственных органов и должностных лиц, и большая часть тяжб, касающихся социальной защиты граждан, иммиграции, окружающей среды и строительства, а также налогообложения.

Существует отдельная ветвь судебной системы: окружные (районные) административные суды (*förvaltningsdomstolarna*), административные апелляционные суды (*Ålands förvaltningsdomstol*) и Высший административный суд (*högsta förvaltningsdomstolen*). Они являются соответственно судами первой, апелляционной и кассационной инстанций.

Еще одной независимой ветвью судебной системы Финляндии выступают административные суды, которые рассматривают, например, обжалование решений правительства и административные споры. Решения административного суда и Рыночного суда, как правило, могут быть обжалованы в Высшем административном суде Финляндии, если последний дает разрешение на подачу апелляции (оно является обязательным). Кроме того, Высший административный суд Финляндии одновременно является судом первой инстанции при обжаловании решений определенных органов власти.

Порядок осуществления судопроизводства по административным делам в Финляндии регулируется Законом от 26 июля 1996 г. № 586 «О судебных разбирательствах по административным делам» (*Lag om rättegång*

i förvaltningsärenden), который является основным нормативным правовым актом в данной области, действующим на национальном уровне. Кроме того, Основным законом страны предусмотрено создание узкоспециализированных судов, осуществляющих правосудие по делам определенных категорий. В настоящее время функционируют четыре таких суда: Рыночный суд, Суд по трудовым спорам, Страховой суд и Высокий суд по импичменту.

Интересной особенностью законодательства Финляндии является наличие отдельных нормативных правовых актов, посвященных компетенции специализированных судов. Для более детального определения компетенции Суда по трудовым спорам и порядка обжалования его решений был принят Закон Финляндии от 31 июля 1973 г. № 646 «О судебных разбирательствах в Суде по трудовым спорам». Согласно этому Закону Суд по трудовым спорам рассматривает споры, касающиеся коллективных договоров для сотрудников, служащих и наемных работников иных категорий, а также некоторые иные споры, прямо отнесенные к компетенции данного суда. Апелляционные жалобы на его судебные акты рассматриваются Верховным судом Финляндии.

Рыночный суд (*Marknadsdomstolen*) компетентен рассматривать дела, вытекающие из предпринимательской деятельности, в том числе по поводу обжалования действий государственных органов и должностных лиц (Закон Финляндии от 31 января 2013 г. № 100 «О судебных разбирательствах в Рыночном суде»). Поскольку данный суд рассматривает как гражданские, так и административные споры, то существуют два механизма обжалования его решений. По административному спору апелляционная жалоба будет рассмотрена в административном апелляционном суде, а по спорам, связанным с гражданскими правоотношениями, функцию апелляционной инстанции осуществляет Верховный суд Финляндии.

Деятельность Страхового суда в основном регулируется Законами Финляндии от 25 августа 2016 г. № 673 «О суде», от 25 августа 2016 г. № 677 «О судопроизводстве в области страхования» и Правилами процедуры Закона от 20 апреля 2018 г. № 234 «О страховании». Если нарушается Закон «О страховании», то

применяется Закон от 24 мая 1968 г. № 454-1 «Об административных правонарушениях», который регулирует производство в административных судах. Таким образом, данный суд руководствуется той же нормативно-правовой базой, что и административные суды.

Вопросы, регулируемые Законом Финляндии от 25 августа 2016 г. № 677 «О судебном разбирательстве в Страховом суде», касаются, среди прочего, права человека на трудовую пенсию, государственную пенсию, пособие по безработице, обеспечение заработной платы, жилищное пособие, пособие на обучение, пособие по инвалидности, выплачиваемое Учреждением социального страхования, пособие на медицинское страхование, реабилитацию и право на компенсацию за несчастные случаи на производстве. Страховой суд – единственный суд, обладающий юрисдикцией в вышеупомянутых вопросах. Вместе с тем он не занимается делами, связанными с частным страхованием, например страхованием жилья и автомобилей, а также определенными вопросами, касающимися несчастных случаев на работе и профессиональных заболеваний.

Страховой суд выступает высшей апелляционной инстанцией по рассматриваемым им делам, за исключением некоторых дел о страховании от несчастных случаев, когда можно подать заявление о разрешении на подачу апелляции в Верховный суд Финляндии.

Система обжалования в основном двухуровневая. Решения учреждений и компаний, предоставляющих льготы, могут быть обжалованы в апелляционных советах, которые являются судами первой инстанции по этим вопросам. Решения, вынесенные данными советами, могут быть обжалованы в Страховом суде. По общим правилам, решения Страхового суда не могут быть обжалованы, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом (к примеру, если во время рассмотрения дела Страховым судом в процедуре была допущена такая ошибка, которая могла существенно повлиять на решение).

Решения некоторых категорий могут быть обжалованы непосредственно в Страховом суде. К ним относятся, помимо прочего, решения по страховым выплатам в результате травм военнослужащих, а также по вопро-

сам, связанным с реабилитацией в случае автотранспортных происшествий.

Апелляция на решение Страхового суда на основании Законов «О несчастных случаях на производстве и профессиональных заболеваний», «О несчастных случаях и профессиональных заболеваниях сельскохозяйственных предпринимателей» и «О военных авариях» может быть обжалована в Верховном суде Финляндии, если он дает разрешение на подачу апелляции.

Следовательно, пересмотр дела в Верховном суде Финляндии не допускается по таким вопросам, как изменение категории нетрудоспособности, размера годового заработка, суточного пособия, пенсии по несчастному случаю, а также медицинских и исследовательских (экспертных) расходов.

Кроме того, в некоторых случаях жалоба может быть подана в Верховный суд Финляндии при рассмотрении «чрезвычайных апелляций» по делам о страховании от несчастных случаев, а также по делам о телесных повреждениях и военных травмах. Жалобы на отмену решений Верховного суда Финляндии могут быть рассмотрены только самим Верховным судом Финляндии.

Заканчивает перечень специализированных судов Финляндии Высокий суд по импичменту. Он рассматривает выдвинутые против члена Правительства, канцлера юстиции, парламентского омбудсмана, члена Верховного суда Финляндии и Высшего административного суда Финляндии обвинения за совершение незаконного действия, причем именно в официальном статусе. Кроме того, Высокий суд по импичменту рассмотрит обвинение президента страны в совершении уголовного правонарушения.

В связи со спецификой категорий дел, рассматриваемых данной инстанцией, ее работа носит непостоянный характер, и судьи там работают не на постоянной основе, а в силу занимаемых ими должностей в других судебных звеньях. Высокий суд по импичменту состоит из председателя Верховного суда Финляндии в качестве председателя, председателя Высшего административного суда Финляндии в качестве заместителя председателя и трех старейших председателей апелляционных судов, а также пяти членов, которые избираются парламентом и срок полномочий которых составляет четыре года. Обвинение

в Высоком суде по импичменту ведет Генеральный прокурор страны.

Председатель созывает Высокий суд по импичменту после того, как ему поступило решение о предъявлении соответствующего обвинения. В то же время законодательно ограничено число лиц, имеющих право на обращение в данный суд. Например, решение о предъявлении обвинения Высокому суду по делам об импичменте в вопросах, связанных с ответственностью министров, принимается парламентом на основе заключения Конституционного комитета. Кроме того, канцлер юстиции или омбудсмен вправе рассматривать вопрос о привлечении к ответственности члена Верховного суда Финляндии или Высшего административного суда Финляндии, а частное лицо не вправе подавать иски в Высокий суд по импичменту. Решение Высокого суда по импичменту не может быть обжаловано.

В рамках структурной реформы с 1 января 2019 г. на территории Финляндии произошло сокращение части судов. В частности, количество окружных (районных) судов сократилось почти на одну треть. Ввиду такой масштабной модернизации на уровне судов первой инстанции произошло сокращение звеньев судебной системы и на апелляционном уровне. В результате в тех населенных пунктах, в которых суды перестали функционировать на постоянной основе, начали работать «места для встреч», т. е. судебные заседания стали проводиться выездными составами судов, но число таких мест, по сравнению с ранее действовавшим количеством судебных звеньев, тоже сокращено.

Вопросы доступности правосудия и повышения его эффективности в Финляндии решаются не только путем изменения судостроительства, но и за счет внедрения электронных технологий, что можно отнести к одной из общемировых тенденций.

Как страна, подписавшая Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Финляндия должна соблюдать ст. 6 Конвенции, которая предусматривает право на справедливое судебное разбирательство. Кроме того, страны, входящие в состав Европейского союза, подпадают под действие постановления Европейского союза 2001 г. № 1206 «О сотрудничестве между судами государств-членов в сборе доказательств по гражданским или

экономическим спорам» и регламента Европейского союза от 11 июля 2007 г. № 861/2007 «Об установлении Европейской процедуры рассмотрения мелких претензий». Стоит отметить, что в соответствии с данным регламентом еще в 2007 г. на межгосударственном уровне был выработан механизм дистанционного участия в судебном заседании лиц, участвующих в деле, но находящихся за рубежом, т. е. за пределами государства, в котором рассматривается спор [Свирин 2021].

Конституционное право на справедливое судебное разбирательство прямо закреплено и в § 21 Основного закона Финляндии, который устанавливает, что каждый человек имеет право на рассмотрение своего дела без неоправданной задержки судом или другим органом, компетентным в соответствии с законом, и получить касающееся его прав и обязанностей решение, вынесенное судом или другим беспристрастным органом правосудия. В то же время Конституция Финляндии не требует, чтобы все этапы судебного разбирательства обязательно проходили с непосредственным участием сторон в судебном заседании.

Дальнейшие шаги в направлении цифровизации работы судов были сделаны летом 2018 г., когда были предусмотрены электронные услуги для граждан и юридических лиц в рамках частного права. Это позволило вести дела, к примеру, в административных судах путем идентификации на платформе *Suomi.fi*. На этой платформе тяжущиеся могут дистанционно обжаловать судебный акт и получить информацию о результатах рассмотрения конкретного спора. Одну из дальнейших задач законодатель видит в том, чтобы обеспечить решение подавляющей части дел в электронном виде. В результате еще одним нововведением структурной реформы стал пилотный проект по использованию исключительно электронной формы взаимодействия с судом (подачи заявлений, жалоб, ходатайств и т. д.). Данный проект был запущен на базе нескольких окружных (районных) судов.

Кроме того, и административные, и остальные специальные суды (Высший административный суд, региональные административные суды, Административный суд Эланды, Страховой суд, Рыночный суд и Суд по трудовым спорам) сделали большой шаг к обеспечению полностью электронного су-

дебного разбирательства, когда в начале мая 2020 г. была введена компьютерная система НАИРА, которая позволила проводить электронные судебные разбирательства. Заказчиком данной компьютерной системы выступило Министерство юстиции Финляндии в рамках одноименного проекта НАИРА, причем сам проект является межгосударственным и включает остальные скандинавские страны. В целом компьютерная система НАИРА позволяет осуществлять электронную обработку документов, относящихся к судебному процессу, с момента возбуждения дела до уведомления о решении суда. Вышеупомянутые суды постепенно вводят новую систему, а старые системы управления делами пока используются наряду с НАИРА. В настоящее время к новой системе подключена и платформа *Suomi.fi*. Несмотря на исключительные обстоятельства, создавшие определенные проблемы, в частности при переподготовке сотрудников судов и самих судей, первый этап ввода в эксплуатацию прошел успешно.

Для судов НАИРА – это не только компьютерная система, но и общее развитие практики взаимодействия с исполнительной и законодательной ветвями власти как внутри страны, так и за ее пределами. Работников суда обучат использовать систему, они привыкнут к новым методам работы, и в итоге бумажные документы «перенесутся» в учебники истории. Цель таких нововведений в том, чтобы после адаптационного периода работы с НАИРА деятельность судов ускорилась и стала более гибкой, что сократит время рассмотрения дел в судах в будущем. Считается, что оцифровка существующих механизмов работы принесет финансовые выгоды не только судам, но и остальным заинтересованным сторонам, таким как другие государственные органы, муниципальные администрации и ассоциации, которые выполняют задачи государственного управления.

В то же время внедрение системы НАИРА потребовало, чтобы оборудование в залах судебных заседаний и на рабочих местах сотрудников суда было обновлено в соответствии с требованиями, установленными электронной службой.

Несмотря на предпринимаемые на законодательном уровне усилия, доктринальные подходы к исследованию механизмов осуществления правосудия в Финляндии, соглас-

но действующему Судебному кодексу 1734 г. основное слушание в рамках судебного разбирательства, как правило, должно проводиться лично. Тем не менее в определенных аспектах судопроизводства позволено удаленное участие, в том числе и из-за границы¹. Например, свидетели, эксперты и переводчики могут участвовать в разбирательствах посредством видеоконференцсвязи, при условии что стороны могут задавать участвующим лицам вопросы с использованием видеоконференцсвязи или любого другого подходящего технического метода передачи данных. Суд может также самостоятельно определить, когда стороны не должны быть заслушаны (присутствовать лично) в ходе конкретного дела; процедура судебного усмотрения близка и отечественному судопроизводству по спорам некоторых категорий [Слабоспицкий

¹ Videokonferens vid rättegångar, Oiekus.fi. 2019 // URL: <https://perma.cc/4C4V-8KFD> (дата обращения: 07.01.2023).

2019]. Кроме того, в отдельных трансграничных делах, когда стороны являются выходцами из разных стран Европейского союза, финские суды вправе разрешить сторонам представлять доказательства по видеоконференцсвязи [Гуреев, Слабоспицкий 2019].

Изложенное позволяет прийти к выводу, что в Финляндии судебная система периодически подвергается модернизации с целью соответствовать взятым на себя страной обязательствам и найти баланс между требованием обеспечивать ясность и предсказуемость принимаемых судебных решений, с одной стороны, и необходимостью выдерживать определенный допустимый уровень судебных расходов – с другой. Первое неопределимо для предотвращения произвольных решений и непредсказуемых результатов для тяжущихся в соответствии с принципом правовой определенности. Второе сохраняет устойчивое развитие судебной системы.

Список литературы

- Boldt R.* Problem Solving Courts and Pragmatism // *Maryland Law Review*. 2014. № 73. P. 1120–1172.
- Crime and Justice in Scandinavia* / ed. by S. T. Lappi-Seppälä, M. Tonry. Chicago: The University of Chicago Press, 2012. 673 p.
- Ervasti K.* Court-Connected Mediation in Finland: Experiences and Visions // *The Future of Civil Litigation. Access to Courts and Court-Annexed Mediation in the Nordic Countries* / ed. by L. Ervo, A. Nylund. Springer, 2014. P. 121–135.
- Introduction to Finnish Law and Legal Culture* / ed. by S. K. Melander, M. Kettunen, K. T. Nuotio. Helsinki: University of Helsinki, Faculty of Law, 2012. 294 p.
- Kainulainen H., Saarikkomäki E.* Rikosprosessi väkivaltarikosten uhrien näkökulmasta. 2014 // URL: https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/152495/126_Kainulainen_Saarikkomaki.pdf?sequence=2&isAllowed=y (дата обращения 07.01.2023).
- Lappi-Seppälä T.* Sentencing and Sanctions in Finland // *Peking University Law Journal*. 2017. № 5. P. 101–137.
- OECD Economic Surveys*. 2021 // URL: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-european-union-2021_a77ab220-en (дата обращения 07.01.2023).
- Shdaimah C.* Taking a Stand in a Not-So-Perfect World: What's a Critical Supporter of Problem-Solving Courts to Do? // *University of Maryland Law Journal of Race, Religion, Gender and Class*. 2010. Vol 10. P. 89–111.
- Алехина О. А.* Парадигма правового суда как носителя самостоятельной и независимой судебной власти // *Право и образование*. 2006. № 2. С. 170–183.
- Гуреев В. А., Слабоспицкий А. С.* Отдельные вопросы внедрения информационно-коммуникационных технологий в деятельность судов в контексте зарубежного опыта // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 10. С. 72–75.
- Носов Д. В.* Правопреемство в российском праве: моногр. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2013. 199 с.
- Свирин Ю. А.* Электронное правосудие: теоретико-правовые проблемы // *Вестник Российской правовой академии*. 2021. № 1. С. 16–20.

Слабоспицкий А. С. Информационные технологии в правосудии по экономическим спорам в Российской Федерации и Республике Казахстан // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 3. С. 82–87.

Слабоспицкий А. С., Гуреев В. А., Кислинский Д. В. Функционирование судов в пандемию COVID-19 (опыт ближнего и дальнего зарубежья): моногр. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2023. 214 с.

Анатолий Сергеевич Слабоспицкий – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса, публично-правовой деятельности и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). 117149, Российская Федерация, Москва, Большой Каретный пер., д. 10А; доцент кафедры гражданского права и процесса Московского университета им. С. Ю. Витте. 115432, Российская Федерация, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1. E-mail: SlabospitskyAS@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-1659-4184

Features of the Judicial System and Judicial Proceedings in Finland: A Comparative Research

This work is devoted to the issues of restructuring of judicial links and moderate automation of the work of court staff in Finland, in order to reduce the role of the human factor and bureaucratization in the judicial procedure.

The subject of the study are the norms of the law in the relevant field, as well as the provisions of international agreements regulating the mechanisms of justice from the point of view of the structure of the Finnish judicial system and its procedural content. The purpose of the work is to form an idea of the functioning of the Finnish judicial system in order to find proposals for a moderate reception of its development experience both in reforming judicial links and in terms of the introduction of information technologies. The methodological basis of the research were formal legal and comparative legal methods, systematic approach and logical analysis. The theoretical and methodological basis was formed by the works of domestic and foreign authors on the relevant topic.

It is noted that the issues of accessibility of justice for the population of Finland are solved by lawmakers not only in terms of rethinking the model of the judiciary, but also through the introduction of electronic technologies. The experience of introducing additional restrictions in terms of the procedure for appealing judicial acts is also considered.

Keywords: *judicial system, optimization, accessibility of justice, electronic justice*

Recommended citation

Slabospitsky A. S. Osobennosti sudoustroistva i sudoproizvodstva v Finlyandii: komparativistskoe issledovanie [Features of the Judicial System and Judicial Proceedings in Finland: A Comparative Research], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 1, pp. 91–101, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_1_91.

References

Alekhina O. A. Paradigma pravovogo suda kak nositelya samostoyatel'noi i nezavisimoi sudebnoi vlasti [The Paradigm of the Legal Court as a Carrier of Independent Judicial Power], *Pravo i obrazovanie*, 2006, no. 2, pp. 170–183.

Boldt R. Problem Solving Courts and Pragmatism, *Maryland Law Review*, 2014, no. 73, pp. 1120–1172.

Ervasti K. *Court-Connected Mediation in Finland: Experiences and Visions*, Ervo L., Nylund A. (eds.) *The Future of Civil Litigation. Access to Courts and Court-Annexed Mediation in the Nordic Countries*, Springer, 2014, pp. 121–135.

Gureev V. A., Slabospitsky A. S. Otdel'nye voprosy vnedreniya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii v deyatel'nost' sudov v kontekste zarubezhnogo opyta [Some Issues of the Introduction of Information and Communication Technologies in the Activities of Courts in the Context of Foreign Experience], *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2019, no. 10, pp. 72–75.

Kainulainen H., Saarikkomäki E. *Rikosprosessi väkivaltarikosten uhrien näkökulmasta*, 2014, available at: https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/152495/126_Kainulainen_Saarikkomaki.pdf?sequence=2&isAllowed=y (accessed: 07.01.2023).

Lappi-Seppälä S. T., Tonry M. (eds.) *Crime and Justice in Scandinavia*, Chicago, The University of Chicago Press, 2012, 673 p.

Lappi-Seppälä T. Sentencing and Sanctions in Finland, *Peking University Law Journal*, 2017, no. 5, pp. 101–137.

Melander K., Kettunen M., Nuotio K. T. (eds.) *Introduction to Finnish Law and Legal Culture*, Helsinki, University of Helsinki, Faculty of Law, 2012, 294 p.

Nosov D. V. *Pravopreemstvo v rossiiskom prave* [Succession in Russian Law], Perm', Perm. gos. nats. issled. un-t, 2013, 199 p.

OECD Economic Surveys, 2021, available at: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-european-union-2021_a77ab220-en (accessed: 07.01.2023).

Shdaimah C. Taking a Stand in a Not-So-Perfect World: What's a Critical Supporter of Problem-Solving Courts to Do? *University of Maryland Law Journal of Race, Religion, Gender and Class*, 2010, vol. 10, no. 1, pp. 89–111.

Slabospitskiy A. S. *Informatsionnye tekhnologii v pravosudii po ekonomicheskim sporam v Rossiiskoi Federatsii i Respublike Kazakhstan* [Information Technologies in Justice in Economic Disputes in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan], *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii*, 2019, no. 3, pp. 82–87.

Slabospitskiy A. S., Gureev V. A., Kislinskii D. V. *Funktsionirovanie sudov v pandemiyu COVID-19 (opyt blizhnego i dal'nego zarubezh'ya)* [Functioning of Courts in the COVID-19 Pandemic (Experience of the Neighboring Countries and Abroad)], Moscow, Ai Pi Ar Media, 2023, 214 p.

Svirin Yu. A. Elektronnoe pravosudie: teoretiko-pravovye problemy [Electronic Justice: Theoretical and Legal Problems], *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii*, 2021, no. 1, pp. 16–20.

Anatoly Slabospitsky – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of civil procedure, public law activity and organization of the bailiff service of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia). 117149, Russian Federation, Moscow, Bolshoy Karetny Lane, 10A; associate professor of the Department of civil law and procedure, Moscow University named after S. Yu. Witte. 115432, Russian Federation, Moscow, 2nd Kozhukhovskiy drive, 12, build. 1. E-mail: SlabospitskyAS@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-1659-4184

Дата поступления в редакцию / Received: 10.01.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 04.04.2023

ТРЕБОВАНИЯ
к статьям, направляемым в редакцию журнала
«Российское право: образование, практика, наука»

1. К опубликованию в журнале «Российское право: образование, практика, наука» принимаются авторские материалы на русском языке: научные статьи, интервью, рецензии, очерки, научно-практические комментарии законодательства, отрывки из монографий и иные материалы, соответствующие тематике издания.

2. Авторский оригинал материала должен быть набран в текстовом редакторе MS Word (расширение *.doc или *.rtf).

Должны быть соблюдены следующие технические требования: гарнитура Times New Roman, кегль – 14, межстрочный интервал – 1,5, поля – по 20 мм. Отступ абзаца – 1,25 мм (должен быть задан не табулятором, а командой Формат/Абзац/Отступ/Первая строка).

3. Объем статьи – до 20 страниц, для аспирантов и студентов – до 10 страниц.

4. Файл со статьей должен содержать:

заголовок статьи на русском и английском языках;

фамилию, имя, отчество автора (полностью), место его работы (учебы), ученую степень и ученое звание (при наличии);

ключевые слова на русском и английском языках (5–7 слов);

аннотацию на русском и английском языках (3–5 предложений).

5. К статье прилагается справка, где должны быть указаны следующие данные:

фамилия, имя, отчество автора (авторов);

число, месяц, год рождения каждого из авторов;

паспортные данные каждого из авторов;

место работы, должность, ученая степень, ученое звание каждого из авторов;

адрес места жительства, почтовый адрес, контактный телефон, адрес электронной почты каждого из авторов.

Должна быть приложена фотография автора (авторов) разрешением не менее 300 dpi.

К статьям аспирантов и студентов прилагаются рецензии научных руководителей.

6. Редакция рецензирует представленные материалы и оставляет за собой право опубликовать материал или вернуть автору для доработки. Также Редакция оставляет за собой право внести редакционную и стилистическую правку в текст авторского материала, его название и аннотацию, не изменяя при этом основной смысл материала, заложенный автором.

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ ПРАКТИКА НАУКА

Редактор *К. С. Пугачкина*
Дизайн обложки *К. О. Хрущева*
Компьютерная верстка *И. В. Яцук*

Подписано в печать .05.2023. Формат 60×84/8.

Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. ,. Уч.-изд. л. ,.

Тираж 100 экз. Заказ №

Дата выхода в свет 04.0.2023.

Цена свободная

16+

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

Отпечатано в ООО «ПРИНТ».
426035, Ижевск, ул. Тимирязева, д. 5, оф. 5